

ВИКТОРИЯ ВЕРА

СЛАБАЯ
ГЕРЦОГИНЯ

Улыбаюсь и поворачиваюсь. Может он предложит мне руку? Мне бы очень хотелось снова ощутить тепло его ладони...

— Можно уже прекращать этот фарс, Эммилина. Ты прекрасно знаешь, что я вижу твою лживую натуру насквозь, — ухмыляется, видя мою растерянность. — Добро пожаловать во Фрэй Дау, дорогая невеста, я сделаю всё, чтобы превратить твою жизнь здесь в ад.

У меня есть власть и враги. У моего жениха — любовница и план, как от меня избавиться.

Меня презирают и боятся. Его уважают и обожают.

Только вот... никто не знает, что в теле герцогини теперь Я!

Именно мне предстоит отдуваться за прошлое хозяйки этого тела. И я ещё посмотрю, нужен ли мне такой "жених"...

Слабая герцогиня. 10 способов унижить невесту
Виктория Вера

— Её светлость, Эммилина Эон Нидао! — громко оглашает королевский поверенный моё прибытие, а я вздрагиваю, не сразу осознав, что это моё собственное имя.

Нужно собраться с духом и перестать нервничать, но тело не слушается. Сжимающие юбку пальцы подрагивают от волнения, а перед глазами то и дело плывут тёмные пятна.

Я совершенно, вот ни капельки не готова... Но кто меня спрашивает?

Стараюсь элегантно, насколько это возможно в таком платье, выбраться из кареты. Перед моим взором появляется мужская рука в светлой перчатке. Вкладываю в неё ладонь и поднимаю глаза, встречаясь с голубым льдом взгляда будущего мужа. Чувственные губы растягиваются в лёгкой улыбке, отчего на идеальных скулах появляются ямочки.

— Ваша светлость, рад приветствовать вас во владениях Фрэй Дау, — спокойный, с бархатными нотками голос обволакивает.

Граф подносит мою ладонь к своим губам, обдавая тёплым дыханием. Мысли путаются и мне едва удаётся собраться, чтобы пересохшими от волнения губами произнести:

— Благодарю, ваше сиятельство.

Он как-то странно смотрит на меня, затем указывает рукой в сторону величественного особняка, жестом предлагая пройти вперёд. Делаю несколько шагов и оборачиваюсь в растерянности. Порыв холодного ветра заставляет поёжиться и поплотнее завернуться в тонкую накидку. Здесь явно холоднее, чем в моём герцогстве.

Нужно ли мне ждать графа или идти внутрь одной? Я всё ещё путаюсь в нормах этикета.

— Дио Зейн-Малик, — снова этот бархатный голос, но теперь обращённый к моему сопровождающему, — не желаете ли разделить с нами торжественный обед? Буду рад, если вы присоединитесь к трапезе в честь прибытия моей дорогой невесты.

— Сожалею, ваше сиятельство, мы и так задержались. Его Величество ждет меня с подробным отчетом, — при этом слова “Его Величество” дио Зейн-Малик выделяет с особой интонацией, словно пытается напомнить, по чьему приказу я оказалась в имении Фрэй Дау. — Полагаю, герцогине будут предоставлены все причитающиеся удобства?

— Конечно, милорд, не волнуйтесь, я лично позабочусь о комфорте своей будущей жены, — граф тепло смотрит в мою сторону и дыхание сбивается от его мягкой улыбки.

Королевский поверенный делает два шага ко мне и целует руку:

— Всего хорошего, ваша светлость. Помните, Его Величество надеется на ваше благоразумие, — Зейн-Малик легонько пожимает мои пальцы в поддерживающем жесте.

Улыбаюсь в ответ, а в голове крутятся мысли: “Что он имел в виду? Что значит “надеется на моё благоразумие”?” Снова чего-то не понимаю и это заставляет нервничать... Я словно во сне, где всё не то, чем кажется.

Пока думаю, поверенный возвращается к карете, забирается внутрь и отдаёт приказ трогаться, оставляя меня наедине с будущим мужем.

По тёплым мурашкам, разбегающимся по всему телу, осознаю, что граф стоит прямо за моей спиной. Улыбаюсь и поворачиваюсь к нему. Может, он предложит мне руку? Мне бы очень хотелось снова ощутить тепло его ладони...

— Можно уже прекращать этот фарс, Эммилина. Ты прекрасно знаешь, что я вижу твою лживую натуру насквозь, — ухмыляется, видя, как мои глаза расширяются в неопределённости и попытке осознать его слова. — Добро пожаловать во Фрэй Дау, дорогая

невеста, я сделаю всё, чтобы превратить твою жизнь здесь в ад.

За три недели до этого...

“Наслаждайтесь. Из каждого мгновения извлекайте радость, оно не вернётся, не повторится, это мгновение! Пусть останется хотя бы светлое воспоминание. Это лучше, чем ничего. Ловите радость сейчас, сразу, без промедления! Завтра может не наступить...”

Я захопываю книгу Саке Комацу. Кого-то его слова должны вдохновить, но на моих губах они оставляют привкус горечи.

— Собралась? Ненавижу ждать, — требовательный голос мужа раздаётся из-за прикрытой двери, которая, впрочем, тут же отворяется.

— Да, конечно, я уже готова.

Встаю, откладывая книгу, и поправляю невидимые складки на ткани длинной юбки.

— Это что? Ты серьёзно намерена выйти в этом? — бросает, обходя меня со спины.

— Что не так? — неприятный тон заставляют нервничать, но я изо всех сил стараюсь это скрыть и лишь привычно растягиваю губы в лёгкой улыбке.

— Слишком вульгарное платье.

— Только неглубокий вырез на спине.

Обидно. Это было самое скромное, что нашлось на вечер в бутике моего любимого бренда.

— Ты сейчас же переоденешься, я не желаю, чтобы мою жену за глаза называли шл... кхм... распутной. — Он морщится, едва сдержавшись от опрометчивого замечания, но я всё же чувствую себя облитой грязью.

Я так радовалась, найдя это струящееся платье изысканного оттенка кэмел. Оно полностью закрыто спереди, но при этом идеально сидит по фигуре, оставляя кокетливо открытой лишь верхнюю часть спины. Вырез едва ли опускается ниже лопаток, но под недобрим взглядом мужа мне отчаянно хочется прикрыть и его.

— Конечно. Как скажешь.

Спорить и что-то доказывать? Бесполезно. Раньше я пыталась объяснять, уговаривать, улыбаться и торговаться, но со временем поняла, что всё это приводит лишь к очередной вспышке его гнева, а мне всё равно приходится сделать так, как он требует.

Я выбираю платье, которое уже не раз надевала на какие-то из прошлых мероприятий. Муж сам купил его для меня. Полностью закрытое, глухого тёмно-лилового оттенка с обилием вышивки в виде неуместных цветочков.

Переодеваюсь как можно быстрее и перед тем, как выйти из гардеробной несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю. Натягиваю на лицо привычную милую улыбку и отворяю дверь.

Муж одобрительно кивает, разворачивается и идёт в сторону выхода, а я, стараясь не отставать, семеню за ним.

* * *

— Девочка моя, ну наконец-то! Так рада тебя видеть.

— Здравствуй, мама. Я тоже очень рада! — хочу распахнуть руки и прижаться к ней,

растворившись в родных объятиях, но позволяю себе лишь короткий поцелуй в щеку.

— Ты без помады? Не хочу ходить со следом на щеке.

— Нет, мама, не волнуйся, — мои губы достаточно яркие от природы, и помадой я часто пренебрегаю.

— Хорошо. Надеюсь, твой отец вот-вот подойдёт, его с самого начала вечера не отпускают то одни, то другие.

— Полагаю, все эти разговоры важны для бизнеса.

— Да, конечно. Только вот мне приходится весь вечер изображать улыбающегося истукана. Впрочем, сегодня у меня есть ты, — улыбается и придиричливо осматривает меня с ног до головы. — Мне кажется или я уже видела на тебе это платье?

— Айзек выбрал его. Я планировала надеть другое.

Мама лишь хмыкает, никак не комментируя мою попытку пожаловаться, а я перевожу взгляд туда, где сейчас стоит мой отец. В этот момент он протягивает руку молодому джентльмену. Тот уверенно пожимает её. В отличие от многих, молодой человек без пиджака, а верхняя пуговица рубашки расстёгнута.

— Не стоит так долго задерживать взгляд на постороннем мужчине. Могут заметить.

— Тут все рассматривают друг друга к тому же, я смотрела на папу, — вру и даже не собираюсь за это краснеть.

С самого начала вечера я ощущаю на себе чужие взгляды, от которых у меня уже начинает чесаться всё тело. Хотя, возможно, чешется оно от слишком душного платья. Оттягиваю высокий, обхватывающий шею, ворот, потому что мне начинает казаться, что здесь не хватает воздуха.

— Лучше слушай меня и делай, как говорю, не стоит давать лишний повод для сплетен.

— Конечно, мама. Ты не против, если я немного прогуляюсь? Здесь несколько душно, — она косится на меня с подозрением, но согласно кивает.

Возле открытой террасы почти никого нет, и я позволяю себе несколько раз шумно втянуть кислород в лёгкие. Становится немного лучше.

Благотворительный вечер набирает обороты. Каждый стремится перекинуться парой слов со своими старыми знакомыми и завести новые связи. Некоторые мужчины общаются, придерживая за талию свою половинку. На огромной площадке с другой стороны холла несколько пар уже танцуют под приятную музыку.

Моего мужа не видно, а отец может так прообщаться до конца вечера. Правительственные связи нужны всем, так что едва ли череда жаждущих его внимания иссякнет.

Пожалуй, стоит самой подойти к отцу и хотя бы обозначить своё присутствие.

Плавно приближаюсь к папе, растягивая губы в привычной улыбке. Но останавливаюсь в полуметре, опасаясь прервать деловой разговор. Кажется, отец не замечает меня. Зато моё нахождение рядом не ускользает от его собеседника, того, который без пиджака. Он переводит на меня взгляд и оценивающе пробегает глазами сверху вниз, подавляя лёгкую ухмылку.

Ощущаю себя неловко, вдруг он думает, что я караулю именно его? Но отец уже следует за взглядом мужчины.

Обнаружив меня рядом, сначала слегка хмурится, а затем протягивает мне руку, чем вызывает любопытство на лице незнакомца.

— Рад видеть тебя, дорогая, — слышу в его тоне строгие нотки и понимаю, что отец

немного сердится. Что ж... я надеялась на более тёплую встречу.

— Давно не виделись, папа.

— Давно не виделись, папа.

Он натягивает дежурную улыбку. “Сохранять лицо в любой ситуации” — один из его девизов.

— Позвольте представить вам, Кирилл, мою дочь. Эмма, Кирилл Олегович представляет “Антей”, он будет вести проект новой застройки общественных пространств, предоставленных городом территорий.

— Очень приятно. Наслышана о проекте, была бы рада участию в нём.

Глаза собеседника слегка расширяются в немом вопросе, а отец бросает на меня вполне определённый взгляд. Он недоволен. Но я уже забросила камушек в это озеро и волны, расходящиеся от него, не остановить. Отцу ничего не остаётся, как приклеить к лицу выражение “гордый родитель” и пояснить:

— Эмма дизайнер архитектурной среды. В данный момент работает в одном из филиалов подведомственной нам компании.

— Весьма впечатлён. Нам было бы интересно ознакомиться с вашим портфолио и реализованными проектами. — В его голосе слышны уважительные нотки, из-за которых внутри растекается приятное чувство гордости за свои умения и достижения. Пока он договаривает, я уже представляю, с каким азартом погружусь в новые идеи...

— К сожалению, Эмма сейчас весьма занята и в её планах на ближайшее будущее едва ли найдётся время для сотрудничества с “Антей”, — спускает меня с небес на землю отец, припечатав таким взглядом, что я вздрагиваю.

Хочется закричать, что это не так, я могу, я хочу! Я мечтаю участвовать в этом проекте! Это бы открыло передо мной новые двери, это то, к чему я стремилась все последние годы и знаю, что справилась бы! О, я бы шикарно справилась! Но острый взгляд осаждает мои порывы, в глубине папиных глаз я читаю предостережение и привычно замираю, сжимаясь внутри.

— Да конечно, — мой голос теряет жизнь, — я несколько погорячилась, не рассчитав свои силы и время. Прошу простить, мне лучше оставить вас, чтобы не мешать разговору.

Привычно улыбаюсь и делаю шаг назад. Разворачиваюсь и изо всех сил удерживаю себя от того, чтобы не бежать.

Из любой ситуации нужно уметь выходить с достоинством.

Я ищу уединённое место, очень хочется остаться одной и успокоиться. Отец опять это делает. Опять задвигает меня в тень других людей. О, я знаю, что буду работать с этим проектом, потому что я работаю со всеми нашими важными проектами, но, как обычно, все мои наработки присвоят начальнице, а затем мои идеи исковеркают и от первоначальной концепции останется лишь тень. А всё потому...

Мобильный прерывает поток моих мыслей.

— Слушаю.

— Напоминаю на будущее, дочь, женщине не следует влезать, когда общаются мужчины.

— Так боишься, что меня выберут руководить этим проектом? — не сдерживаюсь и выходит несколько грубо, но злые слёзы уже текут по щекам и мне всё сложнее контролировать голос.

— Тебе не по городу прыгать, а детей пора рожать. Проект займёт года два, если не больше, а я не намерен ждать появления внуков так долго. Лучше займись своим здоровьем. Я поговорю с твоим мужем, не понимаю, почему он до сих пор не сделал того, ради чего вы поженились.

Он тоже злится, не привык, что ему кто-то перечит, тем более я. Но я так устала от того, что все решают за меня!

— Ты знаешь, почему у нас до сих пор нет детей, папа. Моё тело ещё не восстановилось после... — слова застревают в горле.

Несколько месяцев назад случился выкидыш. Отец считает, что это из-за здоровья. Но на самом деле, у мужа был очередной приступ беспочвенной ревности. Он запретил говорить родителям, как именно всё произошло.

Я бы хотела обсудить всё с отцом, но если он опять мне не поверит, а муж узнает...

Мне страшно и я молчу. Проект мог бы стать отдушиной для меня, но отец не понимает, не хочет понять.

Выдыхаю.

— Я живой человек, папа, со своими желаниями и стремлениями. Я хочу и могу руководить! Столько лет учёбы, практики, работы над чужими идеями! Я мечтаю вести свои концепты и защищать их перед заказчиком самостоятельно, а не переделывать десять раз из-за того, что моя начальница не понимает и не может объяснить клиентам, почему важно сделать именно так, как было задумано и просчитано в изначальном плане!

— Всё сказала? — лёд в голосе подсказывает, что он едва ли вообще слушал меня. — Очень надеюсь, что тебя в таком состоянии никто не видел и не слышал. Сейчас ты успокоишься и приведёшь себя в порядок. А затем вернёшься в зал и будешь улыбаться, помня о правилах, положенных девушке твоего статуса. Мне не нужны лишние сплетни.

Отключается, уверенный, что я поступлю именно так, как он сказал. Потому что я всегда так поступаю.

Прячу телефон в миниатюрную сумочку и растерянно озираюсь. Я стою в углу небольшой террасы, скрытая тенью раскидистых фикусов и цветущих гортензий в огромных кадках.

Очень хочется поговорить с кем-то. Но на этом празднике жизни нет ни одной души, которой я могла бы доверить свои тревоги. Мама, как обычно, скажет, чтобы я слушалась отца. Подруги... кхм... вернее, знакомые, разнесут наш разговор, как интересную сплетню и ещё неизвестно, чем приукрасят. Муж... это последний человек, которому бы я доверила свои тревоги.

Словно вторя моим мыслям, из неприметной дверцы наружной стены здания появляется знакомый мужской силуэт, а следом торопливо выпархивает миниатюрная блондинка.

Девушка поправляет одежду и пытается догнать моего мужа.

На гравийной дорожке показываются пожилые мужчины. Они неспешно прогуливаются и что-то обсуждают. Айзек делает шаг назад, едва не налетая на семенящую следом красотку, резко оборачивается и утягивает её в тень.

— Что ж, испугался, дорогой, похвастался бы своими достижениями на любовном фронте перед джентльменами. Не всё ж мне одной радоваться за тебя, — *шиплю от злости и обиды, хотя мне хочется кричать.*

Гнев придаёт сил и, как ни странно, помогает взять себя в руки.

Вот уже несколько лет моя жизнь удивительно стабильна. Ничего не меняется. И не

изменится, судя по сегодняшнему прекрасному вечеру.

— Может плюнуть на всё и уехать домой? Ну правда, кому я здесь нужна? Спешу, пересекая зал, полный довольных жизнью гостей.

— Эмма, подождите! — молодой человек догоняет меня и пытается взять под локоть, но я вовремя и изящно уворачиваюсь. Не хватало ещё, чтобы это кто-то заметил.

— Вы что-то хотели, Кирилл Олегович? — смеряю его холодным взглядом, слегка рассерженная такой вольностью.

— Простите, вы правы, — делает шаг назад, увеличивая дистанцию до вполне приличной, — позвольте пригласить вас на танец?

Неожиданно. Хотя и ничего особенно в его предложении нет. Мы представлены, отец желает видеть мою улыбку, а мой муж желает другую женщину... женщин...

— Я согласна, Кирилл Олегович, ведите.

Моя широкая улыбка, напоминающая оскал и резкая смена настроения заставляют его посмотреть на меня с недоверием. Но он тут же спохватывается и провожает на широкую открытую площадку, где с самого начала вечера звучит приятная музыка и кружат пары.

— Эмма, то, что сказал ваш отец, по поводу ваших планов... вы действительно не сможете взяться за этот проект?

— Вы слышали, что сказал мой отец? Я слишком “занята”.

— Простите, если мой вопрос бестактен, но я кое-что выяснил. У вас хороший опыт работы, но портфолио проектов на вашем личном сайте гораздо интереснее, чем то, что реализовывала... реализовывали...

— Говорите как есть: чем проекты, которые реализовывали компании, подотчётные моему отцу.

— Да, — немного морщится, понимая, что о таких вещах не говорят вслух.

Отец, как любой государственный служащий подобного уровня, не имеет права прямо управлять предприятиями. Поэтому ими управляет мой дядя, а заодно и присматривает за мной.

— Так почему? Что вас останавливает?

— Кто.

— Что?

— Не “что” меня останавливает... а “кто”. Отвечая на ваш вопрос, Кирилл Олегович забудьте обо мне, если хотите и дальше сотрудничать с папой.

Кирилл Олегович немного хмурится, чувствуя моё напряжение. Он будто подбирает слова для ответа, но в итоге, молча замирает взглядом на моей руке. Той самой, на которой издевательски “красуется” обручальное кольцо.

Мелодия замирает и, прежде чем её успевают сменить следующая, молодой мужчина останавливается и шутливо склоняет голову:

Благодарю за танец, Эмма. Мне жаль, что я опоздал.

— Опоздали?

— Неважно... — на губах улыбка, но в глазах лёгкая грусть.

— Вот ты где? — сбоку раздаётся резковатый голос мужа, который подходит и по-хозяйски притягивает к себе за талию. Я бы с радостью оттолкнула его руку... если бы не боялась последствий. Если бы...

Я не выбирала своего мужа. Но с детства знала, кто им станет. Родители решили, что поженить нас — отличная идея. Две уважаемых влиятельных семьи. Совместный бизнес. Серьёзные связи.

Так почему бы не объединить капиталы с помощью детей? Тем более что, “жених” пользовался интересом у женщин, а я с детства слыла “хорошенькой, послушной и прекрасно образованной”.

Казалось бы — чудесный план. Вот только не учли: то, что само легко идёт в руки, слишком мало ценится. Избалованному золотому мальчику всё в жизни преподносилось на серебряном блюде, в том числе и “удобная” жена...

— Почему стоит мне ненадолго отлучиться, как я застаю тебя обжимающейся непонятно с кем?

— Что значит “обжимающейся”? Это деловой партнёр отца, мы были представлены, он пригласил меня на танец, — мне очень хочется добавить: “пока мой муж шлялся непонятно с кем по подсобным комнатам, бросив одну”, но мой язык словно прилипает к нёбу. Я не могу этого произнести, хотя обида кипит внутри.

— В следующий раз спроси меня, прежде чем принимать приглашение на танец от постороннего мужчины.

— Тебя не было. Почти весь вечер, — говорю и поворачиваюсь, чтобы взглянуть в его глаза. Хочется рассмотреть в них хоть толику вины. Но замечаю, что в этот момент он подмигивает кому-то.

Перевожу взгляд и вижу ту самую миниатюрную блондинку. Девушка уже кружит по террасе с высоким джентльменом в светлом фраке.

Только сейчас обращаю внимание на её платье: чёрное, облегающее, немного откровенное, но не пошлое. Я примеряла это платье в бутике... но опасаясь рассердить мужа, выбрала другое, самое скромное из предложенных моим любимым брендом. Но и его мне запретили сегодня надеть.

— А её кавалера ты одобрил? — второй раз за вечер едва сдерживаю слёзы. Не из-за мужа, нет, к его выходкам давно привыкла. Я хотела *это* платье! Это или то, которое купила в итоге...

А сейчас стою и ощущаю себя душой. И не просто душой, а душой в платье с цветочками. В платье, из-за которого мне хочется начать чесаться. В платье, в котором мне душно и неудобно. Но самое гадкое — мне не идёт этот цвет! Мой муж знает, что меня раздражает безвкусица и упивается этим, раз за разом напоминая, что я лишь бесправное приложение к брачному статусу.

— Что ты несёшь? — зло шипит благоверный.

Вырываюсь из его объятий и шагаю прочь. Прочь с террасы, прочь с этого праздника, прочь от посторонних глаз... муж нагоняет на парковой дорожке и грубо хватается за локоть.

Отдёргиваю руку и срываюсь на бег. Несусь не разбирая дороги, но где мне в туфлях и длинной пугающейся юбке оторваться от широких мужских шагов? Айзек тут же нагоняет и теперь впивается в предплечья.

— Отпусти, мне больно!

Мы углубились в парк и сюда уже не достаёт яркий свет старинного особняка. Лишь

аккуратные низкие фонарики в траве вдоль тропинок освещают путь гуляющим гостям. Но сейчас мы одни.

— Мне кажется, ты забываешься, дорогая Эмма.

— Ты попрекаешь *меня*, в то время как *сам* при всех перемигиваешься со своей любовницей!

Замирает опешив, потому что впервые за два с лишним года нашего брака я повышаю голос. Что-то толкает меня. Обида, которая копилась внутри всё это время, несправедливые обвинения.

Мне не дают распоряжаться своей жизнью, не дают заниматься любимым делом, запрещают носить вещи, которые мне нравятся. Мне указывают, когда и кому нужно улыбаться, не спрашивая, а хочу ли я вообще улыбаться!

Что-то ломается во мне сегодня. Мне надоело быть удобной для всех. Я хочу жить, дышать, чувствовать то, что чувствую, а не то, что от меня хотят. Возможно, это всё ещё стресс после потери ребёнка, а может грустная улыбка моего нечаянного партнёра по танцу...

— Я видела вас сегодня! Снова! И знаешь что? Мне надоело молчать! Ты дашь мне развод сам или я обо всём расскажу отцу, слышишь?! Меня всё это достало! — блефую, потому что отец не позволит мне развестись. Связи и репутация важнее моих “выдумок”.

— Захотела развода? После того как позволила сегодня какому-то мудаку лапать себя? Что, милая, не хватает разнообразия в постели? Или ты уже опробовала и тебе понравилось? — тон его голоса жалит как яд, его слова проникают внутрь кислотой.

Как во сне, моя рука сама вскидывается, и я пытаюсь залепить ему пощёчину. Он перехватывает кисть и больно сжимает, слегка выворачивая её. Как всегда, упивается моей беспомощностью.

— Отпусти! Не смей прикасаться ко мне! Выпусти!

Бью его по ноге и вырываю запястье, бросаясь в сторону, но он наваливается на меня, и мы падаем на землю.

Копчиком ударяюсь обо что-то твёрдое, в памяти вспыхивает картинка ограждённой натуральными камнями клумбы. Тело пронзает резкой болью, но сознание её словно игнорирует. Потому что сейчас я вижу нечто более страшное и опасное — ярость в глазах мужа. Мне знаком этот взгляд. Взгляд, полный безумия и садистского удовольствия. Меня начинает трясти, а его руки уже сжимают тонкую шею.

— Не смей мне указывать! Не смей мне перечить! Ты знаешь, что я могу сделать с тобой... и если ты только откроешь свой рот...

Окончание фразы уже не доходит до моего сознания.

* * *

Я всегда была послушной дочерью. Меня отправляли в лучшие школы и я старалась изо всех сил, чтобы не разочаровать. Родителей, родственников, педагогов и даже друзей моих родителей.

Мама хотела видеть меня настоящей леди — этикет, языки, танцы, музыка, каллиграфия. “Эммочка на днях получила приз на юношеских соревнованиях по верховой езде.” “Ох, да что вы, какая она у вас умница!”... “Эммочка, прочти тот стих, с которым ты

выходила на школьном вечере.” “Конечно, мама.”... “Эммочка, папа не одобряет бальные танцы, ты в таком возрасте, когда не стоит проводить слишком много времени с другим мальчиком.” “Этот мальчик, мой партнёр по танцам и мы общаемся только в бальном классе. Мама, мне очень нравятся бальные танцы, пожалуйста, разрешите мне продолжить!” “Ничего, я уже присмотрела тебе кое-что другое для занятий”... “Папа, мне бы больше хотелось заниматься дизайном одежды.” “А у меня нет компаний, в которых нужен дизайнер одежды. Зато мне пригодился бы толковый архитектор.”... “Моя Эммочка завтра улетает в Лондон на дополнительное обучение по курсу архитектуры пространства.” “Да что вы, опять? Она же только недавно откуда-то вернулась!”... “Мама, вы с папой уверены, что мне обязательно выходить замуж за Айзека? Мне кажется, он ко мне равнодушен...” “Ну что ты, девочка, посмотри, какая из вас красивая пара! Уверена, он оценит тебя, ты же у нас такая умница! К тому же его родители от тебя в полном восторге!” ...

Ради чего?

Глава 4

— Тэнно виссанли, вои денас?

— Тэнно виссанли!

Бодрый женский голос доносится сквозь вату, из которой мне не хочется выплывать. Я не ощущаю тело, лишь приятное чувство лёгкости и уюта. Кажется, мне снился сон, в котором я летала, но как ни стараюсь, не могу вспомнить детали.

— Ваша светлость! Госпожа! — тот же голос звучит ближе, грубо вторгается в мой уютный мирок. От резкого звука хочется поморщиться.

В следующее мгновение болезненные ощущения лавиной накатывают на сознание, а глаза начинает нестерпимо резать от яркого света.

— Ммм... — словно со стороны слышу едва слышный стон, хотя мне хочется взвыть от боли и сжаться от безотчётного страха.

Какое-то время уходит на то, чтобы совладать с непослушными веками. Тело кажется чужим и совершенно не слушается меня.

Да что ж это такое?! Мне очень нужно увидеть *где* я и понять *что* произошло.

— Мм... м...

— Ой, что ж это вы, госпожа? Никак приболели? Я приведу лекаря! — бодрость в незнакомом голосе сменяется тревогой и меня оставляют в покое.

* * *

— Когда госпожа снова очнётся, дашь ей вот это. А те травы нужно будет заварить чуть позже.

— Мм...

— Ваша светлость? Вы меня слышите? — приятный мужской голос, опять незнакомый или знакомый? — Если вы меня слышите, то промычите что-нибудь ещё раз.

— М...

— О, просто замечательно! Не беспокойтесь, вы уже идёте на поправку и вскоре полностью выздоровеете.

Выздоровею? Силюсь вспомнить, как я заболела, но в голове страшная путаница. Хочется задать вопросы и, наконец, осмотреться, но у меня ничего не выходит. От усилий быстро устаю и снова проваливаюсь в темноту.

Открываю глаза в приятной полутьме. В голове роятся смутные мысли, но ни одну из них я не могу ухватить. Очень странное и пугающее чувство.

Сбоку от меня огромное, во всю стену окно. Точнее, окна, обрамленные тяжёлыми бархатными занавесями. Сквозь них в комнату проникает тусклый свет зарождающегося восхода. Самое странное, что не могу определить знакома или не знакома мне эта комната.

Интерьер давит обилием мебели. Из-за этого здесь словно не хватает воздуха... воздуха... что-то щёлкает в моей голове и я начинаю задыхаться, паника затопляет сознание и я снова проваливаюсь в спасительную тьму.

Так происходит ещё несколько раз. Какая-то девушка заботится обо мне и поит лекарством, обтирает влажной тканью, подставляет мне странной формы горшок и я,

краснея, справляю нужду. Затем силюсь что-то вспомнить и снова засыпаю.

* * *

— Ваше сиятельство, если хотите восстановиться быстрее, нужно заставлять себя больше двигаться. Массаж — это хорошо, но без усилий вы ещё долго будете чувствовать слабость.

— Да, конечно, дио^[1] Хэмис, — улыбаюсь, чем явно смущаю и удивляю лекаря. Можно подумать, раньше не улыбалась. — Помогите мне, пожалуйста, встать.

Замечаю, что они странно дёргаются от каждого моего “пожалуйста” и “спасибо”. Мне непонятна их реакция, потому что и улыбка, и слова вежливости вылетают сами собой и кажутся совершенно естественными.

Недавно я призналась лекарю, что в моём сознании полная каша и я не помню даже его имени, он встревожился и задумчиво поцокал. К счастью, в этот момент служанка отлучилась.

— Это капли, которые, надеюсь, помогут вам, — он поставил на столике возле постели пузырёк тёмного стекла. — И, ваша светлость, мой вам совет — никто не должен догадываться о вашем недуге. Если появятся вопросы — спрашивайте меня. К тому же у меня очень большие подозрения по поводу вашей болезни. Я так и не смог разобраться, что это было, но, вероятно, недуг возник не сам по себе.

— Что вы хотите сказать?

— У вас есть враги, а ещё есть желающие поживиться за ваш счёт, прибрав к рукам ваши владения. Возможно, целью была именно попытка лишить вас памяти, чтобы признать безумной и не способной принимать решения самостоятельно, равно как и распоряжаться наследством...

После его слов я долго не могла заснуть, пыталась вспомнить, понять, разобраться. А следующие дни жадно впитывала всю информацию, которую получала от дио Хэмиса.

Я выяснила, что потеряла семью чуть более года назад и теперь являюсь единственной наследницей и хозяйкой обширного герцогства. Единственным моим родственником является... сам монарх. Он приходится мне дядюшкой, а точнее, старшим братом моего покойного отца...

— Вот, ставьте ногу, не бойтесь, я вас держу. Очень хорошо! — вырывает из задумчивости голос лекаря.

Шаги даются тяжело. Моё тело выглядит и ощущается несколько грузным и что-то подсказывает, что так не должно быть.

Сосредотачиваюсь на том, чтобы не упасть, сжимаю зубы и стараюсь не обращать внимания на болезненные ощущения в ногах.

— ...И если бы не этот... кхм... “недуг”, то вы уже были бы в особняке вашего жениха...

— Жениха? — кажется, я снова задумалась и пропустила часть разговора.

— Ммм... разве я не упоминал об этом прежде?

Таак... и чего ещё я не знаю? Необходимо скорее вернуть себе память, чтобы разобраться в том, что со мной произошло и сохранить за собой право принимать самостоятельные решения. Хотя бы до тех пор, пока не пойму, кому можно доверять.

— Мой жених, он...

— О, граф Фрэй Дау молод и хорош собой. Вы знакомы с детства и, кстати, вам он с всегда нравился, если вы переживаете об этом.

Нравился... волна облегчения прокатывается по телу. Я и не заметила, как напряглась, узнав о некоем претенденте на мою руку, сердце и свободу.

— Между прочим, монарх весьма благосклонно относится к вашему союзу, тем более сейчас, когда вы оба являетесь главами своих родов.

— Оу, вот как... А для чего я еду к своему жениху?

Если окажется, что у меня на носу свадьба...

— Приказ Его Величества. Вы обязаны явиться в имение Фрэй Дау и провести там десять полных дней, — понизив голос поясняет мой лекарь и наставник.

— Зачем? — также шёпотом.

— Так я почём ведаю? И этого-то не должен был знать. Случайно услышал, как горничные обсуждали ваши указания по подготовке платьев к поездке. Как раз накануне отъезда вы неожиданно и слегли.

Могут ли покушение и поездка, быть как-то связаны?

— Кстати, сколько я “болела”?

— Так почти две недели вышло, да прибавьте к тому ещё последние дни, — мои глаза округляются и лекарь спешит успокоить: — Не расстраивайтесь, ваша светлость, вы всего-то пропустили один королевский бал.

Да при чём здесь бал? Как же тяжело не понимать чего-то и даже не знать, что именно ты не понимаешь!

Выходит, помимо короля у меня есть ещё один близкий человек, который может помочь мне разобраться в происходящем?

— Ааа... мой жених... что вы ему сказали по поводу моей задержки?

— Кхмм... его сиятельство, насколько мне известно, не уточнял подробностей... не уверен, что он в курсе вашего недуга. А я без вашего распоряжения не посмел проявлять инициативу и кого-либо оповещать.

— То есть я ещё две недели назад должна была прибыть к жениху, а он до сих пор не поинтересовался, куда я пропала?

— Ну... он, полагаю, был несколько занят...

По тому, как забегали глаза дио Хэмиса, стало ясно, что отвечать на этот вопрос он бы крайне не хотел, но мне ответ и так очевиден.

— Не берите в голову, ваша светлость, мало ли у молодого господина важных задач перед прибытием невесты?

— Значит, даже не спрашивал обо мне... — вопрос риторический, но лекарь снова отводит глаза.

Видимо, не такой уж и “близкий” мне человек этот “жених”.

— Дио Хэмис, помогите, пожалуйста, дойти вот до того большого зеркала.

Я уже ощупывала себя, пытаясь оценить свою внешность, но теперь хочу посмотреть. Может, со мной что-то не так и я не стою того, чтобы будущий муж обо мне беспокоился?

Зеркало отражает молодую девушку. Смутно знакомую... или нет. Копна волнистых каштановых волос сейчас выглядят несвежей и всклокоченной. Ну оно и понятно. Аккуратный нос, голубые глаза, чуть вздёрнутая линия верхней губы. Пара маленьких родинок на скулах и россыпь светлых веснушек на переносице. Брови выглядят слишком тяжёлыми для благородных черт лица, зато ресницы тёмные и пушистые. И всё это портит невнятный контур будто одутловатого бледного и измождённого болезнью лица.

В памяти всплывают красивые скулы, которые кажутся очень знакомыми, но кому принадлежат — не помню.

На мне длинное закрытое ночное платье с множеством воланов, поэтому рассмотреть фигуру толком не удаётся. Но тело выглядит несколько грузным, и это кажется мне непривычным.

Надо же, даже себя не узнаю. И чем же это меня так приложило?

* * *

— Госпожа, вам доставлено королевское послание, — Миа протягивает мне бумагу с внушительной белой печатью. Надламываю и пытаюсь различить буквы, но они всё никак не хотят складываться в слова.

— Миа, пригласи ко мне, пожалуйста, господина лекаря.

Служанка убегает, а я расхаживаю по комнате, получая удовольствие от самого факта ходьбы, хотя и ощущаю себя жутко неуклюжей. Иногда мне с трудом удаётся заставить слушаться собственные пальцы, иной раз подворачивается нога. Пару раз ступни скрутило судорогой, после чего я и вовсе перестала их чувствовать. Сначала страшно испугалась, но вскоре чувствительность вернулась, и я облегчённо продолжила свои “тренировки”.

В голове всё та же липкая, до оскомины надоевшая патока. Я вроде бы всё понимаю... но как во сне. Меня не покидает ощущение нереальности происходящего и иной раз я боюсь признаться даже самой себе, что, вероятно, повредила умом.

Пожилой лекарь проводит у меня каждый день по несколько часов кряду, объясняя элементарные вещи. Моя голова при этом работает странно.

Например, я знаю, что нужно поблагодарить, человека за помощь, что леди всегда обязана улыбаться и недопустимо показывать своё дурное настроение. Знаю, что нужно содержать своё тело в чистоте и пить по утрам чуть тёплую воду, уважать старших и не вступать в мужские разговоры... но я совершенно, вот совершенно не помню своих родителей! А теперь ещё выясняется, что я не могу читать.

— Вы хотели меня видеть, ваша светлость?

— Да, проходите. Миа, принеси нам с господином лекарем чаю, пожалуйста.

— Я мигом, ваша светлость.

Миа исчезает за дверью, а я протягиваю лекарю королевское послание.

— Вот!

— Что?

— Я не могу его прочитать! Мне кажется, что буквы знакомы и я точно помню, как

раньше что-то читала, мне знакомо само это чувство. Но я не могу вспомнить эти символы! Поясните мне, пожалуйста, что здесь написано.

Лекарь благоговейно кончиками пальцев забирает у меня королевское послание и вчитывается в его содержимое:

— Здесь говорится, что Его Величество недоволен столь долгим промедлением с вашей стороны. Он узнал, что вы до сих пор не прибыли в имение Фрэй Дау и требует незамедлительного исполнения договорённостей. В связи с этим за вами отправлен королевский кортеж, который прибудет уже завтра утром, цитирую: “чтобы помочь вашей светлости добраться в комфорте и безопасности”.

— Оу... значит, Его Величество сердится?

Моя рука непроизвольно тянется к шее, и я делаю несколько глубоких вдохов. Я уже заметила, что это успокаивает меня.

— Ну что вы, наоборот, король опекает вас. И его беспокоит ваше благополучие, равно как и благополучие вашего герцогства. Королевский кортеж — это большая честь.

— Я могу отказаться от поездки или перенести её?

— Боюсь, что лишь в том случае, если готовы поведать королю о покушении. Врать монарху недопустимо и опасно. Но тогда вас ожидают допросы и выяснится, что вы ничего не помните. А, как я вам уже говорил, это может привести к разным последствиям. Например, Его Величество назначит вам опекуна, не дожидаясь свадьбы. А ещё, прознав об этом недуге, многие постараются использовать ваше беспамятство в своих интересах.

— И что же мне делать? — начинаю паниковать.

— А у вас есть выбор? Нужно собираться и надеяться на лучшее, ваша светлость. Я могу поехать с вами, сославшись на недавно перенесённую вами простуду. Это объяснит вашу задержку и позволит мне хоть как-то помочь.

— Благодарю вас, дио Хэмис. Вы не представляете, как я ценю вашу поддержку!

* * *

— Госпожа, я подготовила всё, что вы отбирали.

— Я отбирала?

— Да, ваши наряды, я проверила их. Всё в порядке.

— Ах да, конечно! — нужно учиться изображать невозмутимость. — Значит, всё уже упаковано?

— Да, госпожа. Кроме дорожного платья.

— Благодарю тебя, Миа, не знаю, как бы я без тебя справлялась, — улыбаюсь, ей, потому что мне всё больше нравится эта девушка. Миа вспыхивает и опускает взгляд, при этом безуспешно пытается скрыть довольную улыбку.

— Как давно ты работаешь у меня?

— Эм... прислуживаю? Так не так уж давно, ваша светлость. Меня наняли, когда... ну...

— Когда что?

— Когда закончился траур по кончине его светлости, вашего батюшки.

— А где предыдущая горничная?

— Так... кого вы выгнали, госпожа, а кто и сам ушёл потом, — запинается и бледнеет. — Пока траур-то шёл, вы балы не посещали, и вам Мариса прислуживала. А как

срок вышел, так сразу и начали в свет выходить. И тут как раз Мариса-то вам и не угодила. Не могла волосы уложить, как прежняя горничная, что ещё при батюшке вашем служила. Вы Марису тогда сильно отругали, госпожа, да сказали, что накажете, а она на сносях была, да за ребёночка будущего испугалась. Вот и сбежала. А потом оказалось, что горничных и вовсе не осталось и меня перевели из прачечной вам служить.

Каждое слово Мии тупой иглой вонзается мне под кожу. Что же я за монстр такой, что готова была наказать беременную женщину? Пытаюсь представить, что отдаю приказ наказать живого человека и меня едва не выворачивает от ощущения накатывающей тошноты.

— Вам плохо госпожа? Вот, погодите, здесь лекарство. Выпейте, пожалуйста.

Послушно вливаю в себя терпкую жидкость, стараюсь дышать глубже и несколько минут прихожу в себя, собираясь с мыслями.

— Значит, прежде ты горничной не работала?

— Не работала, но убирать умею, за одеждой следить. И травы знаю, вы же потому меня и взяли, что я знахарству прежде училась да работала. И ванны, вон, умею делать с травами. Да вы только скажите, если что не так, я многому и научиться могу. Я очень стараться готова, потому как работа мне сильно нужна...

— Миа, остановись, я не собиралась выгонять тебя. Просто запомнила немного.

— Простите, ваша светлость, вы после болезни совсем другая стали. Я никак привыкнуть не могу. Ах! — закрывает ладошками свой рот и таращится на меня испуганными глазами. Потом бросается на колени, чем повергает меня в ступор. — Простите, простите, госпожа, не хотела я дурного сказать! Глупый мой язык!

— Да успокойся же! Разве я тебя ругаю? Но объясни мне, что ты имела в виду?

— Когда? — напряжённо замирает.

— Когда сказала, что я теперь другая. Миа, присядь рядом и не бойся, я не буду сердиться, но только, если честно ответишь, что именно во мне изменилось. Со стороны ведь виднее! — немного лукавлю, чтобы хоть как-то объяснить свои странные вопросы.

— Ну вы... стали больше... много больше улыбаться. Вы были... эмм... строже.

— Строже? Поясни.

Миа сглатывает и начинает ещё больше нервничать.

— Сейчас мне очень хорошо у вас работается, спокойно, а прежде я всё время боялась.

— Чего?

— Гнева вашего, госпожа. И что прогоните.

— И часто, по вашему мнению, я гневалась?

— Так, каждый день, госпожа. А теперь и не наказываете вовсе. Где ж тут не радоваться?... Простите, я... вы сами просили рассказать, а я...

— Раз я сама просила, то нечего извиняться. А теперь объяснит вот что: ты прежде сказала, что тебе работа очень нужна. И наказаний, похоже, боялась меньше, чем того, что тебя выгонят. Почему?

Миа бросает настороженный взгляд, снова мнётся, потом вздыхает и всё ж таки рассказывает...

Глава 6

— Мать у меня в городе не ходит уже, а братьев и сестёр кормить надо, им пока тяжело самим на хлеб зарабатывать. А у вас жалованье шибко больше, чем в лавке травницы, — смущается служанка.

— Так, — представившаяся картина ужаснула, — а отец?

— Своего-то я не знаю вовсе. А вот отчим... трудно с ним. Хорошо, если у матери деньги не забирает, — и по тому, как она вздрогнула, понимаю, что далеко не всё она рассказала, ох, не всё.

Подхожу к маленькой резной шкатулке на каминной полке, достаю пару монет светлого металла. Лекарь уже пояснил мне их ценность.

— Вот, это твоей семье, — вручаю Мие.

— Что вы, ваше сиятельство, я не могу принять, — бледнеет и протягивает деньги обратно.

— Бери, Миа. Заслужила своим старанием, — девушка подскакивает со стула и падает мне в ноги.

— Миа! Встань сейчас же! — этого мне только не хватало. — Лучше подумай, как можно передать деньги твоей семье! Может, кто-то из стражников может отвезти?

— Да кто ж тут может знать наш дом-то? Там трущобы, чужие и не найдут.

— Уже утром мы отбываем в имение лорда Фрей Дау, и ты едешь со мной. Это хорошо, что твои проблемы выяснились сейчас.

— Госпожа, как же быть?

— Есть кто из стражей, кому можно доверять?

— Ну... — смущается, мнётся и даже немного краснеет, отводя глаза, — Рамиз. Он очень благороден, помощь всегда предлагает и воин хороший.

— Пригласи его ко мне. Сейчас. — Миа делает лёгкий поклон и бросается выполнять поручение.

Спустя несколько минут в комнаты проходит высокий молодой мужчина. Военная выправка, прямой взгляд, приятное лицо, обрамленное прядями светлых волос. Он отвешивает положенный поклон и настороженно замирает. Я вижу, как сжаты его скулы, как тревога расплзается в светлом взгляде из-под хмурых бровей. Но глаз не отводит.

— Рамиз, сколько времени займёт поездка верхом отсюда до Чанлай?

— Около получаса, госпожа, если поторопиться.

— А в экипаже?

— В лучшем случае — час.

— Миа, ты не боишься ездить верхом?

— Госпожа, смилостивитесь, — бросает на меня затравленный взгляд, — где ж это видано, чтобы девушка лошадью управляла?

— Да кто сказал, что ты сама поедешь? Если я попрошу Рамиза отвезти тебя до города и обратно, поедешь?

— Спасибо, госпожа! — снова бросается в ноги, отчего я непроизвольно отшатываюсь.

— Боги, Миа! Да встань же ты!

Приходится тянуть девушку вверх за плечи, испытывая при этом колоссальную неловкость.

— Рамиз, отвезите, пожалуйста, Мию на рассвете, куда она скажет и верните обратно. Проследите за её безопасностью, — по мере моих слов глаза стражника расширяются всё больше, а губы приоткрываются в недоумении. — Рамиз? Вы слышали меня?

Вздрагивает, словно выходя из оцепенения:

— Конечно, госпожа! Будет сделано.

— Тогда идите оба отдохнуть и постарайтесь завтра не задерживаться.

Было бы лучше, отправить их сейчас, но за окном уже стемнело. С другой стороны, не будет же сопровождающий королевского кортежа настаивать на отправлении ранним утром? Значит, Миа успеет вернуться.

Посмотрела на служанку. Девушка зависла взглядом на удаляющейся спине Рамиза, пока тот не скрылся за дверью. Захотелось улыбнуться.

* * *

Проснувшись, почувствовав в комнате постороннее присутствие. Горничная кралась на носочках со стороны ванной комнаты, стараясь не издавать шума.

— Доброе утро, Миа.

Вздрагнула и вскинула виноватый взгляд.

— Простите, что разбудила, госпожа. Я приготовила для вас ванну.

— Всё в порядке. Ты почему ещё не уехала?

— Как раз выхожу. Но как же без утренней ванны? Может, я всё-таки позову Лиссу помочь вам?

— Не нужно, я вполне справлюсь сама. Езжай, не задерживайся.

Миа вскидывает недоверчивый и обеспокоенный взгляд, но спорить не решается. Моё слово в этом доме — закон, это я уже поняла.

Быстрый поклон и она покидает комнату.

За огромными окнами начинается рассвет, а мне хочется, чтобы время остановилось. Я не готова покидать эти комнаты. Мир за дверью чудится мне чужим и незнакомым. Не хочу никуда выходить, не хочу уезжать.

Я пытаюсь вспомнить своего жениха. Но в голове лишь смутные образы, которые пугают меня, заставляя дрожать всем телом. Это очень страшно — не помнить. Словно до недавнего времени меня не существовало.

Рука снова непроизвольно тянется к шее, мне снова хочется убедиться, что на ней ничего нет. Привычно делаю несколько глубоких вдохов и мне становится чуть легче.

Должна ли я радоваться, что увижу мужчину, которого король нарекает мне в мужья? Или мне стоит опасаться его? Какой он? Как ко мне относится?

Меня смущает, что он не посетил меня в эти недели и даже не прислал весточку, зная, что я уже должна была приехать в его имение. Может, граф правда был очень занят? А может, он знал о покушении потому, что сам к нему причастен?

Лекарь, отводя глаза, сказал, что мы знакомы с детства, и наши родители желали этого брака. Что-то в этих словах напугало моё сознание настолько, что голова закружилась и перед глазами поплыли тёмные пятна. Я побледнела, и мы прервали тот разговор.

Ну вот! И стоило сейчас думать о замужестве? Каждый раз от этих мыслей сердце начинает тревожно дёргаться. Теперь уже не смогу заснуть.

Решаю подняться и начать готовиться к отъезду.

Ванна ещё очень горячая. Видимо, Миа не рассчитывала, что я поднимусь так скоро. Придётся подождать, пока немного остынет.

Поворачиваюсь и замираю напротив зеркала. В серебристой глади отражается измождённое, одутловатое лицо. Хотя и вполне симпатичное. Что-то во всём этом кажется неправильным. Лекарь обронил, что я похудела за эти недели. Ведь почти ничего не ела. А я ощущаю себя очень непривычно в грузном теле. Ну... не то, что в грузном, я не полная, просто моим формам не помешали бы пара месяцев активного фитнеса.

Фитнес... что-то щёлкает, силится прорваться сквозь мутную патоку памяти.

Поднимаю руки и тянусь вверх, нечто родное проскальзывает в этом движении. По телу расплывается приятное тепло. Наклоняюсь в разные стороны, пытаюсь сохранить это необычное ощущение.

Дыхание тут же сбивается, но я не обращаю внимания, поглощённая своим открытием, пока правую ногу не опалает боль судороги.

Такое иногда случается, но на этот раз всё происходит слишком быстро. Не успеваю сориентироваться, прежде чем теряю чувствительность и начинаю заваливаться вбок. Едва успеваю схватиться за край ванны, но всё же неловко падаю, ударяясь спиной о стоящий рядом с ванной столик.

Больно!

Быстро дышу, чтобы унять боль и поскуливая поднимаюсь. Благо рядом тёплая вода, в которую Миа заботливо добавила отвар ароматных трав.

* * *

К моменту, когда я заканчиваю завтракать, королевский кортеж показывается на подъездной аллее особняка.

— Лисса, помоги мне собраться. Миа сказала, что приготовила дорожное платье и мне, полагаю, нужно будет уложить волосы. Ты умеешь укладывать волосы?

Лисса — забавная рыжеволосая девушка, даже младше Мии. Смотрит на меня испуганным кроликом и чуть что начинает дрожать.

— Так ты сможешь уложить волосы? — улыбаюсь, чтобы хоть как-то подбодрить её.

— Я, не так хороша в этом, госпожа... простите.

— А я и не попрошу тебя делать что-то сложное. Ладно, давай я пересяду к зеркалу, и мы вместе что-нибудь придумаем.

Когда я сегодня сушила волосы, то уже успела расчесать мягкой щёткой, потратив на это довольно много времени. Длинные волосы — это очень красиво, но роскошная копна тянет голову и нуждается в тщательном уходе.

Я прошу служанку заплести пару маленьких косичек от висков и закрепить их сзади. Она исполняет просьбу трясушимися руками, но выходит очень мило и аккуратно. Украшаем причёску одним из декоративных гребней с россыпью маленьких самоцветов. Не вижу смысла делать что-то более тяжелое или нагружать голову тонной шпилек. Волосы и так тяжелые сами по себе.

— Вот и всё, а ты боялась, — кручу головой в разные стороны, получилось мило и изящно. Главное, что волосы не мешают. — Молодец, девочка.

Лисса поднимает на меня растерянный взгляд.

— Благодарю, госпожа.

— Теперь принеси дорожное платье, которое подготовила Миа. Будем одеваться.

Платье оказывается неожиданно нарядным. Из ткани насыщенного вишнёвого цвета с глянцевым блеском и набивным узором. Всё обильно украшено воланами, вышивкой и средней величины самоцветами.

Если это моё дорожное платье, то что же я там для других случаев себе приготовила?

Лисса подаёт кремового цвета шортики со смешными оборками и завязочками, затем тонкую нижнюю рубашку и нижнюю юбку.

Пышное и тяжёлое платье оказывается до безобразия неудобным, да ещё и откровенно висит на мне. Значит, лекарь прав, я действительно похудела. Но тогда выходит, что и другие платья мне будут большими?

— Кажется, оно вам немного велико, госпожа. Как же так, ведь только новые отшили?! — вторит моим мыслям девушка.

Ох, час от часу не легче.

— Лисса, посмотри, пожалуйста, пояс под это платье.

Она убегает в гардеробную и через несколько минут возвращается с куском ткани. Такой же, из которой сшита юбка.

— Я мигом госпожа, только подошью и вот пряжку к ткани приделаю.

Пояс как-то спасает положение, потому что иначе платье под весом собственной тяжести начинает сползать, излишне открывая плечи и линию декольте. Хорошо, хоть нижняя юбка держится на завязках и её пояс можно легко отрегулировать.

Ощущаю себя странно и непривычно. Хочется снять это и надеть мягкое домашнее платье и тапочки. К тому же, меня раздражает этот оттенок вишнёвого. Слишком кричащий. Он не гармонирует с моей кожей и волосами.

Как же я допустила, чтобы платье шили из этой ткани?

Видимо, последние слова я произношу вслух, потому что Лисса начинает испуганно тараторить:

— Так как же, госпожа, вы сами говорили, что за эту ткань втридорога заплатили в мастерской дэи Лювиты. И другим девушкам не позволили её выкупить, всё себе забрали. Чтобы такая только у вас и была.

Я хотела? Может, я всё же сплю?

От мыслей о платье меня отвлекает тревога за Мию. Они уже должны были вернуться.

Поверенный короля, согласился дать мне время. Я же предложила пока накормить его самого и сопровождающих кортеж людей, чтобы как-то скрасить ожидание.

Прошу пока отнести мои вещи в багажную карету и сама выхожу на террасу. Миа появляется, когда я уже начинаю сильно нервничать. Рамиз галантно помогает девушке спуститься с лошади, но их лица мне не нравятся. Глаза Мии припухли, она явно плакала.

— Что-то случилось? Миа? — она жалобно смотрит, будто подбирает слова. Перевозу на Рамиза гневный взгляд. Он вытягивается по струнке и ещё больше напрягается. — Если только вы... обидели её... — шиплю сквозь сжатые зубы, но так, чтобы кроме нас, никто этого не расслышал.

— Нет, нет, что вы, госпожа, — округляет заплаканные глаза девушка и встаёт перед стражником, словно пытается закрыть его собой от моего гнева, — наоборот, то есть... дело не в этом... а... ну...

— Рамиз, тогда доложите, как всё прошло и объясните, почему Миа плакала, — спрашиваю уже ровным, спокойным голосом, и Рамиз незаметно выдыхает.

— Дело в её матери. Отчим был пьян, устроил дома скандал и забрал всё, что можно было продать. Когда младший брат Мии пытался его остановить, получил оплеуху, да такую, что отекала часть лица. Нам пришлось задержаться, чтобы приобрести некоторые необходимые вещи и отвезти ребёнка к лекарю.

— Благодарю, Рамиз, — достаю из потайного кармашка монету и вкладываю её в ладонь стражника. — За беспокойство и заботу о Мие.

Рамиз недоумённо смотрит на монету, затем переводит на меня растерянный взгляд.

— Госпожа, я не могу это принять. Я лишь выполнял ваши указания. А здесь половина месячного жалования.

— Это благодарность, Рамиз, — улыбаюсь, — не пренебрегай моей благодарностью, возьми. И это не последняя просьба на сегодня.

Я ждала Мию, чтобы отправиться в имение Фрей Дау вместе, но раз так...

— Дио Фаджид, подойдите сюда! — кричу управляющему, чьё имя только сегодня узнала у лекаря.

— Что вам угодно, госпожа?

— Дио Фаджид, перечислите всё, что у нас есть в конюшнях! — я специально стараюсь ставить вопросы так, чтобы не выдавать свою полную неосведомлённость. Ну не могу же я признаться, что совершенно не представляю, каким имуществом располагаю в собственном имении?

— Имеется парадная карета, закрытый кэб, три телеги. Лошади: шестёрка породы...

— Стоп. Довольно. Благодарю, дио Маджид. Выделите Рамизу кэб, телегу, кучера и ещё одного стража в сопровождение.

Поворачиваюсь к замершему истуканом Рамизу:

— Сейчас вы с Мией возьмёте кэб и телегу и отправитесь обратно. Заберёшь её мать, брата и сестёр. Привезёшь вместе с вещами в имение.

— Дио Маджид, пусть для семьи Мии приготовят комнаты.

— В хозяйственном крыле, ваша светлость?

— Там есть комфортные просторные комнаты?

— Да, госпожа.

— Тогда в хозяйственном крыле. Проследите, чтобы они разместились с удобствами. Пока я буду отсутствовать, кормить и обеспечить лечение... Ну? Чего все застыли? Рамиз, задача ясна?

— Так точно, госпожа! — отмирает стражник

— Тогда вперёд.

Стражник, бережно поддерживая под локоть слегка зависшую Мию, уводит её вслед за управляющим в сторону конюшен. А я пытаюсь понять, что это только что на меня нашло. Здоровая злость на болезненную ситуацию придала уверенности. Я почувствовала себя не безвольным наблюдающим, а настоящей хозяйкой. Чувство оцепенело и заставляло губы растягиваться в широкой довольной улыбке.

* * *

— Не представляю, как буду справляться без Мии.

— О, не беспокойтесь об этом, ваша светлость, в имении графа Фрей Дау вам обязательно выделят личных горничных.

Карета очередной раз подпрыгивает на какой-то яме и я хватаюсь рукой за выступ, чтобы удержаться на месте. Тряска очень выматывает. К тому же меня всё больше укачивает. К счастью, для таких случаев в карете предусмотрен глиняный горшочек с крышкой.

Откинувшись на мягкую, подбитую светлым бархатом спинку диванчика лекарь разглядывает из окна кареты проплывающий густой лес. Сопровождающий нас королевский поверенный, дио Зейн-Малик, предпочёл преодолеть эту часть пути в седле, и мы остались одни.

— Сейчас мы проезжаем один из самых опасных участков пути, но вскоре доберёмся до точки искажения. Дальше путь пойдёт по графству Фрэй Дау.

— Опасный участок?

— Поступают сведения, что здесь орудует шайка бандитов, нападая на обозы и телеги. Но не волнуйтесь, на кортеж с королевскими гербами напасть никто не решится. Они ж не самоубийцы.

— Почему?

— Потому что тогда Его Величество пришлёт отряд королевской гвардии, оснащённый уникальными алхимическими артефактами.

— А почему нельзя сейчас этого сделать, чтобы обезвредить разбойников, раз уже известно, что они есть здесь?

— Протокол, ваша светлость. Если Его Величество пришлёт лучший королевский отряд в ваше герцогство, то и все остальные аристократы захотят, чтобы их проблемы решала корона. Потому есть строгие правила. Если нападение не касается самих аристократов, то они обязаны разбираться на вверенных землях собственными силами. Банды понимают это, поэтому никто не решится напасть на богатую карету, тем более на королевский кортеж.

— И всё же дио Зейн-Малик предпочёл контролировать эту часть дороги, находясь в седле.

— Слишком ответственный.

— Дио Хэмис, раз уж нас оставили одних, может, обсудим ещё что-то из того, что я не помню? Если вы не против, конечно.

— Ваша светлость, замечу, вы стали слишком вежливы, вам ведь достаточно приказать.

— Но я не хочу приказывать, если можно попросить.

Карета снова подпрыгивает, а я прикрываю глаза и очень надеюсь, что глиняный горшок мне не понадобится.

— Удивительно, как недуг отразился на вас.

— Объяснитесь.

— Словно вы были зачарованы, а теперь проклятье спало, явив нам совершенно другую герцогиню.

— Я была настолько ужасна? Миа, рассказала мне кое-что о моём поведении в прошлом, — отвечаю на незаданный вопрос.

— Вас с детства баловали и опекали. Это было естественно и присуще многим отпрыскам влиятельных семей.

— Порой я боюсь задавать вопросы, чтобы не узнать такого, отчего снова станет дурно. Но всё же прошу, расскажите, как погибли мои родители и брат. Мне нужно это знать и я готова к этому.

— Хорошо. Я постараюсь быть кратким, но если у вас снова начнёт кружиться голова, непременно скажите мне.

— Конечно.

— Его светлость, герцог должен был отправиться в соседнее государство для налаживания и укрепления торговых связей. Ваша матушка захотела поехать с ним, для неё это должно было стать приятным путешествием. Предполагалось, что ваш брат впоследствии возьмёт контроль за торговлей между нашими государствами на себя. Поэтому он тоже не мог остаться в стороне от этой поездки. Сильнейший шторм накрыл корабль неподалёку от берегов Нидарии. Их долго искали в надежде, что кому-то удалось выжить.

— О, боги... — прикрываю рот рукой.

— Спустя несколько месяцев поисков, король объявил их погибшими, и титул перешёл к вам, как единственной наследнице. После завершения положенного временем траура, ваш дядюшка и нынешний опекун, Его Величество Ноарин-Махид второй объявил, что герцогству нужен хозяин, а его племяннице — достойный муж. Вы согласились на брак с графом Алексионом-Кэссим Фрей Дау. Король официально объявил о вашей помолвке, но вскоре поползли сплетни, что это не окончательное решение. А потом Его Величество настоял, чтобы вы провели десять дней в имении жениха.

От обилия информации я зависаю с приоткрытым ртом. Сообщение о том, как погибла моя семья, вызывает лишь грусть и сожаление. Словно мне рассказали о какой-то давней истории. История, конечно, не новая, прошло уже больше года, но всё же... А вот то, что решение о помолвке неокончательное — меня вдохновляет, и я ощущаю, как становится заметно легче дышать.

— А что будет по окончании этих десяти дней?

— Вот этого мне не известно. Но теперь весь королевский двор делает ставки на то, состоится ли ваш брак с графом Фрей Дау.

Оу... только ставок на моё будущее мне ещё не хватало...

Глава 8. Фрэй Дау

Эмма

— Её светлость, Эммилина Эон Нидао! — громко оглашает королевский поверенный наше прибытие, а я вздрагиваю, не сразу осознав, что это моё собственное имя.

Нужно собраться с духом и перестать нервничать, но тело не слушается. Сжимающие юбку пальцы подрагивают от волнения, а перед глазами то и дело плывут тёмные пятна.

Я совершенно, вот ни капельки не готова... Но кто меня спрашивает?

Стараюсь элегантно, насколько это возможно в таком платье, выбраться из кареты. Перед моим взором появляется мужская рука в светлой перчатке. Вкладываю в неё ладонь и поднимаю глаза, встречаясь с голубым льдом взгляда будущего мужа. Чувственные губы растягиваются в лёгкой улыбке, отчего на идеальных скулах появляются ямочки.

По телу пробегает тёплая волна мурашек, сбивая дыхание.

— Ваша светлость, рад приветствовать во владениях Фрэй Дау, — спокойный, с бархатными нотками голос обволакивает и завораживает.

Граф подносит мою ладонь к губам и даже не касается, но мысли уже путаются и мне едва удаётся собраться, чтобы пересохшими от волнения губами произнести:

— Благодарю, ваше сиятельство.

Он как-то странно смотрит на меня, затем указывает рукой в сторону величественного особняка жестом, предлагая пройти вперёд.

Успеваю заметить, как дио Хэмиса уже провожают в сторону хозяйственного крыла, где должны располагаться в том числе гостевые комнаты для сопровождающих.

Делаю несколько шагов и оборачиваюсь в растерянности. Порыв холодного ветра и начинающий накрапывать дождь заставляют поёжиться и поплотнее завернуться в тонкую шерстяную накидку. Здесь явно холоднее, чем в герцогстве Эон Нидао.

Нужно ли мне ждать графа или идти внутрь одной? Я всё ещё путаюсь в нормах этикета.

— Дио Зейн-Малик, — снова этот бархатный голос, но теперь обращённый к моему сопровождающему, — не желаете ли разделить с нами торжественный обед? Буду рад, если вы присоединитесь к трапезе в честь прибытия моей дорогой невесты.

— Сожалею, ваше сиятельство, мы и так задержались. Его Величество ждёт меня с подробным отчётом, — при этом слова “Его Величество” дио Зейн-Малик выделяет с особой интонацией, словно хочет напомнить графу, по чьему приказу я оказалась в имении Фрэй Дау. — Напоминаю, что пока герцогиня Эммилина Эон Нидао гостит здесь, вы несёте за неё полную ответственность, в том числе за её здоровье и безопасность. Полагаю, герцогине будут предоставлены все причитающиеся удобства?

— Конечно, милорд, не волнуйтесь, я лично позабочусь о комфорте своей будущей жены, — граф тепло смотрит в мою сторону, и дыхание снова сбивается от его мягкой улыбки.

Королевский поверенный делает два шага ко мне и целует руку:

— Всего хорошего, ваша светлость. Помните, Его Величество надеется на ваше благоразумие, — Зейн-Малик легонько пожимает мои пальцы в поддерживающем жесте.

Улыбаюсь в ответ, а в голове крутятся мысли: “Что он имел в виду? Что значит “надеется на моё благоразумие”?”. Снова чего-то не понимаю и это заставляет нервничать... Я словно во сне, где всё не то, чем кажется.

Пока думаю, поверенный возвращается к карете, забирается внутрь и отдаёт приказ трогаться, оставляя меня наедине с будущим мужем.

По тёплым мурашкам, разбегающимся по всему телу, осознаю, что граф стоит прямо за моей спиной. Улыбаюсь и поворачиваюсь к нему. Может, он предложит мне руку? Мне бы очень хотелось снова ощутить тепло его ладони...

— Можно уже прекращать этот фарс, Эммилина. Ты прекрасно знаешь, что я вижу твою лживую натуру насквозь, — ухмыляется, когда я замираю с расширенными глазами, пытаюсь осознать эти слова. — Добро пожаловать во Фрэй Дау, дорогая невеста, я сделаю всё, чтобы превратить твою жизнь здесь в ад.

Я просто стою и глупо улыбаюсь в то время, как тело охватывает паническое оцепенение и знакомый страх. Страх такой силы, что горло сжимает спазм, мешающий дышать... но со стороны, я словно улыбающаяся кукла. Даже не кукла... преданный щенок, заглядывающий в глаза своего обидчика.

Граф едва заметно вздрагивает и отводит взгляд.

— Завтрак в семь. И не опаздывайте, герцогиня. Как будущий муж, я не потерплю от вас нарушения распорядка в своём доме. Привыкайте сразу.

Разворачивается и, не говоря больше ни слова, уходит внутрь.

Я стою перед ступенями. Их всего три. Я не могу пошевелиться и заставить себя перешагнуть их. Я продолжаю глупо улыбаться.

Не знаю, сколько проходит времени, но в какой-то момент дождь усиливается и рядом появляется служанка, которая сильно нервничая, предлагает сопроводить до моих комнат.

* * *

Алексион-Кэссим Фрей Дау

За день до текущих событий

— Думаешь, она что-то замышляет?

— Иначе бы она уже давно была здесь и вешалась мне шею.

— Да, в этом я с тобой, пожалуй, соглашусь. Эммилина Эон Нидао не из тех, кто упустит своё. Бьюсь об заклад, она побежала к Его Величеству, едва закончилось положенное время траура.

— Чувствую себя жеребцом, которого хозяин понукает на случку с породистой кобылой. Его Величество в приватном разговоре намекнул, что был бы рад в ближайшие годы понянчить внучатых племянников.

— Он чрезмерно расположен к герцогине. Но уверен, дело не во внуках, а в землях. Ты же знаешь, что король отправил новых управляющих наводить порядок в герцогстве, как только объявил своего брата погибшим? Только управляющие по статусу не могут противостоять капризам новоиспечённой герцогини. А последняя растрчивает состояние, скупая ткани, наряды и драгоценности. Налоги в герцогстве подняты, люди в городах сетуют и взывают к короне. А Эммилина посещает бал за балом и каждый раз в новых украшениях и платьях. Где тут не беспокоиться? Конечно, Его Величеству нужен тот, кто присмотрит за дорогой племянницей.

— Слишком “дорогой” племянницей, я бы сказал.

Хохот Итеона разносится по комнате.

— Именно, Алекс! Но даже так герцогиня Эон Нидао остаётся для могих лакомым кусочком. Я слышал, к Его Величеству с предложением руки выстроились десятки желающих. Скорее всего, он предложил Эммилине выбор, а она, само собой, предпочла тебя.

— Забыв поинтересоваться моим мнением.

— А когда герцогиню интересовало чьё-либо мнение? — разводит руками барон.

— Так или иначе, Итеон, но я не готов провести всю жизнь с этой змеей. Я попробую поговорить с герцогиней, и объясниться, что так она своего не добьётся. Этот брак будет губительным для нас обоих.

— Ты слышал меня? Я только что говорил, что герцогиня не слушает здравый смысл! Её интересует лишь её сиюминутные желания. А она с детства считает тебя своей собственностью. Ты ничего не добьёшься разговором!

— Уже добился того, что получил отсрочку и шанс на расторжение помолвки!

— Только окончательное решение всё равно остаётся за Эммилиной! Алекс, как ты себе это представляешь? Думаешь, по истечении срока она отпустит тебя?

— Я покажу ей, что будет, если она не расторгнет помолвку!

— И что ты сделаешь? Ты демонстративно игнорируешь её уже много лет, и где результат? Ты, верно выразился, ты для неё станешь породистым жеребцом, которым можно хвастаться перед обществом. А ещё этим браком можно утереть нос соперницам. Разве не к этому всегда стремилась Эммилина? Так что, даже не надейся на её благоразумие.

— Тогда мой единственный вариант — сделать так, чтобы она боялась выходить за меня.

— Собираешься угрожать племяннице короля? Жить надоело?

— Нет, нет, думаешь я не понимаю свою ответственность за неё? Я отвечаю за её безопасность перед монархом! Но можно же устроить всё так, чтобы Эммилина не смогла представить доказательства. Тогда я смогу сказать Его Величеству, что герцогиня просто мстит за мою холодность и наговаривает. А нежных чувств я не обещал, и монарх это понимает. К тому же он знает Эммилину, знает, что она может выкинуть нечто подобное! А теперь все её прежние выходки сыграют мне на руку... Мне нужен скандал! Нет, несколько скандалов! Нужно заставить её ненавидеть меня, чтобы у этой маленькой эгоистичной истерички не осталось ни единой иллюзии на мой счёт... И ты мне поможешь в этом! — граф поднимает бровь, ожидая реакции друга.

— По тонкому льду хочешь пройти, друг мой. По очень тонкому льду!

— А мне оставили выбор? Я всегда был вежлив с Эммилиной и вот к чему это привело. Или так или моя жизнь превратится в оживший кошмар.

— Ты слишком драматичен, — хлопает его по плечу. — Давай разбавим это настроение чем-то повеселее и повысим ставки. Как насчёт пари?

— Условия?

— Если у нас получится заставить герцогиню расторгнуть помолвку, то я получу одного из твоих лучших жеребцов в качестве благодарности за мою помощь.

— А если нет? Что я получу в качестве утешительного подарка?

— О, если мы оба облажаемся, я скрашу горечь провала тем, что отдам тебе в пользование на полгода рудоносные копи. Надеюсь, это хоть немного поможет вытащить герцогство Эон Нидао из той дряни, в которую его толкает юная герцогиня.

— Смешно и грустно, друг мой. Так или иначе, я согласен.

В огромном помещении нет свободного места. У стены напротив двери расположился громоздкий круглый деревянный стол с двумя высокими подсвечниками. По бокам от стола — кресла, обитые бархатом винного цвета. В центре комнаты — софа, совершенно неудобная на вид. Рядом ещё кресла и низкий столик с гнутыми ножками. У другой стены огромный диван, тумбы, две консоли, кованая этажерка, банкетки, пуфы...

Сюда что, стащили всю мебель?

Прохожу дальше, стараясь не зацепиться платьем за какую-нибудь фарфоровую безделушку на одной из многочисленных поверхностей.

Цок, цок, цок...

Надо же, на полу нет ни одного, даже самого захудалого коврика. Зато всё вокруг завешано картинами, отчего создаётся впечатление, будто они мешают друг другу, пытаюсь отвоевать каждый свободный кусочек стены.

Так и должно быть? За резной аркой, в обрамлении тяжёлых бархатных занавесей, обнаруживается ещё одна комната. Судя по кровати невероятных размеров — это спальня.

Как бы не потеряться под таким одеялом... Спальня, как и гостиная, завалена мебелью, так что мне даже не хочется её разглядывать. Отмечаю только золочёные рыцарские доспехи по углам комнаты. Меня передёргивает от ощущения, что внутри доспехов кто-то есть.

Единственное, что здесь радует — камин, от которого исходит приятное тепло. Подхожу и протягивая озябшие пальцы. Взгляд падает на каминную полку с целой коллекцией статуэток... впрочем, статуэтками здесь завалено буквально всё.

Из-за не приметной дверцы доносятся женские шепотки. Заглядываю туда и обнаруживаю будуар, где горничные уже развешивают и приводят в порядок мои платья. Другая такая же незаметная дверца ведёт в просторную ванную комнату.

Подхожу к зеркалу, заполняющему собой целый пролёт стены. Отмечаю в собственном взгляде потерянность.

Скидываю тонкую дорожную накидку и обессиленно опускаюсь в кресло.

Что я здесь делаю? Зачем я здесь? Память отмалчивается, самым подлым образом. Оставляет меня наедине с ощущением нереальности.

Поздний обед подают в мои комнаты. Похоже, торжество, на которое граф приглашал королевского поверенного, не состоится. А может, и не должно было состояться? Мне всё больше кажется, что я стала частью чужого спектакля, где, каждый знает свою роль и только мне забыли дать сценарий.

До самого вечера я сижу в гостиной, обдумывая слова графа. Но так и не прихожу к какому-то выводу. Скорее всего, он заинтересован в землях герцогства и титуле, но сразу дал понять, что... А собственно "что"?

Когда за окнами начинает смеркаться, меня навещает лекарь:

— Ваша светлость, как вы себя чувствуете?

— Благодарю, хорошо, — улыбаюсь, видя доброжелательный взгляд наставника, и на душе делается легче, — стараюсь больше ходить, как вы рекомендовали.

— Очень похвально! — на его лице расцветает ответная улыбка. — Я всё ещё в поисках информации по вашему недугу, особенно в том, что связано с вашими ногами. Отправил несколько запросов своим коллегам из академии, возможно они сталкивались с подобными

случаями. К слову, я шёл, чтобы напомнить вам то, что на днях состоится очередной королевский бал в столице. И Его Величество, безусловно, ожидает вашего присутствия.

— Бал? И как мне быть? Я никого не помню и не знаю, как себя вести. Может сослаться на слабость? — вскидываю жалобный взгляд.

— О, вам просто нужно смотреть на всех с лёгким пренебрежением и кивать, когда аристократы сами будут подходить здороваться. Такое поведение герцогини, никого не удивит.

— Вы были на королевском балу?

— Приходилось. У меня есть титул виконта, но нет земель.

— Как это?

— Мой отец общался не с теми людьми и оказался втянут в сомнительные дела. Но его просто использовали вслепую. Нас лишили имущества. К счастью, оставили в живых и даже с титулом. Я тогда уже заканчивал обучение. Ваш отец пожалел меня, взяв к себе и обеспечив приличное жалованье. Я до сих пор искренне благодарен ему, он был очень добрым человеком... — на мгновение погружается в свои мысли, но потом спохватывается, возвращаясь к вопросу: — Так что да, мне приходилось бывать на балу, но увы, сейчас я лишён такой привилегии. Да и нечего мне там делать.

— Почему?

— Смысл? Никто не решится общаться с опальным безземельным виконтом.

— А вы бы могли пойти со мной в качестве моего лекаря?

— О, моя дорогая герцогиня, как вы себе это представляете? Вы и без того будете в центре внимания, а моё нахождение рядом заставит самых любопытных делать сомнительные выводы. Прибавьте к этому ваше отсутствие в течение последних недель, и вы будете поражены богатством фантазии местных сплетников. Вам с радостью припишут все грехи человечества и будут смаковать эти сплетни следующие несколько месяцев.

— Они что, припишут нам роман? — мысль настолько абсурдна, что я не сдерживаю смехок.

— Что вы, ваша светлость, конечно, нет. Не в вашем характере общаться с теми, кто на вас работает. Во всяком случае, раньше было именно так.

— Тогда что?

— Учитывая, что прошлый бал вы пропустили... Самый очевидный вывод: вы могли понести от некоего любовника, а затем избавиться от ребёнка. Иначе зачем бы молодой герцогине постоянный присмотр личного лекаря?

Успеваю поперхнуться чаем и закашляться. Ощущаю, как тёплая жидкость вытекает из носа и капает на поднесённую наставником белоснежную салфетку. Боже, как неудобно.

— Поэтому ваш единственный вариант, — как ни в чём не бывало продолжает дио Хэмис, — оставаться невозмутимой, помнить о правилах этикета и танцевать.

— Танцевать?

— Собственно, поэтому я и заглянул. У меня есть шкатулки с несколькими бальными мелодиями. Не желаете ли освежить воспоминания о придворных танцах?

— Оу, конечно, благодарю за заботу, — широко улыбаюсь, — *ВИКОНТ!*

Посмеивается и открывает шкатулку. Комната наполняется приятными звуками музыки, а Дио Хэмис кланяется, как положено по этикету, и принимает поданную мной руку.

— Не стоит благодарности, ваша светлость. И обязательно скажите, если плохо себя почувствуете.

Просыпаюсь от странного звука. Словно кто-то стучит в окно. Может, ветки? Не заметила, как далеко от окна расположены деревья. Успокаиваю себя тем, что мне просто почудилось.

Тук, тук, тук...

Замираю, боясь пошевелиться даже под одеялом. Стук повторяется, становясь, то тише, то громче. В какой-то момент сверху слышатся шаги.

Кто-то живёт этажом выше? Это гостевое крыло, а служанка сказала, что сейчас я единственная гостья в поместье.

Это всё волнение и новая обстановка. Просто волнение...

Тук...

Глава 10. День первый

Сссззззз...

Неприятный царапающий звук разрезает тишину, и я уже не понимаю откуда он идёт.

В сумерках начинает мерещиться движение. Больше всего мне не нравятся два огромных силуэта рыцарских доспехов. Напряжённо наблюдаю за ними, не сводя глаз с тёмных великанов.

Тук, тук...

Да что же это такое, ну не могут же здесь жить призраки? Или могут?

Сверху доносится звук цепи, которую волочат по полу. Может ли быть, что кто-то из слуг в это позднее время ходит там?

Сердце колотится и вырывается из груди. Сажусь на постели и забираю с прикроватного столика медный подсвечник с потухшей свечой.

Сссзз...

Подтягиваю тяжёлое одеяло и кое-как закутываюсь в него с головой, оставив лишь маленький просвет, для наблюдения за комнатой. На всякий случай поджимаю ноги под себя.

Странные звуки прекращаются, когда за окном начинает заниматься заря. Я ещё долго сижу, боясь пошевелиться и закрыть глаза. Словно стоит мне заснуть, как один из многочисленных силуэтов оживёт и набросится на меня.

Не знаю, боялась ли я темноты в прежней жизни, но в этой однозначно пора начинать...

— Доброе утро, ваша светлость, — женский голос вспарывает хрупкий тревожный сон. — Его светлость просили напомнить о распорядке дня в имении. Завтрак начинается в семь, у вас осталось не более получаса, чтобы собраться и спуститься. Я приготовила одно из ваших утренних платьев.

Приоткрываю глаз и наблюдаю рядом с постелью женщину в чепце и форме служанки. Она улыбается, но в глубине её глаз скользит нервозность, почти паника. Хмм... Прикрываю глаза, давая себе ещё несколько мгновений покоя.

Значит, завтрак. Молодой граф сказал, что не потерпит нарушения распорядка. Что-то внутри меня противится этому. То ли дело в бессонной ночи, то ли в том, что в своём имении я уже привыкла решать за себя самостоятельно и мне очень нравилось это чувство.

Но я уже явственно ощущаю голод. Вчерашний ужин был более чем лёгким.

Может, у графа проблемы со средствами и он экономит на еде?

Утреннее платье оказывается таким же тяжёлым, пышным и открытым в области декольте, как и дорожное. Но вчера поверх платья была накидка, а сегодня я чувствую себя слишком уязвимой. “Это вульгарно...”, “так одеваются только падшие женщины...”, “не могла найти чего-то более достойного своего статуса?”...

Стоп!!!

Выдох...

— Простите, как вас зовут?

— Маля, госпожа.

— Маля, сегодня прохладно, не могли бы вы принести мне лёгкую шаль?

— Вы опоздали на две минуты, герцогиня. — Слышу упрёк с нотками металла в голосе, стоит мне переступить порог уютной обеденной комнаты.

— Значит, в следующий раз стоит послать служанку чуть раньше, — внутренне напрягаюсь, но тут же прячу нервозность за лёгкой улыбкой и тихим, спокойным голосом, словно делала это сотни раз: — Доброго утра, ваше сиятельство.

Граф следит за мной нечитаемым холодным взглядом и мне трудно понять, о чём он сейчас думает. Лишь бы не злился... “не стоит раздражать мужчину...” снова выплывает из густой патоки сознания отчётливая мысль и я невольно вздрагиваю. Откуда это во мне?

Слуга отодвигает для меня стул, и я присаживаюсь за стол, за которым бы могли с комфортом разместиться шесть человек. Передо мной ставят тарелку с жидкой, странноватого вида кашей, в то время как перед графом выставлены блюда, от аромата которых у меня начинает кружиться голова.

Поднимаю взгляд на мужчину и успеваю заметить усмешку в его глазах, которая, впрочем, тут же сменяется равнодушием.

— Приятного аппетита, ваша светлость.

Вот значит как...

— Приятного аппетита, граф, — вежливо улыбаюсь и с самым невозмутимым видом приступаю к трапезе.

Каша оказывается без сахара и без соли, но после целой недели на отварах и бульонах, в том числе и исключительно овощных, мне кажется вполне съедобной. Если бы только не...

— Ваше сиятельство? — поднимаю глаза от тарелки и встречаюсь с голубым льдом внимательного взгляда.

— Слушаю, герцогиня, — он, очевидно, ждёт, как я буду выкручиваться из этой ситуации.

— Вам стоит напомнить своим слугам, что некоторые блюда на стол подаются горячими. В их перечень, по правилам, входят и изделия из круп, — с каждым словом его лицо вытягивается, но он быстро осознаёт это и возвращает себе бесстрастную маску.

— Кхм... вы, безусловно, правы, ваша светлость, я поговорю с теми, кто отвечает за подачу блюд.

Понимаю, что это пустое обещание. Разговор не состоится, потому что граф сам приказал подать кашу в том виде, в котором я её сейчас ем.

В памяти всплывает прошедшая ночь и желание задать вопросы графу отпадают сами собой. Или посмеётся надо мной, или скажет, что я выдумываю. Но я склоняюсь к версии, что хозяин имения причастен к ночному спектаклю. Нет, конечно, он бы не стал сам ходить там всю ночь, но вот отправить это делать кого-то из слуг...

Понять бы ещё зачем ему это всё.

Подхватываю маленькой изящной ложечкой жидкую остывшую массу и отправляю в рот. С одной стороны, это даже хорошо, всё равно мне пока нежелательно есть тяжёлую пищу. Но с другой... ароматы, витающие над столом, кружат голову, а я так устала от пресной пищи! Может, это дио Хэмис настоял на таком блюде? Ну конечно! Нужно будет уточнить у него...

Остаток каши доедаю в полной тишине.

— Что, и не спросите о десерте? — поток мыслей прерывает бархатистый голос с вкрадчивыми нотками. Непрошенная тёплая волна проходит вниз по позвоночнику, и я очень надеюсь, что мне удастся не выдать себя. Собственная реакция пугает.

— Разве на завтрак подают десерт?

— Ну, насколько мне известно, в вашем имении десерты подают в любое время.

Это он сейчас на что намекает?

— Благодарю, граф, — мило улыбаюсь и складываю приборы слева от тарелки, демонстрируя таким образом, что трапеза окончена. — Ваша забота весьма трогательна, но как я поняла по вчерашнему ужину и этому завтраку — вы весьма стеснены в средствах, а я не хочу излишне обременять вас.

И пока граф осмысливает то, что я сказала, слуга отодвигает стул, помогая мне встать из-за стола.

— Хорошего дня, ваше сиятельство, — легко склоняю голову, не опуская взгляд, распрямляюсь и неторопливо удаляюсь, оставляя графа наедине с его вытянутым лицом и незавершённым завтраком.

Ни по статусу, ни по этикету я не обязана задерживаться за обычными приёмами пищи дольше, чем сама желаю. Вот если стану его женой...

От этой мысли меня слегка ведёт в сторону и рука непроизвольно поднимается к горлу.

Несколько мгновений прихожу в себя. Голова ещё немного кружится, но я вполне могу продолжить путь.

Я хотела прогуляться по чудесному саду, который успела рассмотреть из окна, но из-за головокружения и слабости решаю остаться в своих комнатах до обеда.

Дурацкий этикет запрещает мне раздеться и лечь в постель, чтобы отдохнуть. Разве что сказать себя больной, но делать этого не хочется. Мало ли чем это обернётся? Я уже поняла, что имение Фрэй Дау — не то место, где можно показывать свои слабости.

Прошу служанку, чтобы меня не беспокоили, и присаживаюсь на громоздкий, жёсткий диван. Неудобное платье не позволяет ощутить комфорт, о котором мечтает тело, но я всё же укладываю голову на одну из больших декоративных подушек.

В голове крутятся и крутятся мысли, они рвутся наружу, но каждый раз, когда мне кажется, что я поймала их... они ускользают. Меня не покидает ощущение, что происходящее вокруг — какой-то длинный сон и однажды я обязательно очнусь...

* * *

— Малия, попросите, пожалуйста, подать обед в мои комнаты.

После пробуждения ощущаю себя голодной. Наверное, организм начинает восстанавливаться и требует больше энергии. От этого я и проспала до обеда. Что не удивительно, ведь все последние дни я спала бóльшую часть времени.

Служанка бледнеет, нервно отводит глаза в сторону и мнётся.

— Малия, что-то не так?

— П-простите, госпожа, но его сиятельство просил передать, что ждёт вас к обеду в общую залу. И н-настоял, что обед будет подаваться только туда.

— И в какое же время здесь полагается обедать?

— В пять часов, госпожа.

В пять... до пяти ещё больше трёх часов.

— А что же граф? Не ест между завтраком и обедом?

Служанка снова отводит глаза и поджимает губы. Так... понятно. Ну что за детский сад они устроили?

Детский сад... в памяти всплывают смутные образы чего-то непонятного, чуждого, но в то же время родного. Всплывают и тут же теряются в мутной патоке сознания.

С недавнего времени я завела себе маленькую книжечку, в которую записываю странные слова. Потому сейчас встаю и подхожу к прикроватному столику, чтобы внести туда ещё одно. Надо будет уточнить у дио Хэмиса их значение.

Служанка так и стоит, нервно теребя подол.

— Хорошо, Малия, тогда пусть пока подадут чай. Надеюсь, с этим проблем не возникнет?

— Сию минуту подам, ваша светлость! — облегчённо выдыхает и выбегает из комнаты.

* * *

К травяному несладкому чаю подаётся маленькая тарелочка с фруктами, названия которых я так и не вспомнила, совсем крошечная пиала с пятью миндальными орешками и такая же с несколькими сухофруктинками. Вкусно, но на один зуб.

— Малия, скажи, пожалуйста, здесь всегда подают к чаю такой... набор “закусок”?

Девушка краснеет и тупит глазки. Таак... оччень интересно!

— Вы, госпожа, ежели желаете что-то добавить или изменить, то с этим вопросом велено обращаться к его сиятельству.

Что и требовалось доказать. Понять бы ещё цели этого загадочного сиятельства.

Впрочем, чтобы ощутить приятную сытость, мне хватает и этого перекуса. Шутка ли, больше двух недель на воде и бульонах. “Желудок, как у котёнка” вспыхивает неожиданная мысль и тут же растворяется, оседая в недрах памяти.

Подкрепившись, решаю, наконец, прогуляться по саду. Погода сегодня солнечная. Накидываю плотную шаль и переобуваюсь в мягкие ботиночки.

— Малия, сообщите, пожалуйста, дио Хэмису, что я собираюсь на прогулку и если он желает, то я буду рада его компании.

Малия выглядит удивлённой, но через мгновение одёргивает себя, быстро кланяется и убегает.

И что я опять сказала не так? Или её тоже смущает излишняя вежливость? Может, стоит научиться отдавать приказы, как и рекомендовал дио Хэмис? Что-то мешает мне так делать, всё внутри противится и негодует.

* * *

Свежий воздух опьяняет, и я жадно наполняю лёгкие.

Ветерок колышет травинки, а в молодой листве играют солнечные лучи. Аккуратные кусты покрыты плотными маленькими бутонами, которые вот-вот раскроют свои лепестки и наполнят сад цветочным ароматом.

Вспоминаю, что в моём имении цветы уже давно распустились, и Миа каждое утро приносила букетик свежих сандарий с тонким сладковатым ароматом.

— Вижу, вам всё лучше, ваша светлость.

— Доброе утро, виконт! — вы правы, тело вполне слушается меня, только часто хочется спать и память не вернулась. Но я вспоминаю кое-что, даже записываю то, что мне непонятно. Вот, хотела показать вам свои записи.

Открываю тонкую записную книжечку в кожаной оплётке с тиснением и протягиваю лекарю. Он долго вглядывается, а потом поднимает на меня задумчивый взгляд:

— И вы сами можете прочесть это?

— Конечно. Я понимаю, что пишу не аккуратно, — смущаюсь и начинаю оправдываться: — мне трудно держать в руке перо, оно слишком тонкое.

— Простите, ваша светлость, но я вовсе не об этом. Давайте откроем книгу и вы сравните записи.

Дио Хэмис достаёт небольшую книжку, которую предусмотрительно прихватил с собой для того, чтобы практиковаться в чтении, и протягивает мне. Раскрываю на первой попавшейся странице. Во второй руке держу свои записи.

Только сейчас приходит осознание, что писала я не задумываясь, а вот читаю с большим

трудом.

Текст сильно отличается как символами, так и структурой. Ничего не понимаю.

— И что это значит?

— Не уверен, но надеюсь это хороший знак. Возможно, вы вспоминаете один из языков, которым обучались?

— Тогда я посмотрю в библиотеке графа, сравню тексты. Но как насчёт значений слов?

— Что бы вы хотели узнать?

— Что такое фитнес? Мне хорошо, когда я вспоминаю это слово. Хочется сделать что-то такое... такое... ну тянуться, наклоняться, я чувствую своё тело и это прекрасное состояние.

— Фитнес... нет, не знаю.

— Танго?

— Эмм... похоже на какое-то экзотическое блюдо.

— Хмм... детский сад?

— О! Вы помните? Барон Лой Пэррис оформил фруктовый сад для детских игр несколько лет назад, вам там понравилось и вы упростили его светлость повесить такие же качели в вашем саду.

— Да? Допустим... Интернет?

— Кажется, так зовут одного из послов Нидарии.

— Ааа... ладно. Машина?

— О, вы даже в курсе об исследованиях и разработках Королевского Столичного Института Изобретений и Алхимии? Похвально! Вот видите, герцогиня? Всё будет хорошо, вы вспоминаете!

— Вы думаете? — с сомнением роюсь в густой патоке сознания, пытаюсь вытянуть хоть что-то об этом институте или о вкусе танго... пустота.

— Я не сомневаюсь, ваша светлость! Вам просто нужно больше отдыхать и гулять на свежем воздухе, правильно питаться и хорошо высыпаться!

И что мне на это ответить? Я-то постараюсь “питаться” и “высыпаться”, но затея, отчего-то кажется провальной.

— Кстати, это вы дали рекомендации по моему питанию?

— Что? О нет, я ничего никому не говорил. Это вызвало бы лишние вопросы. Вы и так знаете, что вам стоит опасаться тяжёлой пищи.

Ясно. Холодная каша на совести графа.

— Простите мою дерзость, госпожа, но я очень переживал, что вы и впрямь повредились умом. Тогда бы Его Величество назначил опекуна, который бы принимал за вас все ответственные решения. Конечно, король постарался бы держать это в тайне и поскорее выдать вас замуж, но вашего мнения уже бы не спрашивал. А возможные претенденты, с вашим прежним характером... Кхм... впрочем, это уже в прошлом... Безмерно рад, что вы идёте на поправку!

— И я... рада... — натянуто улыбаюсь, не разделяя оптимизма моего наставника.

— В таком случае, предлагаю присесть вон в той беседке у пруда и немного почитать!

— Отличная мысль, дио Хэмис, — всё же его приподнятое настроение передаётся мне, и натянутая улыбка превращается в искреннюю.

— Вы очень быстро восстановите все нужные навыки, ваша светлость, вот увидите! А если не вспомню? Как долго, я смогу это скрывать? И что, если тот, кто лишил меня

памяти... просто хотел, чтобы я что-то забыла?

— То есть это правда? Ты приказал подавать герцогине на завтрак остатки от трапезы слуг? Да ты с ума сошёл! А если узнает Его Величество?

Барон Итеон Дэль Гро уютно устроился в кресле возле камина. Он покручивает в пальцах бокал с южным нектаром, и то и дело закидывает в рот что-нибудь из разнообразных ароматных закусок, коими изобилует низкий столик.

— Ты слышал последние рекомендации придворных лекарей? Скажу, что всего лишь забочусь о здоровье будущей супруги, как и обещал королевскому поверенному, — ухмыляется молодой граф. Он уже в который раз меряет шагами небольшую гостиную.

— Ставя на стол холодную жижу сомнительного вкуса и происхождения?

— А это уже фантазии самой герцогини. Каша была высшего качества, но разве её светлости угодишь?

Хохот Итеона настолько заразителен, что невозможно хотя бы не улыбнуться, но молодой хозяин особняка Фрэй Дау лишь хмурится и в который раз нервно запускает пальцы в волосы:

— На самом деле это всего лишь та же каша, что с удовольствием едят на завтрак мои слуги. Но я не понимаю реакции Эммилины. Я ожидал чего угодно, вплоть до того, что она швырнёт в меня эту тарелку! Только не смиренного принятия ситуации. Почему она стала это есть? — на несколько мгновений граф замер в задумчивости. — Помнишь, я рассказывал тебе, как нас оставили играть в парке? Имею в виду тот случай, когда гувернантка принесла пирожные, потому что Эммилине захотелось сладкого. Она в тот раз рассердилась, потому как пирожные были украшены не тем кремом, и весь поднос со сладостями полетел в лицо гувернантки. Я сокрушался, что наши родители этого не видели, рассказал своему отцу, а он решил спросить у гувернантки, как всё было. И та ответила, что блюдо с пирожными просто перевернулось. Эммилина умела держать слуг в страхе. Отец в тот раз отчитал меня за клевету, выставив лжецом, ведь "милая маленькая Эмми просто не могла так поступить".

— Помню, ты тогда очень злился, — Итеон закидывает в рот сочную ягоду из серебряной пиалы.

— Прежде Эммилина бы уже попыталась выцарапать мне глаза, а сейчас смеряет равнодушным взглядом и вежливо улыбается. Её поведение пугает меня.

— Мне всё больше любопытно самому увидеть повзрослевшую герцогиню.

— Увидишь. Обед в пять. Кстати, я исключил ланч и ужин, чтобы у Эммилины не было вариантов, кроме как спуститься вечером в обеденную залу. — Пытаешься уморить "невесту" голодом? — Итеон как раз подхватывает хрустящую корзиночку с гусиным паштетом, украшенную ягодками мочёной брусники и закидывает в рот, едва не жмурясь от удовольствия.

— О нет, что ты, даже не надеюсь. Просто жду, когда она прибежит ко мне просить добавки. Злые языки обожают шутить по поводу пристрастия герцогини к сладостям и обильной пище. Я просто искал повода пополнить их ряды. Не считаешь это достаточно унижительным для надменной выскочки?

— Это было бы достаточно унижительным для любой благородной дэи.

— Именно! Кстати, Дафна тоже приглашена на обед.

— Аххах, серьёзно? Алексион, я ни за что не пропущу этот вечер! Уж очень не терпится

посмотреть на лицо герцогини!

— Я буду счастлив, если после сегодняшнего обеда её светлость со скандалом отправится к Его Величеству, но меня всё больше терзают сомнения. Она ведёт себя совсем не так, как я рассчитывал, — граф задумчиво хмурится и отворачивается к окну.

— Возможно, ты недостаточно стараешься?

— Недостаточно? Что мне сделать, чтобы по окончании этих десяти дней, она хлопнула дверью и навсегда оставила меня в покое? Её комната неудобная и не соответствует статусу. Вчера я отменил полагающийся торжественный обед, оставив герцогиню наслаждаться одиночеством в своих комнатах. Выделил только одну горничную... Я ожидал, что она прибежит ко мне с истерикой в первый же вечер, ну хотя бы устроит разнос слугам...

— И?

— Ничего... она даже остывшую кашу съела с таким видом, словно ничего особенного не произошло.

— А что ты ожидал?

— Скандалов, угроз, упрёков. Всё как обычно. У меня на это заготовлено несколько прекрасных ответов, которые мне не терпится бросить ей в лицо, — Алексон-Кэссим снова хмыляется, затем сцепляет руки за спиной и в который раз задумчиво проходит по гостиной. — В прежние времена, когда я с родителями гостил в имении герцога, Эммилина сразу посылала кого-нибудь следить за мной. Я разговаривал с её горничной сегодня, и та уверяет, что ничего подобного герцогиня ей не поручала. Более того, она даже ничего обо мне не спрашивала!

— Герцогиня не так глупа, она могла подговорить кого-то другого из слуг, предположив, что горничная шпионит для тебя.

— Вполне. Но она больше ни с кем не общалась. С ней прибыл лишь их лекарь и тот почти всё свободное время проводит у себя и не пытается что-то разнюхать.

— Она прибыла без собственных горничных?

— Да, это меня тоже удивило. Она вообще не ведёт себя так, как вела бы прежняя Эммилина. Её мимики, речь, язык тела всё кажется незнакомым, — при этих словах граф снова хмурится и начинает немного глубже дашать.

— Как давно вы не виделись?

— Во время траура она не посещала балы и я не интересовался её жизнью. Но как только это стало приличным, она сразу вышла в свет. Она была несколько подавлена, но вела себя так же, как и все годы, что я знал её прежде. Например, снова не давала мне прохода, а когда я попросил её оставить меня, прошипела, что я ещё пожалею об этом.

— А потом?

— Следующие балы я не посещал.

— Отчего?

— О! Сам понимаешь, не желал попадаться лишний раз на глаза ни герцогине и ни её всемогущему дядюшке.

— Не помогло? — рассмеялся Итеон.

— Как видишь... — граф развёл руками.

— Значит, ты не видел её весь срок траура, потом единственный раз на балу и ещё почти два месяца, включая время её подозрительной болезни.

— Почему подозрительной?

— Алекс, я хорошо её знаю, и ты прав: никакая простуда бы не удержала Эммилину от

поездки во Фрэй Дау. Это же именно то, чего она так упорно добивалась.

— Меня это тоже смутило.

— Всё это не просто так, и нам нужно раскусить её план прежде, чем она обставит тебя!

Перебрав все платья, выбираю одно из самых неброских. Светлое, довольно простое, но из дорогой приятной ткани, без обилия украшений, без оборок. И главное, под него не требуется надевать те широкие громоздкие подъюбники, а плотный корсаж можно отрегулировать, чтобы платье не висело. Единственный явный недостаток — декольте. Как и во всех платьях оно привлекает чрезмерное внимание. Нужно срочно что-то делать с гардеробом.

Прошу Малию сразу принести шаль.

— Ну хоть есть, *чем* внимание привлекать, — рассматриваю весьма соблазнительные упругие выпуклости слегка поднимающиеся над линией декольте при каждом вдохе. Грустно усмехаюсь, вспоминая откуда-то, что “во всём нужно искать позитивные стороны”.

Слово “позитивный” звучит необычно, и я делаю мысленную заметку внести его в свою книжечку.

— Госпожа, вы позволите мне уложить ваши волосы?

Ах да... этикет требует выйти к обеду с причёской. Если бы мне позволили есть в своих комнатах, можно было бы всего этого избежать, но граф настоял, что обед будет подаваться только в малой обеденной гостиной, а я не хочу питаться одними орешками. И уж тем более не горю желанием, о чём-то просить самого графа.

— Сделай мне что-нибудь простое, Малия.

— В-вы уверены, ваша светлость?

— Да. Давай соберём пряди с боков и уложим их в узел сзади, а остальные волосы оставим распущенными.

Так как справляемся мы быстро, то решаю спуститься к обеду заранее, но прихватив с собой книжечку, которую оставил мне дио Хэмис. Нужно практиковаться в чтении. Я довольно быстро запомнила... вспомнила... буквы, правда иногда путаю их. Книжка, к слову, оказалась историей нашего королевства в переложении для детей. Большие буквы, картинки и простое изложение — это именно то, что мне нужно.

В обеденной гостиной идут приготовления к трапезе и слуги снуют, завершая сервировку стола. Прохожу к дальней от входа стене, где уютно мерцает камин. Устраиваюсь в глубоком кресле и погружаюсь в чтение.

Ощущение живого огня расслабляет, в шали становится жарко и я откидываю её.

Поглощённая историей королевства, не сразу различаю голоса. Со стороны входа меня не видно из-за высокой спинки кресла, но голоса приближаются, и я напрягаюсь, натягивая шаль обратно на плечи.

— Насколько я её знаю, она ещё долго будет перемерять весь свой гардероб, перебирать драгоценности или отчитывать служанку, требуя уложить волосы так, чтобы это противоречило законам природы и соответствовало её безумным идеям. В этом вопросе ей ещё никто не смог угодить.

Это они обо мне говорят?

— Тогда дождёмся Дафну, хотя она тоже любит подолгу наряжаться.

— О, в этом вопросе Дафне далеко до герцогини.

— Так же как герцогине далеко до Дафны в других вопросах?

И они громко смеются.

Момент, когда по этикету стоило обозначить своё присутствие упущен. Голоса всё ближе и я неосознанно вжимаюсь в спинку кресла. Словно оно может защитить меня от нежеланной компании.

— Герцогиня? — первой меня замечает граф.

— Ваша светлость? — следом показывается неизвестный молодой человек.

Тихо выдыхаю, надеваю маску вежливого безразличия и поднимаю глаза. Мне плевать на то, что они обо мне думают. Им не удастся задеть меня.

Перевожу взгляд с молчащего хмурого графа на незнакомца и приподнимаю бровь, маскируя этим свою растерянность. “Незнакомец” спохватывается и подносит мою руку к своим губам, слегка смущённый неловкой ситуацией.

— Рад встречи с вами, ваша светлость.

— И я рада... — кто это и должна ли я его знать?

— О, моё имя Итеон, барон Дэль Гро. Мы представлены, но давно не виделись, в силу моего длительного отсутствия. Я был отправлен служить на северную границу и лишь недавно вернулся. И, вероятно, несколько изменился, — сам придумывает мне оправдание барон.

— Конечно, ваше благородие, вы действительно изменились, — пробегаюсь по нему оценивающим взглядом.

Молодой, светловолосый с правильными чертами лица. Высокий, но не выше графа, такой же статный и самоуверенный. Но в отличие от графа барон мне улыбается и я не могу не ответить ему лёгкой улыбкой. Ну хоть кто-то здесь имеет представление об элементарной вежливости.

— Кхм... — раздаётся раздражённое слева от меня.

— Доброго вечера, граф, — встречаюсь с голубым льдом его взгляда и ощущаю, как рядом с камином становится на несколько градусов холоднее.

— Доброго, герцогиня, — и ни слова о том, что они только что обсуждали. Хотя о чём это я? Пора привыкать, что граф не только не считается с моими чувствами, но и получает удовольствие, играя у меня на нервах.

— Если вы не возражаете, мы составим вам компанию, — вежливо уточняет Итеон.

— Спросите у хозяина, я лишь гостя в этом доме.

— Мы дождёмся Дафны здесь, располагайся Итеон, — при этих словах он впивается в меня взглядом, словно ожидает каких-то действий. А я что? Понятия не имею, кто такая эта Дафна, поэтому никак не реагирую.

— Спасибо, Алекс. Я заметил, вы читали, герцогиня. Не хотел вам помешать.

— Всё в порядке, — улыбаюсь барону, отмечая, что в шали всё-таки жарковато, хоть я и ощущаю себя в ней увереннее.

— Позвольте поинтересоваться, что именно вы читаете? — барон останавливает любопытствующий взгляд на книге, которую я неосознанно прижала к себе.

— О, да так... кое-что по истории.

— История, герцогиня? Довольно необычный выбор для вечернего времяпровождения, — снова барон.

И как это понимать? Я не могу интересоваться историей?

— Полагаю, герцогиня читает один из тех самых вульгарных романчиков и не захочет делиться с нами его содержанием, — едко замечает граф.

— Вы имеете что-то против романов? — смотрю на графа не моргая, не давая ему

усомниться, в том, что свои оскорбления он может засунуть в... в общем, что меня это не задевает.

— Так вы романтик, герцогиня? — вкрадчивый голос блондина разбивает нашу с графом пикировку взглядами.

— Боюсь разочаровать вас, барон...

— Ну конечно... — тут же фыркает его несносное сиятельство.

— Что значит это ваше 'ну конечно', граф? — не удерживаюсь от того, чтобы спародировать его.

— Вы известная любительница выдавать желаемое за действительное, только и всего.

— Вы сейчас называете меня лгуньей... граф?

— Да... герцогиня.

— Извинитесь, граф!

— Спорю на то, что у вас НЕ книжка по истории, герцогиня!

— А если вы ошиблись?

— Я принесу вам свои самые искренние извинения... но вы не покажете нам книгу, потому что, как обычно, лжёте! Поэтому я имею полное право и дальше так вас называть...

Достаю книгу и показываю обложку.

— Слушаю ваши искренние извинения... граф.

Граф скрипит зубами и испепеляет взглядом.

— Детская книга по истории? — пока мы пытаемся прожечь друг в друге дыры, Итеон, дотягивается и осторожно вытаскивает книгу из моих рук. — Алекс, здесь даже картинки есть!

— Милорды, доброго вечера, надеюсь, вы меня не сильно заждались? — незнакомый женский голос вклинивается в нашу "идиллию".

— Пройдёмте к столу, — граф воспользовавшись появлением гостыи, резко поднимается и спешит приветствовать девушку.

Бросаю взгляд на часы. Семнадцать минут шестого.

— Ну что вы, баронесса, ждать вас одно удовольствие! — его сиятельство расплывается в широкой улыбке и перехватывает тонкую кисть изящной блондинки. Подносит руку к губам, касаясь кожи, и задерживается на этом жесте очевидно дольше положенного этикетом времени. После чего лично провожает девушку за стол, галантно отодвигает стул и усаживает слева от себя. Барон, следуя его примеру, также галантно целует руку девушки и занимает место справа от герцога.

Баронесса или барон? Баронессу я не знаю, а барону не доверяю так же, как и его "сиятельному" другу. Но если выбирать из двух зол...

Направляюсь к блондину. Слуга помогает мне сесть, отодвигая массивный стул.

Очень интересная рассадка. Граф сидит во главе стола. Справа от него баронесса, слева Итеон. С другой стороны от Итеона сижу я, как самое слабое звено в нашей "компании".

Бросаю любопытный взгляд на гостью. Миловидная блондинка с миниатюрными аккуратными чертами лица и жеманной, излишне широкой улыбкой. Обилие бледно-розовой пудры на лице даже у меня вызывает желание почесаться. В сочетании с яркой помадой и очень высокой причудливой причёской всё это выглядит странно и даже карикатурно, но блондинка явно гордится своим светским образом. А вот платье очень напоминает мне мой собственный гардероб. Приторно розовое, кричащее, оно изобилует декором из миниатюрных бантиков, воланов, кружевных рюшей и камушков, которые то и дело

поблёскивают в ярком свете свечей. Это могло бы быть мило, если бы не было столь нарочито и вычурно.

Ах да, и снова чрезмерно открытое декольте, хоть и более скромное, чем у меня... не из-за глубины, разумеется, а из-за объёма.

— Доброго вечера, баронесса, — решаю, наконец, обозначить своё присутствие.

Девушка вздрагивает, отвлекаясь от разглядывания графа, словно только сейчас осознаёт, что за столом есть кто-то ещё помимо их двоих. А может, и впрямь засмотрелась, граф ведь тоже не сводит с неё глаз.

— О, ваша светлость, — несколько теряется девушка и недоумённо рассматривает меня в ответ. — Добрый вечер. Вы уже прибыли? Глупый вопрос.

— Очевидно, да, раз я здесь.

Барон прячет усмешку, успев поднести к губам салфетку и изобразив лёгкий приступ кашля. Блондинка вскидывает на Итеона недовольный взгляд.

А она вовсе не такая милашка, какой хочет казаться.

— Ты не говорил, что герцогиня будет на ужине, — слегка дует губки красотка, обсуждая меня при мне же в третьем лице.

— Да? Верно запомятовал, дорогая, — берет её руку и снова подносит к губам и снова задерживается в этом жесте неприлично долго. — Но ты же не сердись на меня за это? — почти мурлычет мой то ли жених то ли уже нет.

Баронесса томно выдыхает, не сводя горящего взгляда с его губ. Слуги подают горячие блюда, старательно отводя глаза. Итеон делает вид, что ничего особенного не происходит и сосредоточенно гоняет кусочек какого-то овоща по своей тарелке.

— Как я могу сердиться на тебя, Алекс... — имя она томно выдыхает.

И слепому понятно, что их связывают не только дружеские отношения. Но к чему тогда заставлять меня присутствовать на обеде? Унизить?

Тёплый огонёк, который зажёгся внутри, когда я впервые увидела графа, выходя из кареты, окончательно перегорает, оставляя на губах привкус пепла.

Я уже поняла, что наш возможный брак считается династическим. Его Величество, по сути, хочет назначить мне опекуна, который сравняется со мной по статусу, и сможет управлять обширными землями, не советуясь с молоденькой неопытной женой.

В таком браке от супругов требуется лишь уважение. А разве я требовала от графа чего-то большего? Тогда, зачем он так сомной поступает? Только чтобы задеть? Или он сразу хочет дать мне понять, что планирует романы на стороне и даже не намерен этого скрывать?

Время тянется, как резина. Блондинка и граф о чём-то перешёптываются, бросая друг на друга загадочные взгляды. Я аккуратно ем потрясающе вкусный крем-суп.

— Герцогиня, вам холодно? — видимо, Итеон устаёт от молчания, ведь он тоже оказался невольным аутсайдером этой ситуации.

— Нет, почему вы так решили?

— Ваша шаль выглядит несколько... необычно для... кхм... обстановки.

— Я бы сказал, как всегда, неуместно, — неожиданно отвлекается от блондинки граф.

— Алекс, я просто хотел поинтересоваться самочувствием герцогини. Так как вы себя чувствуете, ваша светлость? Ходят слухи, что вы болели.

— Благодарю, барон, — выпад графа решаю игнорировать, — мне уже лучше.

— И тем не менее вы кутаетесь в шаль, тогда как в столовой довольно жарко, — на слове “жарко” барон окидывает пристальным взглядом низкое декольте баронессы, и та

моментально вспыхивает.

Ах так? Ну в эту игру можно поиграть и всем вместе.

— Да, пожалуй, вы правы, — мило улыбаюсь, опускаю ресницы, затем поднимаю глаза встречаясь на мгновение взглядом с бароном и снова опускаю ресницы. Веду плечом и элегантно снимаю с плеч шаль, открывая почти скромную линию несколько нескромного декольте. Распрямляю плечи и делаю глубокий вдох. — Лекарь рекомендовал мне быть осторожней, со сквозняками, но, кажется, здесь они меня не достанут.

Краем взгляда замечаю, как замирает барон, не донеся до рта вилку с кусочком дрожащего заливного.

Взгляд графа темнеет и начинает метаться между моим лицом, лицом Итеона и моим декольте. Я же как ни в чём не бывало сосредотачиваюсь на намазывании паштетом тонкого ржаного хлебца, не забывая дышать чуть глубже.

— Барон, ваше заливное сейчас упадёт, — произношу, продолжая увлечённо заниматься бутербродом.

— Что, простите?

Решаю-таки повернуть голову, вынуждая барона встретиться со мной взглядом. Затем взглядом же указываю на замершую вилку:

— Ваше заливное... барон.

Его рука вздрагивает, и дрожащий кусочек падает. Барон дёргается, пытаюсь не допустить соприкосновения еды со светлой тканью брюк и вилкой же неуклюже задевает край бокала, который радостно дзинькнув опрокидывается, рисуя на белоснежной скатерти алый развод.

Барон краснеет, окидывая нас смущённым взглядом. Граф выглядит откровенно растерянным. Блондинка недовольно поджимает губы. Я с аппетитом и прямой спиной доедаю бутерброд, запиваю его глотком лёгкого ягодного морса и откладываю приборы слева от себя.

Обед окончен.

Глава 14. День второй

Всю ночь меня то и дело будят пугающий скрежет, скрипы и шаги по потолку. Но вчерашнего страха уже нет. Я почти уверена, что это очередные дурацкие фокусы моего “жениха”. Ещё днём я попросила слуг унести из комнат рыцарские доспехи и кое-какую лишнюю мебель и теперь чувствую себя здесь гораздо комфортнее.

Но всё же посторонний шум мешает нормально выспаться, поэтому утром я чувствую себя разбитой.

Отлипнуть от постели меня заставляет только мысль о графе. Чтоб ему икалось! Не доставлю ему удовольствие видеть меня напуганной или попрекать опозданием, а то и вовсе оставить без завтрака. Он, очевидно, меня провоцирует, а я не намерена так легко сдавать позиции.

Собираю силу воли и бодро топаю в ванну. Привожу себя в порядок и одеваюсь с помощью Малии в то же платье, что было на мне на вчерашнем обеде. Вздыхаю, памятуя вечер, и накидываю шаль. Всё же без неё мне не комфортно. Наверное, так я подсознательно стремлюсь закрыться. На завтрак спускаюсь за три минуты до того, как часы в уютной столовой пробьют семь утра и застаю графа сидящим на своём месте за столом с самым задумчивым видом. Приборы снова накрыты на противоположных сторонах. Это радует. Чем дальше от его сиятельства, тем спокойнее.

Не раздумывая, направляюсь к своему месту. Слуга спешит помочь мне присесть.

— Спасибо, — привычно благодарю и мимолётно улыбаюсь услужливому юноше.

Поднимаю глаза и встречаюсь с голубой прохладой нечитаемого взгляда.

— Доброе утро, герцогиня.

— Доброе утро, ваше сиятельство, — натягиваю милую вежливую улыбку.

Поднимаю серебряную крышку и обнаруживаю знакомую кашу.

Не дождётесь, ваше сиятельство...

С самым невозмутимым видом принимаюсь за свой завтрак. Каша как каша, на этот раз хотя бы тёплая и рассыпчатая, в меру подсолена и наверняка полезная. Весьма недурно. Запиваю свою скромную трапезу горячим травяным отваром. Запах мне очень нравится и сквозь мутную патоку сознания прорываются мысли о детстве и о ком-то очень родном.

Подзываю слугу.

— Не подскажите, что за травы в этом напитке?

— Это чай с чабрецом, госпожа. Вам не нравится?

— Нет, что вы, наоборот. Попросите потом, пожалуйста, заварить такой же и принести в мои комнаты.

— Конечно, ваша светлость.

Бросаю слуге благодарную улыбку и откладывая приборы слева от тарелки. Не вижу смысла задерживаться здесь. Тот же юноша помогает встать из-за стола.

— Хорошего дня, граф.

И, прежде чем он что-то успеет ответить, гордо направляюсь к выходу. Проходя мимо, краем глаза отмечаю, что в аппетитной тарелке графа еда так и осталась нетронутой.

Несколько мгновений раздумываю, не вернуться ли в постель, наплевав и на этикет и на бесчисленные дурацкие правила, но взглянув за окно, выбираю спуститься в сад.

Свежесть, яркие запахи и щебет птах. Жадно втягиваю в лёгкие чуть влажный воздух.

Солнышко только-только начинает припекать и я подставляю лицо ласковым лучам.

Волшебно!

— Доброе утро, герцогиня! — нарушает моё умиротворение лекарь, до безобразия бодрым голосом. — Мне сообщили, что вы снова на прогулке. Желаете продолжить занятия?

— Давайте немного пройдемся в тишине, а уже потом вы расскажете мне что-нибудь интересное.

— Я рассчитывал позаниматься сегодня придворным этикетом. Пока это самое важное. Никто не удивится, если герцогиня перепутает Лотаринию с Нидарией, но вы просто не можете себе позволить ошибиться в придворных церемониях! Они всегда были вашей сильной стороной. Приступим?

— Как скажете, дио Хэмис. Только сначала всё же дайте немножко насладиться солнышком.

* * *

От моих шагов белая мраморная крошка тропинок сада приятно похрустывает. Не могу скрыть улыбку, потому что направляюсь в сторону запримеченных утром конюшен.

В потайном кармашке припрятана пара сочных сладких аниканов. Те самые фрукты, что подаются мне к чаю. Лекарь подтвердил, что они не только не опасны для лошадей, но и являются самым настоящим для них лакомством.

Ещё издали наблюдаю, как внутри просторного загона резвится великолепный жеребец и улыбка становится шире. “Гнедой мустанг” неожиданно выплывает на поверхность из тумана памяти. В груди разливается тепло, напоминая о чём-то родном.

На некоторое время останавливаюсь у загона, чтобы полюбоваться лошастью, а потом бодро направляюсь в конюшни.

Работники конюшен замирают и останавливаются, растерянно глядя мне вслед, но никто не решается остановить меня. Вот и правильно. Вот и хорошо. Не нужно меня останавливать.

Прохожусь вдоль денников, вдыхая смутно знакомые запахи. Возле одного из них замираю, залюбовавшись вороним красавцем. Тонкие длинные ноги, ухоженная грива. Я уже слышана, что граф держит отменных породистых лошадей, а теперь убеждаюсь в этом воочию.

Животное косится на меня с любопытством, пока я разглядываю его с неприкрытым восторгом.

— Могу я вам помочь, госпожа? — высокий юноша несколько нервно поглядывает в сторону своих старших товарищей, явно ожидающих от него каких-то действий.

— Скажите, как зовут эту лошадь?

— Ночь, госпожа, кобылу зовут Ночь.

— Такая красивая, могу я её погладить?

— Нуу... хмм... это... несколько опасно, госпожа, — нервно запускает руку в волосы, ероша их и растерянно озирается на товарищей, которые делают вид, что усердно занимаются своими делами. Не доверяют мне? За меня переживают или за лошадь?

— Она ещё не обьезжена?

— Нет, что вы в этом стойле все лошади уже обьезжены и готовы к продаже. Хотя Ночь

довольно своенравна...

— Тогда не волнуйтесь за меня и позвольте мне пообщаться с ней поближе.

Юноша тяжело вздыхает, но отказать герцогине не решается. Умный мальчик.

— Разрешите, я подойду, чтобы открыть денник, — вздыхает, пуская меня внутрь. — Если вы не возражаете, побуду рядом, на случай, если вам что-то понадобится.

— Хорошо, вы можете остаться, — благосклонно киваю, изо всех сил стараясь сохранить аристократический тон, и не “лыбиться” слишком широко.

Достаю из кармашка первый аникан и с осторожностью протягиваю его кобылке. Та с подозрением косится на меня, потом на конюха, потом принимает и аккуратно забирает с руки фрукт мягкими щекотными губами. Медленно протягиваю вторую руку, чтобы погладить девочку по лоснящейся шее.

Я в восторге! Лошадка явно довольна гостинцем и принимает мои ласки вполне дружелюбно, пока я не замечаю, как она принимает к моему карману.

— Ах ты, хитруля. Ну хорошо, этот аникан тоже твой, — протягиваю лошадке второй фрукт и он исчезает с ладони куда быстрее, чем первый. Ясно. Буду просить чай и откладывать аниканы для Ночи.

— Вы можете оседлать её для меня?

— Госпожа, простите, пожалуйста, но разве благородные дэи ездят верхом?

Что??

— Э-э-эмм... я имела ввиду запрячь её для меня, чтобы покататься в...

— Запрягчь её в коляску для катаний?

— Да, пожалуй, именно это я и хотела сказать, — надо будет уточнить у дио Хэмиса, что это за правила такие дурацкие для благородных дэй.

— Обычно Ночь не запрягают для катания... — растерянно мнётся парень, но заметив моё разочарование немного бледнеет и тут же меняет решение: — безусловно, для вас сделают исключение.

Удовлетворённо киваю и наблюдаю, как работники, выслушав парня, начинают споро готовить коляску к выезду.

Коляска катится по ухоженной дороге, позволяя насладиться видами милых деревенок, свежесезанных полей и ярко-зелёных пастбищ. Ветерок играет с упавшей на лоб прядью волос, а я ощущаю детский восторг!

— Граф хороший хозяин, — решаю начать прощупывать почву с утверждения и внимательно слежу за реакцией юноши.

— Да, очень хороший, — с гордостью подтверждает Мирон.

— А что, безопасные ли здесь леса?

— А то! Мужики и хищников далеко отогнали и про разбои уже давно никто не слыхивал. Все по совести работают да боятся, что граф за дурное погонит со своих земель. Оттого и не лезут на рожон, да стараются.

— Стараются?

— Работают на совесть, да налоги платят. Не везде сейчас работа есть, а у нас и мануфактуры в каждом городке имеются, да развивается всё. Многие желают переселиться на земли Фрэй Дау. Вот только принимают не всякого. Строго проверяют, чтобы за человеком дурного не водилось, да подолгу присматриваются к новым жителям.

Хмм... очевидно, дела у графа идут хорошо. Интересно, как обстоят дела в моём собственном герцогстве? Надо будет расспросить дио Хэмиса.

Вдали показывается невысокий холм, на нём дома. Даже отсюда заметно, что деревня процветает. Дорога ровная, поля уже засеяны, а сами домики утопают в цветущих деревьях. Лицо Мирона озаряет тёплая улыбка.

— Вы отсюда? В смысле, из этой деревни?

— Да, здесь живёт моя семья, — не скрывает гордость и теплоту в голосе.

— Хотели бы навестить их?

— Я всегда скучаю по ним и сегодня надеюсь увидеть кого-то, проезжая мимо.

— Ну почему же мимо, мы можем остановиться, и я подожду вас. Если только вы не будете там слишком долго.

Мирон как-то странно косится на меня и надолго замолкает.

— Так где ваш дом? — спрашиваю, когда мы въезжаем в деревушку.

— Вот тот, с бледно-розовой крышей.

Почти все крыши покрыты тонкой черепицей светлых оттенков, больше всего сероголубых, но есть и кремовые и даже розоватые.

— Госпожа, вы не шутили по поводу того, что я могу увидаться с родными?

— А я похожа на шутницу? Конечно, повидайтесь, раз уж мы здесь. — Благодарю, госпожа! — выдыхает с благодарностью и бросает в мою сторону почти благоговейный взгляд. — Вы не думайте, я мигом. Лишь передам весточку и узнаю, как себя чувствует сестра. Она болела, когда я навещал их в прошлый раз, — торопливо поясняет и становится понятно, почему он так распереживался.

Ещё на подъезде нас замечают и выбегают встречать. Пожилая женщина поглядывает на меня с опаской, но счастливо улыбается, завидев Мирона. Конюх же, едва остановившись, прыгивает, бросаясь её обнимать. Тут же подбегает детвора и визжа облепляет смеющегося парня.

Он так редко их навещает или они всегда такие?

Мирон что-то бурно обсуждает, пока его тянут к дому. Но он показывает в сторону коляски и в меня утыкаются несколько пар глаз. Заинтересованных, любопытных и взволнованных.

Пожилая женщина продолжает что-то рассказывать Мирону. Периодически делая приглашающий жест в сторону домика, но юный конюх мотает головой, отказывается. Меня опасается оставлять?

Сбоку слышится подозрительное копошение. Наклоняюсь через бортик коляски и замечаю, как на подножку, пыхтя карабкается босоное маленькое чудо. Протягиваю руки, чтобы поддержать ребёнка, опасаясь, что упадёт. Малыш вздрагивает от неожиданности и поднимает шкодливый взгляд. Ой, похоже, это не малыш, а малышка. Немного чумазая, с растрёпанными светлыми волосами, едва достающими до хрупких плечиков. Она внезапно широко улыбается, очевидно, гордая своим подвигом.

Подхватываю её под подмышки и помогаю влезть в коляску.

— Здравствуй.

— Сдластвуй! — улыбка обнажает отсутствие некоторых молочных зубов. — Ты невешта Мивона?

— Нет, милая.

— А кто? — тянет разочарованно, при этом пристально рассматривает ткань платья и даже тянется её пощупать.

— Я Эмма, — бросаю не подумав и замираю, пытаюсь осознать, почему именно так сказала. Эмма... это имя кажется родным и тёплым, вероятно, именно так называл меня кто-то из близких?

— Эма, ты покатаешь меня на своей калете?

— Дара, иди ко мне, вот же егоза непоседливая, — подлетает Мирон. — Простите, госпожа, простите, не уследил.

— Я вовсе не против компании... Дары. Мы вполне мило общались, пока вы не прервали наши светские беседы.

— Да Мивон, у нас тут шведские беседы, — цепляется за подсказку ребёнок и пытается влезть обратно. — Мы хотим каташа!

— Эмм... — юный конюх поднимает на меня растерянный взгляд.

— Да, Мирон, дэи хотят кататься. Давай сделаем кружок по деревне.

— Это не шутка, госпожа?

— Мы, кажется, уже выяснили, что я не похожа на шутницу.

Мирон краснеет, а Дара, пользуется моментом и перелезает обратно и забирается ко мне на колени. Нашему кучеру ничего не остаётся, как сесть на своё место в коляске и натянуть поводья, понукая лошадку тронуться.

Дара восторженно осматривается, крутя головой во все стороны, а я придерживаю её, справедливо опасаясь что шустрая “егоза” может моментально уползти с колен.

После короткой поездки, за которую я успеваю узнать всё, что известно ребёнку обо всех жителях деревни, Дара предлагает зайти в дом, потому что сегодня её мама испекла пироги. И мне обязательно нужно их “попвобовать”, даже если я и не “невешта Мивона”.

Сам же Мирон, краснея и заикаясь повторяет приглашение Дары и сообщает, что для них было бы честью разделить со мной обед.

Думаю, что отказавшись, я и Мирона лишу возможности подкрепиться. Как понимаю, без присмотра ему меня оставлять нельзя. К тому же мы оба проголодались, а нам ещё

обратно ехать.

В уютной кухне на стол передо мной ставят молоко, тёплый хлеб и те самые пироги: два сладких и один мясной. То и дело ловлю на себе опасливые, но любопытные детские взгляды. Отец работает в полях и поэтому его за столом не наблюдается.

Мирон — старший ребёнок в семье. И да, он действительно навещает семью нечасто, обычно лишь раз в месяц, для того чтобы передать пару солеров на нужды семьи. А всё потому, что сегодня он приехал со мной в коляске, тогда как, обычно ему приходится топтать до деревни пешком. Своей-то лошади нет, разве что иногда везёт и можно подсесть к кому-то в попутную телегу.

Наевшись от души, собираемся обратно. Мама укладывает юному конюху целую котомку еды и предлагает мне.

Не хватало ещё объедать эту семью. Я же вижу, какими глазами на пироги смотрят остальные дети, которых строгая мама за стол вместе с герцогиней не пустила. Поэтому благодарю за угощение, но ссылаюсь на то, что меня в имении отлично кормят, хотя таких чудесных пирогов готовить и не умеют.

Пожилая женщина, зардевшись, отводит взгляд и прислоняет ладони к горящим щекам, но замечает подхватившего котомку с едой Мирона, и тут же всплеснув руками, бежит что-то добавить в его поклажу. Ощущение чужого домашнего уюта пробирается в сердце щемящей тоской по чему-то несбыточному. Интересно, любили ли меня также? Наверное, да, раз говорят, что меня баловали... жаль, что не осталось об этом воспоминаний.

* * *

— Вы опоздали к обеду, герцогиня.

Вздрагиваю от неожиданности и поворачиваю голову в сторону широкого арочного проёма, ведущего в просторную гостиную. Граф пробегается по мне своим демонски-голубым взглядом и прищуривается. Очевидно, заметил слегка помятый вид герцогини Эон Нидао. Я же отмечаю, что граф что-то читал, сидя в глубоком кресле у растопленного камина, и застал меня, когда я пересекала холл, мечтая о тёплой ванне и спокойном вечере.

— Весьма сожалею, ваше сиятельство, — наигранно вздыхаю, изображая крайнюю степень сожаления. — Надеюсь, это не помешало вам насладиться вкусным ужином в приятной компании?

— Нисколько, ваша светлость, мы вполне чудесно провели время. Правда, мой дорогой Алекс? — нараспев произносит Дафна, выплывая из бокового коридора под руку с Итеоном.

Баронесса, ожидаемо, при полном параде: то есть вся в бантах и с толстым слоем розовой пудры.

— Доброго вечера, ваша светлость, — барон, единственный, кто соизволяет поздороваться.

Оба окидывают меня оценивающим взглядом. Вероятно, тоже замечают слегка растрёпанный и помятый вид племянницы монарха.

— И вам доброго вечера, ваше благородие.

Улыбаюсь барону, игнорируя остальных. Расправляю плечи и с гордо поднятой головой неспешно поднимаюсь по ступеням на второй этаж, где плавно поворачиваю в сторону гостевого крыла.

— Алекс, милый, ты обещал мне, что проведёшь с нами этот вечер, кажется, в беседке возле озера уже распускаются ночные фалантии. Мы с Итеоном как раз обсуждали возможность насладиться там закатом и уже распорядились приготовить напитки и закуски на троих...

Окончание фразы, как и ответ “жениха” я уже не слышу, так как ноги сами ускоряются, унося меня подальше от воркования этих милых пташек...

Слащавый голос Дафны так и стоит у меня в голове всё то время, что я яростно тру кожу жёсткой тряпицей в ванной. От услуг Малии я отказалась, потому что мне отчаянно захотелось остаться одной.

“Алекс, милый...”... “Ох, ах, там что-то распускается, и ты мне обещал...”... “Ага, насладимся закатом втроём...” Меня сейчас стошнит!!!

Глава 16. День третий

— Что за возмутительная несправедливость, Ночь! Дэи не ездят верхом! Как это не ездят верхом? Почему? Я же чувствую, что могу! Я знаю эти ощущения, помню! Значит, я каталась!

— Хр-р-р!

— Вот и я о том же! Хорошо, хоть ты меня понимаешь...

Я уже скормила Ночи несколько аниканов, и теперь она милостиво позволяет мне себя тискать.

Утро, к моему облегчению, прошло спокойно. С графом мы увиделись лишь за завтраком. Я быстро съела свою кашу и пожелав “жениху” хорошего дня, покинула малую трапезную.

— Простите, госпожа, — виноватые нотки в голосе Мирона указывают на то, что новость, по его мнению, мне не понравится. Похоже, теперь этого юношу всегда будут отправлять на переговоры со мной. Тоже мне взрослые лбы, нашли крайнего.

— Что случилось?

— Сейчас очередь Ночи гулять в загоне, позвольте мне её отвести?

— Фух, всего-то? Конечно, отводи! — поворачиваюсь к кобылке: — Ты идёшь гулять, девочка!

Целую её в нос и отхожу в сторону, чтобы не мешать конюху заниматься своим делом.

Какое-то время люблюсь на довольную, резвящуюся Ночь, оценивая её великолепные данные. Ретивая какая. “Словно элитные арабские скакуны” возникает и тут же гаснет очередная странная мысль. А на её место уже приходит новая — острое желание ощутить Ночь под собой. Скакать на ней, куда глаза глядят, как ветер, как птица... Я чувствую, Ночь тоже этого хочет.

Но мы обе с ней заложницы обстоятельств: вынуждены коротать время, каждая в своём загоне.

В голову приходит шальная мысль сбежать. Ну хотя бы притвориться, что меня никто и ничто не держит.

Незаметно кошусь по сторонам. Кажется, все заняты своими делами. Возвращаюсь в конюшни и не спеша прогуливаюсь до противоположного выхода. С той стороны строения менеелюдно. Улучив момент, тихой сапой приоткрываю ворота и оказываюсь на открытом лугу. Оборачиваюсь. Пара работников поодаль заняты своими делами. Охрана буднично обходит территорию, сворачивая в сторону особняка. За мной никто не гонится.

Вот и славненько!

За лугом начинается роща, и я направляюсь туда.

Небольшую рощицу пересекает множество тропинок и я брожу по тем, что кажутся мне наиболее живописными. Дорожки незаметно приводят в лес с огромными ветвистыми деревьями, стволы которых не смогли бы охватить даже три таких, как я. В восхищении разглядываю растительность, которая отчего-то кажется мне непривычной и сказочной.

Когда понимаю, что очень устала и хочу пить, решаю вернуться. Уже разворачиваюсь, но лёгкая судорога заставляет приостановиться.

Ну вот, опять! Как мне это надоело.

Оглядываюсь по сторонам и нахожу небольшой поросший мхом пенёк. Прихрамывая,

ковыляю к нему, чтобы размять сведённую судорогой ступню, но это не помогает, и я перестаю чувствовать ногу.

Вот же... придётся ждать, когда тело отдохнёт и чувствительность вернётся.

Вдыхаю густой, чуть влажный воздух, прислушиваясь к тишине леса. Тишину то и дело нарушают необычные звуки лесных птиц, а потом я слышу *это*: тихое, едва различимое поскуливание. Сначала пугаюсь, не зная чего ожидать. Понимаю, что если скулит чей-то детёныш, то рядом может оказаться и недовольная мамочка. А встречаться с диким животным сейчас, когда я даже бежать не могу... та ещё перспектива. Замираю и стараюсь не шевелиться. Какое-то время ничего не слышу и уже кажется, что мне это показалось, но вот снова раздаётся писк. Звук такой жалобный, что у меня внутри что-то сжимается, и я понимаю, что не уйду отсюда, пока не проверю.

Глупо? Да. Но иначе я не могу.

Когда чувствительность возвращается, осторожно ступаю в ту сторону, откуда слышался писк. Наматываю несколько кругов, пока не догадываюсь лечь, чтобы заглянуть под раскидистые листья папоротника.

Бинго!

Замечаю шевеление и направляюсь туда. Раздвигаю широченные синеватые листья, под которыми обнаруживается старый небольшой силок. Петля тонкой верёвочки затянулась на шее странного маленького существа с серо-голубым мехом.

Существо, завидев “большую и страшную” меня, дёргается, пытаюсь вырваться, но лишь сильнее затягивает петлю.

— Тише, тише, маленький. Я тебя не обижу.

Мелочь испуганно прижимает уши и хвост, но при этом скалится, обнажая маленькие острые зубы.

И что мне с этим делать?

Но животное настолько ослабло, что надолго его не хватает, немного порычав и не получив никакого эффекта, оно сдаётся и прикрывает глазки. Словно смирилось и готово принять свою судьбу.

Маленький впалый живот вздымается от тяжёлого дыхания. Если оно выглядит худым даже под пушистым мехом, то представляю, какое оно там тощее на самом деле.

Наматываю подол платья на руку, как защиту на случай нападения малявки, и тянусь к нему, чтобы освободить. Это оказывается не так просто, тем более что животное не особо-то мне в этом помогает. Скорее наоборот, каждый раз, когда я близка к победе, оно дёргается раньше времени и мне приходится начинать всё сначала. А с намотанной на руки юбкой это та ещё задачка.

— Уфф, если будешь так дёргаться, то я не смогу тебе помочь, понимаешь? — смотрю ему в глаза, пытаюсь тоном голоса передать всё, что думаю об этой ситуации.

На удивление, существо замирает и у меня, наконец, получается. Ну всё. Его шея на свободе.

— Ты, наверное, голодный? И чем же ты питаешься? Из-за чего полез в силок?

Я не пытаюсь его погладить, просто сижу рядом, смотрю и пытаюсь осмыслить происходящее.

Животное напоминает мне лису, но очень маленькую и какую-то странную. Крупные уши, голубые, как у хаски глаза, цветом напоминающие глаза графа. От этой мысли дёргаю плечами, пытаюсь сбросить очередное наваждение.

Вот ещё, не хватало думать о нём.

Итак, лиса... или скорее лисёнок размером чуть меньше котика. Если бы у него была мама, она бы уже нашла его и крутилась рядом. Ну хотя бы принесла малышу какой-то еды. Но никого и ничего подобного вокруг я не наблюдаю. На всякий случай осторожно отползаю в сторону и оглядываюсь.

А может, это уже взрослое существо? Просто выглядит так, словно чей-то детёныш?

Ладно. Что мне с этим делать-то? Оставить его здесь? А оно сможет само себя прокормить в таком состоянии?

Очевидно, нет. Малявка даже уползти далеко не сможет. Чудо, что пока он сидел в силке, его не нашли хищники покрупнее, да те же собаки. Хотя Мирон говорил, что всех хищников охотники давно отогнали вглубь лесов. А этот вот вылез откуда-то.

— Может, ты потерялся? Или что-то случилось с твоей мамой?

Мне всё же кажется, что это детёныш. Слишком наивный взгляд и мягкий, на вид, мех. Существо не пытается сбежать. Лежит, дышит и также рассматривает меня, словно прикидывает, что со мной делать.

— Ну, иди, что ли, ко мне? Давай заберу тебя, чтобы покормить. Да не бойся, больно ты тощий, чтобы тебя есть, — осторожно тяну руки, обмотанные тканью юбки к “лисёнку”.

Он напрягается, но позволяет мне взять себя. Совсем лёгкий и какой-то вялый. Похоже, последние силы израсходовал, чтобы нарычать на меня. Заворачиваю существо в верхнюю часть подола и направляюсь обратно к поместью.

Решаю пройти так, чтобы обойти конюшни и зайти с дальней части сада. Во-первых, там менеелюдно, а во-вторых, мне нужно найти для “лисёнка” укромное местечко. Неизвестно ещё, что предпримет граф, если увидит у меня это животное, но проверять не хочется.

Побродив по тропинкам сада, нахожу малюсенькую полянку, скрытую высокими цветущими кустами. Места здесь на пару шагов в каждую сторону и проход лишь с одной стороны, где ветки кустов ещё не успели переплестись. То, что нужно.

Осторожно перекладываю вялое животное в молодую траву под раскидистые ветки кустарника.

— Лежи и не уходи. Принесу тебе еды. Понял?

Не знаю, понял ли меня лис, но выбора особо нет. Надеюсь, дождётся меня здесь. Когда пячусь к “выходу” успеваю заметить на мордахе лиса тоску. А может, мне это только кажется.

* * *

— Маля, мне очень нужна твоя помощь!

Кажется, в поместье моего отсутствия даже не заметили. Вот и хорошо.

— Да госпожа?

— Скажи, можешь ли ты незаметно добыть для меня немного того, что едят... ммм... собаки?

— Д-для чего госпожа? — в ужасе округляет на меня глаза горничная.

— Скажу, если поклянёшься держать в секрете!

— Хорошо, госпожа, клянусь! Ни слова, да не сойти мне с этого места!

— Я нашла одно животное... и припрятала в саду. Оно выглядит очень голодным, а я хочу его покормить.

Малия несколько долгих секунд смотрит на меня немигающим взглядом, потом отмирает, выдыхает, быстро кланяется и, обещая что-нибудь придумать, исчезает за дверью.

Возвращается довольно быстро.

— Госпожа, я кое-что нашла, но оставила на улице. Побоялась, что меня заметят с миской еды, идущей в ваши комнаты.

— Молодец, Малия! Всё правильно сделала, — даже представить боюсь, какие бы сплетни обо мне после этого разошлись. Вот было бы графу развлечение. — Пойдём вместе, покажу тебе кое-кого.

Беру пиалу с чистой водой и накидываю шаль. Глаза девушки загораются любопытством, и мы вместе спешим на улицу. Она останавливается возле скамейки, быстро наклоняется и ловко выуживает из-под неё щербатую миску. Внутри каша, подозрительно похожая на ту, что мне подают на завтрак, и какие-то мясные обрезки.

— Для собак оставалось, никто и не хватится, — поясняет горничная.

Ясненько... Ну и ладненько... Мне же не из собачьего котла кашу накладывают? Или... Так, ладно, не думать об этом... не думать!

Лисёнок лежит ровно там же, где я его и оставила. В какой-то момент мне даже кажется, что он уже не дышит. Подбегаю и беру на руки. Нет, хвала Богам, тёплый, дышит, просто уснул.

От моего прикосновения животное просыпается и напрягается, слегка вздыбливая шерсть на загривке.

— Всё хорошо, все свои, не бойся, — глажу уже смелее, пытаюсь голосом и прикосновениями успокоить пушистую мелочь.

Ставлю перед ним воду и миску с едой. Мягко подталкиваю ближе. Лисёнок опасливо косится по сторонам и недоверчиво принимает. Но уже в следующую секунду бросается на еду, едва не опрокидывая миску и даже порывается, словно боится, что мы отберём его добычу.

— Ешь, ешь, милый. Не буду я у тебя ничего отбирать. Мне такое каждое утро подают и даже со сливочным маслом, — кошусь на покрасневшую Малию и понимаю, что она в курсе. Значит, и все остальные знают.

Интересно, а обсуждение моего рациона выходит за пределы имения?

И вот к самой каше у меня никаких претензий, особенно когда её подают в горячем виде. Но сам факт того, что это делается с целью меня оскорбить... Просто не понимаю, как вести себя в такой ситуации. Ругаться? Спорить? Что-то доказывать? Обижаться? Боюсь, что граф только этого и ждёт.

Ну уж нет. Не дождётся. Каша, как каша. Полезная, сытная и каждое утро свежая. Для меня сейчас в самый раз, особенно после двух недель Вон и лисёнку нравится.

Когда я собираюсь уходить, Лис, так я решила его называть, делает несколько робких шагов за мной.

— Нет, тебе нельзя со мной. Но я постараюсь навещать тебя почаще. А если я не смогу, то Малия принесёт тебе кашу с вкусняшками, — показываю на горничную, которая робко мнётся поблизости, но подойти к Лису не решается.

Лис подозрительно косится в сторону горничной, но усаживается на место и издаёт жалобный скулёж.

Ну вот, приехали. Может, он меня теперь своей мамой считает?

Медленно отхожу в сторону дырки в кустах, жестами останавливая малыша, когда он пытается дёрнуться в мою сторону. Покидаю его, а у самой кошки на душе скребут. Но всё же ему лучше оставаться здесь. Безопаснее. В саду не бегают собаки. На природе ему должно быть привычнее. Да и от графа подальше.

Пять бальных платьев разложены на диванах и креслах в гостиной. Я хожу от одного к другому и прихожу в ужас. Завтра я должна быть на балу, и это заставляет сильно нервничать. Если поездка в "гости к жениху" обернулась для меня таким сюрпризом, то даже думать боюсь, что меня может ждать во дворце. Сколько там ещё таких, с кем я в прошлой жизни что-то не поделила? Самое неприятное, что я в принципе никого не помню... зато они прекрасно помнят меня.

А что, если кто-то догадается о моём "недуге"? Вдруг сам монарх что-то заподозрит? Если бы рядом был хоть кто-то, на кого можно было положиться...

Закрываю глаза и заставляю себя досчитать до пяти. Нужно сосредоточиться на том, что я могу для себя сделать, а не мечтать о пустом.

— Малия, ну должно же у меня быть хоть что-то приемлемое! — мысленно возвращаюсь к платьям.

Пять громоздких монстров странной конструкции, покрытых обилием... да чего там только нет! Воланы, рюши, бантики, самоцветы даже скрученные узелком кусочки ткани, имитирующие розочки. И всё невпопад.

— И вот на это я тратила состояние?

Плотные ткани на широких юбках смотрятся слишком массивно, и в голове молоточком стучит одна и та же непонятная мысль "как баба на чайнике". Не представляю, как это связано, но мысль мне совсем не нравится.

Отдельная проблема — кричащие цвета. В моём распоряжении ядовито-зелёное, насыщенно-голубое, лиловое и аж два приторно розовых монстрика. При этом почти вся ткань имеет свой рисунок, пусть и однотонный.

Поворачиваю голову и замечаю бледную, переступающую с ноги на ногу служанку.

— Малия, я не сержусь! Ладно, сержусь, но уж точно не на тебя! Я просто не понимаю, где были мои глаза, когда я выбирала эти ткани!

— Это очень дорогие ткани, ваша светлость, — робко подаёт голос девушка.

— А что ты думаешь про декольте? В таком вообще можно выходить в общество?

— Насколько мне известно, а мне приходилось работать в швейных мастерских и в двух благородных домах, так вот, госпожа, для королевского бала это совершенно обычные платья. Разве что ваши платья отделаны богаче, чем у других дэй. А декольте... многие такое выбирают.

— Многие, значит... — ничего не имею против красивого декольте, но в этих фасонах оно, как мне кажется, переходит все нормы приличия. — Ладно, давай возьмём вот это голубое. Помоги мне его примерить.

Тонкая нижняя рубашка, смешные шортики на завязках, массивный кринолин, плотный корсаж, нижнее платье, верхнее платье, декоративная вставка, объёмные накладки на юбку по бокам, завязочки, шнуровка, потайные пуговицы... невыносимо долгое одевание.

Поворачиваюсь к зеркалу, ощущая себя как тот самый неудобный диван посреди этой гостиной — такая же громоздкая, вычурная и тяжёлая. Яркий цвет подчёркивает нездоровую бледность кожи.

Да, само платье выглядит очень дорого... точнее "богато", но это никуда не годится. И опять же вырез декольте, который будто кричит: "Всем смотреть сюда! Да-да, не

отвлекайтесь на глаза, смотрите ниже, “они” здесь, ещё немного и “они” выпрыгнут наружу! Не проморгайте момент!”

Отчего-то вспомнился барон Дэль Гро с его дрожащим заливным на вилке.

— Если остальные бальные платья такие же — даже мерить не буду. Снимаем это и идём смотреть, что ещё имеется в моём гардеробе помимо бального безобразия.

Ревизия удручает. Целая отдельная карета везла платья на эти дни, но я не могу выбрать ни одного достойного.

Ладно, будем работать с тем, что имеем.

— Малия, давай возьмём вот это тёмно-серое, — даже удивительно, как оно затесалось среди этой пёстрой компании, — мне нужно, чтобы ты аккуратно отпоролла с него все цветы и бантики А вот здесь, нужно будет убрать воланы. Справишься?

— Конечно, госпожа.

— Можешь расположиться прямо в гостиной, я попрошу принести нам чая. Ты любишь чай с чабрецом?

— Что вы госпожа, как можно? Я не имею права...

— Почему нет? Я же сама предложила.

Дёргаю за шнурок, дожидаясь появления другой горничной, отдаю распоряжения. Это уже третий чайничек чая за сегодняшний день. Прошу на этот раз добавить фруктов, орехов и цукатов. К счастью, служанка не спорит и не просит меня утвердить “дополнительный ассортимент”, поговорив с его сиятельством.

Солнце уже перевалило за полдень и в комнате стало немного жарко. Распахиваю высокие окна.

Воздух... как же хорошо, что здесь много воздуха!

Шаловливый ветер врывается в раскрытые створки, взметая лёгкую ткань занавески. Это выглядит настолько завораживающе, что я замираю, любясь игрой света в прозрачных складках. Нет, это не шёлк и не тюль. Что-то среднее, необычное...

— Малия?

— Да, госпожа? — девушка уже погрузилась в работу и сейчас едва заметно вздрогнула.

— Что это за ткань?

— Моавин, госпожа. Это... эту... в общем, она производится в герцогстве Эон Нидао.

— В моём герцогстве?

— Да.

— Восхитительно! Как думаете, граф не расстроится, если мы позаимствуем у него эту занавеску?

— Для чего, госпожа?

— Для платья, конечно.

— Где ж это видано из прозрачного моавина да платье шить? Одежда поди для того и нужна, чтобы сокровенное прикрывать. Ох... — закрывает рот ладошкой, — простите госпожа, болтаю, чего не спрашивали.

— Мы говорим о скромности при такой моде на... — поигрываю бровями и руками приподнимаю грудь, указывая Малии *что* именно сейчас в моде. — Кхм! Глаза Малии расширяются, но уже в следующее мгновение ей с трудом удаётся сдержать смешок, отчего она забавно фыркает и становится смешно уже мне. — Говори, Малия! Мне интересно, что ты думаешь обо всём этом.

— Вы правы, госпожа, — вздыхает, всё ещё смущённо улыбаясь, — благородные дэи на

балах соревнуются, кто больше внимания привлечёт. Всем хочется выделиться. Глубокое декольте, самые дорогие ткани, самые яркие цвета. В прошлом сезоне многие выбрали подол, который едва доходил до щиколотки. Эдак они скоро до колена платья укоротят!

— А что об этом в швейных мастерских говорят?

— Так мастерицы-то не говорят. Что им закажут, то и делают. А ежели клиенты... то, как обычно: пожилые матроны возмущены свободными нравами, те, кто не уследил за новыми веяниями — кусают локти. А те, кто уследил — насладились вниманием общества, некоторые даже заключили выгодные браки!

— Раз каждая хочет выделиться, то и моавин в платье никого не удивит?

— Удивит, госпожа! Он же не такой дорогой, как яркий парчовый шёлк, а все знают, что герцогиня Эон Нидао только самые дорогие и редкие ткани заказывает.

В дверь стучат и входит служанка. На подносе, как я и просила, всё для чаепития на две персоны. Служанка бросает цепкие взгляды по сторонам и поджимает губы, заметив в углу комнаты Малию. Та примостилась поближе к окошку, заняв для работы один из низких столиков и даже не подняла глаз.

— Ваша светлость, граф просил передать, что срочно отбыл по важным делам и вернётся, вероятно, лишь к завтрашнему утру.

— Спасибо, значит ли это, что обед я могу попросить в свои комнаты?

— Разумеется, госпожа, как прикажете.

— Тогда к пяти накройте здесь на две персоны.

* * *

Когда служанка уходит, Малия сообщает, что выполнила, то, что я просила — отпорола всё лишнее. Надо же, какая шустрая.

— Прекрасно! Теперь носи платье сюда и положи вот на это кресло. А сама присаживайся, будем пить чай.

Мне приходится практически уговаривать Малию присоединиться к чаепитию. Она испуганно трясёт головой и опускает взгляд в пол, бубня что-то про то, что так не положено. Приходится топнуть ногой и возмутиться, после чего девушка присаживается на самый краешек кресла.

— Во-первых, нужно сделать перерыв, чтобы дать отдых глазам. Во-вторых, мы не просто так чаи распиваем. Мы думаем, как исправить этот беспредел. А в-третьих, именно ты будешь разливать для нас чай.

Малия недоверчиво косится на меня, но принимает новые правила. Разливает ароматный горячий напиток и под моим напором накладывает себе в тарелочку орехи и немного цукатов. Наградой мне становится горящий взгляд, направленный на лакомства.

Я же наслаждаюсь чаем, рассматривая платье, разложенное напротив.

Это платье отшивалось для званого вечера, а не для бала. Здесь нет такого обилия камней, как на бальных нарядах, но тёмно-серые нити парчового шёлка переплетаются с серебряными, создавая причудливый узор, который мерцает при каждом движении ткани. Если убрать боковые накладные, то юбка будет выглядеть легче, элегантнее, но всё равно что-то не то.

— Малия, а можно ли красить моавин?

— Да, госпожа.

— А что для этого нужно?

— Особый пигмент, госпожа, алхимический порошок тари, горячая вода и ванна или бочка.

— И сложно ли добыть этот пигмент и порошок?

— Так порошок-то у каждого в хозяйстве есть. А вот пигмент... если простой, то можно заказать в швейной мастерской. Если цвет редкий или яркий, то только у торговцев заморскими товарами или в алхимических лавках. Но нужного цвета может и не быть.

— Мне нужен чёрный.

— Чёрный, госпожа? — удивляется, но тут же спохватывается и радуется меня новостью: — Тогда и не нужно заказывать, он у нас здесь имеется.

— Замечательно! Сколько времени понадобится на окрашивание?

— Примерно час. Потом ещё сушить и отглаживать.

Допив чай, встаю и прошу Малию помочь мне примерить платье. Как и все другие, оно ожидаемо висит на мне.

— Нужно будет подшить по фигуре. Успеем?

— Времени бы побольше, но постараюсь сделать, всё, что в моих силах, да девочек ещё попрошу помочь. Думаю, к завтрашнему дню и справимся. Позвольте прямо на вас подколоть и замерить, — начинает суетиться вокруг.

— Спасибо, Малия! Сделай, как сможешь, я понимаю, что один день — это слишком мало. Кстати, из большого отпоротого волана сделаем небольшую баску и пришьём к поясу. Вот смотри: нужно будет свернуть ткань пополам и стачать оба края для пышности: спереди баска будет короче, сзади удлинённая.

— Поняла, госпожа. Приподнимите немного руку, пожалуйста. Да, вот так...

Вопросами гардероба занимаемся до самого вечера. Что-то отпарываем, что-то подшиваем. Точнее, Малия это делает, а я хожу между платьев и пытаюсь понять, как так вышло, что в моём гардеробе мне же ничего не нравится. Словно и не я вовсе его для себя выбирала.

Занавеску решаем не трогать. Малия радуется сообщением, что в сундуках на чердаке хранятся ещё отрезки моавина. Вот и прекрасно, “герцогиня попросила отрез ткани” звучит куда лучше, чем “герцогиня утащила занавеску”.

Чёрный пигмент сначала пробуем на небольших полосках моавина, а добившись нужного оттенка, воссоздаём концентрацию пигмента в бочке для окрашивания. За тканью в прачечной оставляем следить дородную крупную служанку. Она же вывешивает ткань сушиться на хозяйственном дворе и через три часа приносит нам уже в отглаженном виде.

За суетой я даже немного успокаиваюсь. Пусть другие выделяются, а мне бы тихонько в сторонке отсидеться. Дио Хэмис сказал, что в прошлом так частенько и бывало, во всяком случае, он слышал, как я жаловалась матушке, что почти весь был просидела в одиночестве на разных диванчиках. Такая перспектива меня очень радует.

Ровно в пять приносят обед. На пороге появляется та же горничная с бегающими глазками. Она то и дело поглядывает в сторону спальни, пока сервирует столик у окна. А встречаясь взглядом с Малией немного меняется в лице. Взгляд из услужливого-заискивающего становится надменным и даже презрительным. Всего несколько мгновений, но я успеваю заметить это.

— Как её имя? — спрашиваю, Малию, когда женщина уходит.

— Горничной? Харитой звать.

— Что между вами не так?

— Да что вы госпожа, всё нормально, — но взгляд отводит, слегка краснея.

— Ладно, не хочешь говорить, настаивать не стану...

— Ох, госпожа, да и впрямь ничего особенного, — ещё больше краснеет, но решает не таиться: — Харита ревнует меня к нашему кучеру. А я и повода не давала.

— На пустом месте ревнует?

— Ну он, то подмигивает, то улыбается мне. Да разве ж это повод на мне отыгрываться?

— Как отыгрываться?

— Ох... — понимает, что сказала лишнего, — ну всякое... по мелочи, то придирается, то неправду обо мне говорит, а то и...

— Что?

— Ой, да ерунда...

— Ежели ерунда, то чего так раскраснелась и глаза прячешь?

— Только не сердитесь... к вам идти никто не хотел в личные горничные. Так и я не хотела, но из-за Хариты меня к вам отправили прислуживать... в наказание. А я и не виновата была вовсе.

— Ну и как? Страдаешь? — мне становится откровенно весело.

— Что вы, госпожа. Я, конечно, боялась поначалу, но вы совсем не такая, как о вас говорили.

Да уж... о себе я уже наслышана.

Пока Малия завершает работу с платьем в гостиной, я уйду в спальню и там перед зеркалом отработываю танцевальные движения, которые мне показал дио Хэмис. Сами движения очень простые. И это не удивительно, попробуй-ка подвигаться, когда на тебе платье, весом со средний ковёр.

Повороты, касания рук, простые шаги в разных вариациях. Одни медленнее, другие чуть быстрее. Один танец позволяет едва касаться партнёра кончиками пальцев, другой вынуждает быть ближе.

Музыкальные коробочки сменяют друг друга, мысли расслабляются, и я не замечаю, как тело начинает двигаться в своём ритме, движения становятся легче, изящнее, провокационнее. Музыка в коробочке замирает, но мысленная мелодия разгоняет кровь, и приятные воспоминания обрушиваются лавиной: алый танцевальный костюм, паркет, партнёр — совсем молодой мальчик, который тоже волнуется, аплодисменты, цветы и белый плюшевый заяц, как награда за прекрасное выступление.

Неловкое тело вторит таинственным образам, всплывающим в памяти, я прикрываю глаза, мне уже не важно, как я выгляжу — я отдаюсь внутреннему ритму. Мелодии переплетаются, растекаются по телу эйфорией, лопаются пузырьками счастья на языке...

Останавливаюсь лишь тогда, когда начинаю ощущать первые симптомы приближающейся судороги. Падаю на мягкий ковёр, рассматривая в зеркале отражение незнакомки. Это не я. Или я? Что со мной не так? Откуда эти мысли?

Из зеркала на меня смотрит юная девушка с серыми глазами и растрёпанной копной

длинных, волнистых, каштановых волос. Раскрасневшиеся щёки, взмокший лоб, к которому прилип тёмный локон. Губы налились цветом и выглядят очень соблазнительно. Тяжёлые широкие брови кажутся неуместными для столь изящных черт лица, как, впрочем, и лёгкая одутловатость. Но в целом незнакомка кажется мне привлекательной.

Вот только я вспоминаю другое лицо... миндалевидные карие глаза, тёмный шёлк гладких волос, идеально прямой нос и бархатная, чуть смуглая кожа.

Мысленно тянусь к видению, вот сейчас, сейчас, я узнаю, что со мной случилось, откуда эти образы в моей голове... что-то важное так близко... стоит поймать эту мысль и я всё пойму, всё узнаю...

Резкая вспышка боли, удушье и темнота...

— ... ваша светлость... вы меня слышите?

Тело ощущается непослушной ватой, а звуки словно доносятся издалека.

— Ваша светлость... вам нужно выпить вот это, — голос становится чётче.

Чьи-то заботливые руки уже приподнимают тяжёлую голову, вливая в меня прохладную влагу.

— Что случилось?

— Малия сказала, что нашла вас, лежащей на полу здесь в спальне. Вы помните, что с вами произошло? — дио Хэмис с тревогой всматривается в моё лицо, делая какие-то собственные выводы о моём состоянии.

— Я вспоминала танец... а потом... заболела голова...

Лгу. Я прекрасно всё помню, но не хочу рассказывать то, что произошло на самом деле. Никто не должен узнать о моих странных мыслях и воспоминаниях. Это нельзя списать на временное недомогание, это что-то, что я даже самой себе пока объяснить не могу.

— А сейчас, как вы себя чувствуете?

— Я устала... — и впрямь ощущаю себя так, словно не спала несколько дней.

— Возможно, вы переутомились. Слишком мало времени прошло после болезни. Если бы не личное письмо короля я бы настаивал на том, чтобы вы отложили визит сюда ещё на какое-то время, — в тоне его голоса сквозит искреннее сочувствие и от этого на душе делается теплее. — Сейчас я дам вам капли, они помогут быстрее уснуть. Надеюсь, утром вы почувствуете себя лучше.

* * *

С-с-сз-з-з-з-з...

Неприятный царапающий звук разрезает тишину, вырывая меня из мягких лап сна.

Тук, тук, тук...

Нет, надо это прекращать! Нужно найти в себе смелость пойти и положить этому конец...

А если это не слуги?

Не дрейфим. Если это не слуги, я попрошу поменять мне комнату... или этаж... или уйду жить в гостевой домик в саду, в конце концов!

Беру подсвечник и зажигаю от догорающего пламени камина. Надеваю шелковые тапочки на низком каблучке. Немного подумав, снимаю тапочки и тушу свечи. Накидываю тонкий халат из парчового белого шёлка поверх длинного ночного платья и прямо босиком

выскальзываю из своих комнат.

Когда глаза привыкают к полутьме, начинаю двигаться в сторону лестницы. Ступаю мягко, и потому усилившийся стук сердца о грудную клетку кажется предательски громким.

На верхнем этаже прислушиваюсь к каждому звуку и пытаюсь понять, какая из дверей ведёт в комнаты над моей спальней. Замираю напротив нужной и стараюсь даже не дышать.

Спустя какое-то время за дверью раздаются знакомые шаркающие звуки. Но у меня не хватает духу открыть её. А что, если там и впрямь нечто такое... чего я не смогу объяснить?

Неприятный холодок уже в который раз пробегает вниз по позвоночнику. Я тяну руку к двери, но в последний момент отдёргиваю, не в силах преодолеть внутренние страхи. В горле пересыхает и, кажется, у меня начинают дрожать колени.

Какая же я трусиха! Arrrrr!!

Так, ладно. Я ведь могу и здесь подождать? Когда я выходила, было уже больше трёх часов ночи, если я правильно понимаю, то “призрак” закончит свою работу около четырёх утра, чтобы исчезнуть до того, как проснутся первые служанки. Значит, осталось ждать меньше часа.

А если это настоящий призрак? Ох... всей душой, уходящей в пятки, надеюсь, что он привязан к этой комнате и никогда не ходит по ночным коридорам...

Нервно сгладываю и, ни на мгновение не выпуская дверь из виду, пачусь в сторону небольшой ниши с кадкой раскидистого деревца. Присаживаюсь прямо на пол, опираясь спиной о стену.

Холодно и очень хочется спать, но я упорно слежу за дверью таинственной комнаты.

Ну если это граф... я ему... а что собственно я могу сделать? Я даже обидеться на него смогу. Точнее, могу, но он об этом даже не узнает. А если и узнает, то лишь порадуетя...

В памяти всплывает улыбка на чувственных губах, когда он улыбается Дафне, мягкий бархатный голос, когда он разговаривает не со мной... для меня у него заготовлены лишь лёд и презрение...

Я уже почти дремлю, когда в тишине коридора раздаётся звук открывающейся двери.

Ах ты ж!

Из комнаты в коридор, ступая на носочках, выбирается паренёк. Во всяком случае я разглядела короткие волосы и худощавый угловатый силуэт. Через его локоть перевешена цепь, которая при каждом движении издаёт едва слышное бряцанье. “Призрак” прикрывает за собой дверь, достаёт ключ и запирает её. Затем разворачивается и начинает красться в сторону лестницы.

Не теряя больше времени, встаю и крадусь за ним, нагоняя паренька в середине коридора.

— БУ! — выдыхаю ему почти в самое ухо.

— Ааа!! — малец взвизгивает, вскидывается всем телом и тяжёлая цепь, соскользнув с локтя, приземляется аккурат на его левую ногу. — Ууу!!

Это ещё хорошо, что у него носки. Мне стоило тоже надеть, не мёрзла бы этот час.

Скинув тяжёлые звенья с ноги, парень, наконец, поднимает глаза.

— Итак... ты знаешь кто я?

Побледнел и, кажется, даже губа задрожала.

— Д-дда, ваша светлость.

— Сколько его сиятельство тебе платит? Салер за каждую ночь? Два салера?

— Нет, что вы, меньше... — осекается, понимая, что начал отрицать не с того конца.

Два салера — месячная зарплата обычной служанки, а перепуганный парнишка ещё не успел прийти в себя и прокололся.

— Значит, его светлость приказал тебе бродить здесь по ночам, чтобы мешать мне спать. Так сколько он тебе за это приплачивает?

— По пятнадцать иеров за ночь, госпожа, — даже не пытается отрицать очевидного. — М-меня прикажут высечь?

Что? Высечь за такое? На мгновение меня ведёт в сторону, но я быстро спохватываюсь и начинаю глубже дышать, пытаюсь вернуть голосу непринуждённость.

— Нет, что ты, я даже предложу тебе сделку! Заплачу тебе тридцать иеров за каждую ночь, что я гощу здесь, а ты обеспечишь мне спокойный сон. Всё равно эти фокусы не действуют на меня, но спать немного мешают. Ты даже можешь приходить и ночевать в этой же комнате вместе со своей цепью.

— Если господин узнает, меня выгонят, госпожа.

— Пойдёшь ко мне. Мне не хватает талантливых работников в имении.

Его глаза сначала расширяются, переваривая информацию, но потом мальчонка недоверчиво прищуривается и, чуть подняв нос, заявляет:

— Я так не могу, госпожа, простите меня. Но предавать и лгать господину я не стану. А это ж получается настоящее предательство и есть!

Надо же, какой принципиальный. Мне б таких людей в поместье побольше, может, и таинственный “недуг” бы обошёл стороной.

— Что здесь происходит?

А вот и хозяин цирка пожаловал. Парнишка совсем сникает и явно обдумывает оправдание случившемуся, но я его опережаю:

— А ничего, ваша светлость, — растягиваю губы в милой улыбке и поворачиваюсь к графу, отмечая, что выглядит он так, словно ещё и не ложился. — У меня была бессонница, я

решила немного прогуляться и встретила этого милого трудолюбивого юношу. Такое раннее утро, а он уже на ногах и занимается делами. Видимо, со своего хозяина пример берёт.

Мальчонка едва не присаживается тут же на пол, а граф... граф, кажется, тоже не ожидал такого поворота.

— Доброго вам утра, ваше сиятельство, — мило улыбаюсь и распрямляю плечи.

Придерживаю пальчиками халат, как обычно придерживают бальное платье, обхожу по дуге растерянного графа и удаляюсь с гордо поднятой головой.

И так понятно, что больше эти фокусы не повторятся.

* * *

Алексион-Кэссим

Смотрю на удаляющуюся спину. Девушка ступает мягко, словно кошка, бесшумно, на носочках. В тусклом свете луны мелькают её бледные аккуратные ступни... Она что, совсем босиком?

Трясу головой. Что это вообще сейчас было?

— О чём вы говорили? Она тебе угрожала?

— Ну... её сиятельство предлагала мне сделку...

— Сделку?

Кивает, и поднимает на меня виноватый взгляд:

— Она сказала, что готова платить по 30 иеров за ночь, если я буду вести себя... тише...

Эммилина? Предлагала сделку слуге? Та Эммилина, которую я знаю, устраивала истерику и доходила до самогó короля, требуя наказать каждого, кто, как ей показалось, посмел оскорбить её. Даже косые взгляды в её сторону могли повлечь проблемы.

У меня был план в случае разоблачения спрятать Йохана. Его Величество мог бы наказать меня, но я рассчитываю на благоразумие монарха. Так что это был осознанный риск, как и с кашей, всегда можно выкрутиться, списав на то, что это лишь шалости, а герцогиня слегка преувеличивает масштаб проблемы.

Или я чего-то не понимаю, или Эммилина научилась подавать месть в виде холодного блюда...

От этой мысли мне становится очень не по себе.

Спускаюсь в свой кабинет и, несмотря на раннее утро, вызываю к себе Хариту. Отчего-то мне не терпится узнать, как провела день моя гостья. Оправдываю свой интерес тем, что она может замышлять какую-то подлость.

Зеваю и тру ладонями лицо. В одном из селений случился пожар, к счастью, никто не пострадал, но это всё очень не вовремя. Хотя такие вещи и не бывают ко времени. Придётся срочно восстанавливать амбары и несколько домов, извлекая средства из того, что я запланировал на обновление части дорог.

По-хорошему стоит сразу пойти спать, так как от усталости уже кружится голова, но даже в таком состоянии я могу не уснуть, потому что с тех пор, как юная герцогиня оказалась в моём поместье, мне не удаётся выкинуть её из головы. Ни днём... ни ночью.

— Господин? Вы позволите?

— Проходи, Харита. Чем занималась её светлость в моё отсутствие?

Глава 20. День четвёртый

Алексион-Кэссим.

— Утром-то госпожа была на конюшнях, а потом я её из виду упустила, но вернулась она со стороны сада, так стражник сказал. А потом она снова в сад ходила, да не одна, а с этой Малией вместе. Но вели себя подозрительно, да по пути бывало оглядывались, и потому я шла сильно поодаль. А в какой-то момент обе исчезли! — на этом моменте своего рассказа Харита разводит руками и округляет глаза. — Глядь, а на тропке-то пусто! Походила, я вокруг, походила, ничего и никого не увидела. Совсем уж там мелькать побоялась, а ну как госпожа заметила бы меня? Посему решила ждать, когда она появится. Ждала, ждала... да всё бестолку, а потом, как солнце высоко поднялось, я и вернулась. Уже тут узнала, что её светлость давно в своих комнатах закрылась. И не одна, а с Малией этой... с горничной.

— И что, больше никуда не выходила?

— Госпожа-то не выходила, да к себе вызывала. Я сразу и пошла. Она, значит, о чае распорядилась, да ужин в комнаты ей подать. И не на неё одну, а на двоих накрыть было велено!

— И кто же этот второй? — с каждым словом Хариты мои пальцы всё сильнее сжимают подлокотник кожаного кресла.

Если у неё тайный роман, то это бы, с одной стороны, многое объяснило. Влюблённые девушки сильно меняются...

Прикрываю глаза и начинаю чуть глубже дышать.

Я стараюсь рассуждать отстранённо и рационально, но у меня не выходит. Мысль о загадочном любовнике, к которому она бежит на свидания, свербит, мешая сосредоточиться и уловить то, что продолжает говорить служанка...

— ...в том-то и дело, что не видела я никого. Может, в опочивальне, кто и был, да только кто ж меня дальше гостиной пустит? — продолжает тараторить Харита, а я стараюсь не пропустить ни слова. — Малия, вот с госпожой была, сидела там в углу, платья её светлости подшивала, вот уж кто всё знает!! Да только гадина молчит! Клещами из неё слова не вытащишь... вот если бы вы, господин, её выпороть приказали...

— Харита! Следи за языком! Не твоё это дело и не тебе решать. Если нечего больше сказать, ступай!

— Простите, господин. Ещё кое-что, было... — на мгновение задумывается, словно силится вспомнить детали: — Один раз они с Малией в прачечную спускались, да к вечеру Малия за лекарем этим бегала, что с её светлостью вместе приехал.

Лекарь? На мгновение напрягаюсь, но тут же вспоминаю утреннюю встречу с босой и вполне здоровой Эммилиной. Нет... с ней всё хорошо. Облегченно выдыхаю. Что лекарь могло понадобиться в её комнатах? А может быть дио Хэмис спешил не к ней, а к тому с кем Эммилина разделила вечернюю трапезу?

И не спросишь же напрямую. Сам дио не ответит, а вот Эммилина тут же узнает, что я что-то о ней выяснял. Мне бы этого не хотелось.

Задумываюсь, пытаюсь сложить все части происходящего в единую картину. Но они упрямо не желают складываться. Мои инстинкты впервые идут вразрез с доводами рассудка. Что-то во всём этом не так... неправильно... я что-то упускаю.

Эмма

Завтрак проходит в полном молчании. Граф выглядит бледным, похоже, пары часов сна перед завтраком ему не хватило, но не нарушать же из-за этого собственные, выдуманные на эти десять дней “правила”... а я почти уверена, что распорядок дня, как и “нормы питания” граф ввёл исключительно ради меня.

Быстро доедаю свою кашу, запиваю чаем, желаю его сиятельству хорошего дня и покидаю малую трапезную. Малия встречает меня возле выхода в сад и передаёт шербатую миску с остатками еды: немного каши, какие-то шкурки, кости и мясные обрезки. Благодарю её и направляюсь в дальнюю часть парка оставить гостинцев для пушистой мелочи.

Юрко проникаю меж кустами и оказываюсь на нашей маленькой тайной полянке. Нахожу вчерашнюю пустую миску. Отставляю её в сторону, а на это же место ставлю мисочку полную еды. Отхожу немного и присаживаюсь на траву. Проходит совсем немного времени, как из-за кустов выглядывает любопытная мордочка. Сначала спешит проверить гостинцы и подкрепиться, а затем деловито семенит ко мне и останавливается, начав обнюхивать подол платья.

— Ах ты ж маленький обжорка. Разве ты не наелся?

Показываю пустую руку. Стараюсь не напугать животное и делаю всё плавно. Лисёнок или кто бы он ни был, урчит и тычется мордой в раскрытую ладонь.

— И что это значит? Хочешь поиграть?

Ставит передние лапы на колени и тянется мордочкой вверх. Не удержавшись, провожу рукой по мягкой шёрстке. Лисёнок не только не отстраняется, но и запрыгивает мне прямо на колени, пытаюсь лизнуть лицо.

— Ну что ты... что ты! Давай я лучше тебя почешу, раз уж ты у меня такой ласковый. Вот так... вот так...

Животное ластится и позволяет мне насладиться мягким шёлком своего меха, опускаю голову, утыкаясь лбом в его загривок. Как же хорошо.

— Ваша светлость? Простите, что побеспокоила.

Не успеваю среагировать, как лисёнок молнией спрыгивает с колен и ныряет в куст. Там прижимается к земле и порывается. То ли боится, то ли угрожает. А скорее всего, так прикрывает страх.

— Ничего страшного, Малия. Что-то случилось?

— Нет, то есть да, госпожа. Вот, вы просили принести, — протягивает мне несколько сочных аниканов для Ночи.

— Благодарю.

— Пришла сказать, что скоро уже пора будет начинать собираться, — замечает пустые миски и тут же подхватывает их. — Позвольте, я отнесу это на кухню, а потом буду ждать вас в ваших комнатах.

— Хорошо, Малия. Тогда я прямо сейчас загляну на конюшни и приду.

Итак, главное испытание этого дня — бал в столичном дворце. Как бы пережить вот это вот всё? Вздыхаю и заглядываю под куст, откуда на меня взирает странный лисёнок.

— Я бы с большой радостью играла с тобой в саду весь день, малыш. Но кто ж мне позволит?

После ванны, где мне приходится провести не менее двух часов, Малия усаживает меня перед огромным зеркалом. Кресло позволяет опереться затылком на высокий мягкий подголовник, и я расслабляюсь, отдавшись ловким рукам горничной. Прикрываю глаза.

Из-за охоты на “призрака” я совсем не выспалась. И теперь ощущаю, как усталость и стресс последних дней берут надо мной верх.

Пока моё сознание покачивается меж сном и явью, Малия что-то делает с моими волосами и лицом. Очень хочется послать всё куда подальше, топнуть светлейшей ножкой и отправиться спать, наплевав на этикет, обязательные светские рауты и даже желания монарха... в мечтах я так и поступаю... а после сна иду в сад, забираю лисёнка и покидаю особняк Фрэй Дау, отправляясь домой, в моё собственное имение...

— Госпожа? Ваша светлость? Всё готово! — меня легонько трясут за плечо.

Лениво приоткрываю один глаз и тут же подпрыгиваю на месте. Сонная хмарь испуганно ретируется, пока я пытаюсь проморгаться, чтобы сбросить видение. Но оно никуда не уходит и из зеркала на меня блёклыми круглыми глазами моргает странная кукла.

От обилия светлой розоватой пудры лицо кажется неестественным и меня тянет почесать его. Яркая малиновая помада, очевидно, не идёт мне по цвету, к тому же неприятно сушит губы. Перламутр поверх светлой пудры на глазах визуально изменил их контур, сделав какими-то птичьими и припухшими. На фоне этой вакханалии, брови кажутся ещё более "тяжёлыми". И всё бы ещё ничего, но у меня на голове высокая... нет, очень высокая, просто огромная и сложная причёска, которая давит обилием шпилек и украшений. Мои волосы и сами по себе тянут голову своей тяжестью, а со всем этим создаётся ощущение, что на макушке кто-то сидит. Окончательно добивают меня два накрученных толстых длинных локона, выпущенных от висков вперёд. Ндаа... я теперь выгляжу гораздо взрослее и болезненнее, а ещё, я стала чем-то неуловимо похожей на Дафну... — Вам нравится, госпожа?

— Эмм... Малия, — решаю зайти издалека, — а ты уверена, что именно так благородным дэям положено выглядеть на балу?

— Конечно, госпожа! Меня потому к вам и приставили, что я работала на другое знатное семейство. Так там целых пять дэй и уж они-то ни одного бала не пропускали! Все стремились каждую из четырёх дочерей замуж выдать поскорее.

— И как? Выдали?

— Ммм... почти. На будущий год уже и свадьба одна назначена!

— Ясно. И что... за последнее время... мода на причёски и вот такой макияж... не изменилась? — теперь уже образ Дафны не кажется мне таким смешным. Это ж, если все так должны выглядеть на светских раутах, то... ой, мамочки...

— Менялась конечно! Пару сезонов назад же, если помните... Ох, простите, госпожа, я забыла, что вы держали траур...

— Ничего страшного, продолжай.

— Так вот, все думали тогда, как сделать причёску выше, чем у других, а потом дэя Рунар Хэни пришла с такой хитрой конструкцией на голове, что всех перещеголяла! Её причёска оказалась самой высокой. Так все потом долго обсуждали и пытались выведать её секрет. Ну а дальше, вы и без меня знаете, последние сезоны первые красавицы королевства

стремились сделать такую конструкцию, чтобы затмить дэю Рунар Хэни и только вам это удалось! Вы всех благородных дэй затмили в этом сезоне! До сих пор в салонах обсуждают, что ваша причёска, госпожа, оказалась самой высокой! Я-то всё переживала, что не смогу такое повторить, но заранее для вас выведала у знакомой из мастерской про конструкцию, да только этого-то мало! Не у каждой такие длинные и роскошные волосы...

— Стой, погоди, Малия. Ты сказала: "затмить высотой причёски"?

— Ну да.

— А если я не хочу никого затмевать?

Малия замирает, недоумевая от странной постановки вопроса.

— Как это не хотите? Я слышала, что вы всегда считались одной из первых модниц! Вас обсуждали не меньше чем, дэю Рунар Хэни, даже делали ставки на то, кто из дэй в следующий раз придёт с самой высокой конструкцией в причёске. И многие на вас ставили! Да и в этот раз, не думаю, что что-либо изменилось.

Ставки на причёску? Я не ослышалась? О, боги! Какой-то абсурд. А впрочем... так даже лучше.

— Малия, мне бы сегодня не хотелось особенно выделяться. Давай кое-что поменяем...

Приходится полностью умыться и долго, но осторожно тереть лицо махровой мыльной тряпицей, чтобы избавиться от остатков пудры. Когда кожа начинает походить на наливное яблочко, Малия наносит на него смесь ценных масел и по моим указаниям делает лёгкий массаж, опускаясь на шею и плечи.

"Это должно помочь улучшить лимфоток и избавить лицо от излишней отёчности..." — всплывает интересная мысль. Краем сознания отмечаю необычность слов, но сейчас мне не до того. Как бы там ни было, но мне хочется выглядеть достойно и ощущать себя комфортно, даже если я собираюсь прятаться на дальних диванчиках.

Пока лицо "отдыхает", Малия разбирает часть причёски, вынимая из неё бесконечные шпильки, причудливые украшения и странного вида конструкцию, на которую крепились волосы. Сложное плетение ото лба и с висков оставляю, но прошу собрать все волосы в элегантный низкий узел-ракушку, закрепив простыми, незаметными шпильками.

В ларце с драгоценностями среди пёстрой компании нахожу коробочку со "скромным" гарнитуром. Прошу Малию взять нитку под цвет моих волос и аккуратно пришить тонкое кольцо из белых бриллиантов к причёске, чтобы ненароком не слетело и не перекосилось во время танцев. Колье сверкает, тонким обручем обрамляя причёску, тянется по бокам, вторя сложному плетению, и прячет концы в низкой "ракушке" из волос.

В уши вдеваю серьги из этого же гарнитура. Просто две элегантные тонкие полоски, как и кольцо, инкрустированные мерцающими при каждом движении бриллиантами.

Прошу у Малии найти для меня маленький пинцет. Она растерянно моргает, говорит, что не знает такого. Отправляю её с просьбой к дио Хэмису.

Моё предположение оказывается верным, и Малия возвращается с довольным лицом, протягивая пинцет с золочёными вензелями. Красивый, но крупноват, из-за чего пользоваться им будет неудобно. Ладно, сойдёт и этот.

Отправляю Малию за платьем и всем остальным, пусть разложит рядом, чтобы быстрее одеться.

Сначала намечаю для себя форму. Мои брови были немного низкими и почти срастались мелкими редкими волосками на переносице, делая взгляд тяжёлым и даже немного злым. Может, это брови виноваты в нелестном мнении о моём характере? Впрочем, уже не важно. Аккуратно выщипываю волоски, начав с нижней линии роста.

Через десять минут из зеркала на меня выглядывает совсем "другое" лицо. Взгляд открылся, посветлел и приобрёл нотки трогательной наивности. Изящные дуги соболиных бровей, теперь смотрятся гармонично и естественно. Словно так и было задумано природой.

Откуда-то приходит мысль, что можно завить ресницы ложечкой. Получается не очень хорошо и не с первого раза, но я довольна результатом.

Приходит идея развести на дне чашки сахар с каплей воды, добавляю в неё сажи и наношу чёрную смесь кончиком мягкой кисточкой на подкрученные ресницы. Сладкая чёрная жидкость фиксирует изгиб и визуально удлиняет и без того пушистые и длинные реснички. В голове крутится мысль о том, что это должно делаться как-то иначе, но мысль то и дело ускользает.

Прохожусь короткой тонкой кистью с чёрным пигментом по ресничному краю века. Совсем немного добавляю под нижние реснички. Мягко растушёвываю. Взгляд становится

загадочным и в то же время делается ярче и выразительнее.

Замечаю, как Малия то и дело бросает в мою сторону восхищённые взгляды, забывая прикрыть рот.

На лицо наношу лишь самую каплю пудры, кожа у меня и так нездорово бледная, к тому же сама по себе без дефектов и прыщиков. Так зачем мучить себя толстым слоем пудры? Добавляю на скулы самую каплю румян.

Снова смешиваю мелкий сахар с маслом и наношу на губы. Ощущение, словно нечто подобное я проделывала прежде множество раз. Аккуратно стираю сахар, отмечая, что теперь губы выглядят более мягкими и ухоженными.

Нахожу среди коробок и склянок на столике крошечную баночку с чем-то напоминающим смесь пчелиного воска и твёрдого масла. Пахнет очень приятно и думаю это то, что мне нужно. Добавляю туда каплю вишнёвого пигмента и смешиваю. Подушечками пальцев вбиваю это в губы тончайшим прозрачным слоем. Теперь губы выглядят так, словно я долго целовалась...

“Откуда я знаю, как выглядят зацелованные губы?”

Тишина... голова начинает наливаться болезненной тяжестью, и я прекращаю пытаться что-либо вспомнить. Мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя и я прошу Малию налить мне чашечку чая с чабрецом.

Удивляюсь тому, что на чашке почти не осталось следа, словно пигмент впитался в кожу. Отчего-то это кажется необычным. Но времени на раздумья не остаётся.

Малия уже ждёт, чтобы помочь одеться.

Скидываю халат, чтобы надеть забавного вида шортики, обильно украшенные смешными рюшами. Специальную тонкую нижнюю рубашку до середины бедра Малия завязками крепит к плотному корсажу. Сверху надеваю переделанное под моим присмотром платье.

Декольте подчёркнуто, но скромно прикрыто полупрозрачным дымчато-серым моавином. Тёмно-серые нити парчового шёлка переплетаются с серебряными, создавая причудливое мерцание на корсаже и мягких воланах баски. Из-под баски воздушными слоями дымчато-серого моавина разлетается пышная юбка. Под прозрачной лёгкой тканью мерцает слой того же серого парчового шёлка.

При каждом движении, ткани платья живут своей жизнью, колыхаясь словно дымка. Завораживающе.

Малия уносила платье для того, чтобы его немного расшили самыми мелкими камнями, так, как я указала. По правилам, я не могу надеть во дворец слишком "простую" вещь. Положение и этикет обязывают. Зато ни вороха рюшей, ни бантов...

С одной стороны, так я планирую не особо выделяться, ведь теперь мой образ более, чем скромн. С другой — мне до мурашек хочется почувствовать себя привлекательной. Какая-то маленькая обиженная девочка внутри устала от презрения и мечтает почувствовать, что её принимают, ну или хотя бы уважают...

И мне нет никакого дела, на кого и как смотрит мой "жених", мне плевать, кому он улыбается... мне всё равно!

— Малия, пожалуйста, глаток воды! Здесь немного душно.

— Конечно госпожа. Вот, возьмите. Вы хорошо себя чувствуете? Вы немного побледнели, может стоит позвать дио Хэмиса?

— Нет, нет. Все прекрасно, — улыбаюсь, чтобы доказать, что со мной всё хорошо. — К

тому же, нам пора выходить.

Малия смотрит с недоверием, но при этом уже торопится помочь мне надеть маленькие носочки и мягкие туфли на невысоком каблучке. Натягиваю тончайше полупрозрачные перчатки до локтя. Набрасываю тёмный шелковый плащ в пол и поднимаю капюшон, фиксируя его парой маленьких шпилек.

Ещё раз оглядываюсь на высокое настенное зеркало, встречаясь взглядом с бледной и растерянной собой.

Не нужно так нервничать. Всего-то один вечер. Просто съездим туда-обратно, ну что там может случиться? Вдох. Выдох. Я готова...

В просторной карете хватило бы места и для четырёх дэй в пышных платьях. По две на каждом из мягких широких диванчиков, обитых тёмным бархатом. Но вместо второй дэй сбоку от меня расположился граф Алексион-Кэссим Фрей Дау.

— Вы, как всегда, опоздали, герцогиня.

Его сиятельство не поворачивается, когда разговаривает со мной, демонстрируя крайнюю степень пренебрежения. Он достаёт часы из потайного кармана чёрного парадного сюртука, рассматривает циферблат несколько мгновений, захлопывает золотую крышечку, убирает часы обратно и отворачивается к своему окну, всем своим видом показывая, что не заинтересован в моём обществе.

Горло перехватывает неприятный спазм, словно острые кошачьи коготки скребут внутри. Да, я задержалась. Но не более, чем на пять минут. Когда я покидала свои комнаты, стрелка часов показывала ровно четыре часа дня. Как раз к этому времени мне надлежало быть готовой и если бы граф соизволил встретить меня, как и полагается по этикету, у моих комнат, то не было бы и этих нескольких лишних минут. Что-то болезненно лопается внутри, кажется, это нелепое обвинение стало последней каплей.

Я не прошу и не просила его внимания, но устала от бесконечного демонстративного пренебрежения и попыток задеть меня. Отворачиваюсь к окну, но в то же мгновение ощущаю, прожигающий спину взгляд.

— За что вы меня ненавидите, граф? — голос едва слышен, и я даже не понимаю, произнесла ли это вслух или это снова лишь мои мысли.

— Глупый вопрос. За многое, Эммилина, за многое... — на несколько тягучих мгновений в карете повисает тишина. — Мне начать перечислять каждую, мягко говоря, "неприятность", в которую я был втянут по вашей воле или достаточно упомянуть об этом в общем? Или вы рассчитывали, что после всей той грязи я буду вам мило улыбаться?

Молчу, пытаюсь вспомнить хоть что-то, представляя наши отношения в прошлом. Тишина.

— Вам нечего сказать? Я так и думал... Может, хотите обсудить тот случай со служанкой?

— Какой случай?

— О, напомнить? Наша семья тогда в очередной раз гостила в вашем имении. Родители хотели, чтобы мы подружились. Но вы хотели того, что воспитанной юной леди не пристало требовать от юноши.

— Что?

— Эммилина, я не поверю, что вы сейчас искренне удивлены. Неужто забыли, как не давали мне прохода и буквально требовали, чтобы я поцеловал вас.

— Ах... это... — мысленно выдыхаю, а то уж подумала... Но всё равно сижу красная, как маковый цвет. Хорошо, что не смотрю на графа. Пережить этот разговор лицом к лицу было бы выше моих сил.

— Рад, что вы хоть это "вспомнили", — делает саркастическое ударение на последнем слове и продолжает: — Одна из служанок в вашем имении украла серебряную статуэтку. Я как раз шёл к себе, когда наткнулся на девушку, которая выходила из дальних комнат гостевого крыла. Увидев меня, служанка испуганно замерла. Меня это удивило, но особого

значения я не придумал. Тем же вечером выяснилось, что пропала статуэтка. Дальние комнаты открыли ещё утром из-за того, что к вам должны были пожаловать новые гости и ваша матушка отправила горничных подготовить их. Пропажа быстро обнаружилась. Начали допрашивать тех, кто убирал, затем стражу. Мне было понятно, чем это может закончиться, и я решил найти глупую девушку.

Слышу глубокий вздох, словно немой укор из-за того, что ему приходится воскрешать в памяти то, что хотелось бы забыть.

— Служанка нашлась в маленькой комнатке, она как раз собиралась покинуть имение. Девушка призналась и сказала, что деньги ей были нужны на лечение сына и это больше, чем она получила бы за несколько месяцев работы. Я предложил помочь с лечением, мне ничего не стоило оплатить такую сумму, а статуэтку попросил отдать мне. Я бы сказал, что взял её, чтобы поставить в свои комнаты. Родители отчитали бы меня за бестактное поведение в гостях, но ничего серьёзного бы не произошло. Девушка расплакалась и бросилась мне на шею, а я пообещал сохранить всё в тайне и позаботиться о ней и ребёнке. Но тогда я не знал, что вы следили за мной.

В карете снова повисает пауза и мне хочется поёжиться... — Вы пытались найти моих мифических “любовниц” в вашем доме. И каждой, кого вы в этом подозревали, крепко доставалось, как вы помните. Подслушивая мой разговор со служанкой, вы посчитали, что я ей симпатизирую и в отместку, доложили обо всём его светлости, вашему батюшке, приукрасив историю нелестными подробностями о нашей “интимной” связи. Последнее было особенно подло. Хотя на тот момент я уже не удивлялся вашим выходкам.

Иногда я рада, что не помню своё прошлое.

— Ещё прежде, чем я успел покинуть служанку, появилась стража. Я пытался переиграть ситуацию. Но герцог был непреклонен, так как этот прецедент мог показать другим слугам, что подобное в его доме прощается. Девушку наказали. Очень сурово, как вы знаете. Двенадцать ударов палками и клеймо воровки, выжженное на бледном плече. И, конечно, её выгнали... — граф замолкает, а я пытаюсь осознать услышанное. — Я помог с лечением, дал ей денег. Но после этого случая её не хотели брать на работу не только в благородные дома, но и всюду, где требуются надёжные и честные работники. Возможно, вы не в курсе, но чистое плечо — залог добропорядочности, а клеймо — прямой путь туда, где порядочность работников не имеет значения. И, конечно, мои родители тоже не стали принимать девушку в наш дом. Более полугодом я отправлял ей некоторое содержание, но в какой-то момент она просто пропала. Исчезла вместе с ребёнком.

Я снова ощущаю прожигающий спину взгляд и снова не нахожу в себе силы обернуться.

Боги, могла ли я быть причастна ещё и к её исчезновению?

— Её полный ужаса взгляд навсегда остался в моей памяти, Эммилина. Возможно, если бы я не решил вмешаться в тот день, у неё был бы шанс сохранить свою тайну.

Граф замолкает, а я пытаюсь сглотнуть огромный комок в горле.

— Нет, это полностью моя вина... — голос звучит глухо, и я прикрываю глаза, чтобы собраться с духом, а когда нахожу в себе смелость повернуться, граф уже сидит ко мне спиной. И так же, как и я до этого момента, смотрит в окно. — Я понимаю, что слова сожаления бессмысленны... но я сожалею и прошу у вас прощения...

— Ни к чему, Эммилина, — он не оборачивается. — Если это попытка сыграть в раскаявшуюся невинность, то напрасно. И я действительно не могу простить вас, потому что это не моя жизнь была сломана в тот день.

— Я не жду, что простите, просто хочу, чтобы вы знали.

Снова отворачиваюсь к окну и, прикрыв глаза, пытаюсь представить, каково это для девушки оказаться в таком положении и как бы я ощутила себя сейчас, если бы стала причиной чьей-то разрушенной жизни. Может, я просто не понимала, чем это закончится? Прокручиваю историю снова и снова, пока карета не останавливается перед огромными роскошными воротами, ведущими на подъездную дорожку перед королевским дворцом.

Ближайшая точка искажения между именем и столицей находится в полчаса езды. Я уже успела понять... вспомнить, что точки искажения соединяют разные пространства.

Дио Хэмис пояснил, что алхимики научились направлять их так, чтобы можно было немного регулировать точки выхода, объединяя их в один "переход". Поэтому от поместья Фрэй Дау до столичного дворца около полутора часов пути. Могло быть и меньше, но на улицах столицы случаются каретные заторы.

Я не заметила, были ли заторы сегодня. Моя голова до сих пор забита историей из прошлого и попыткой примириться с самой собой.

Всё то время, что мы ожидаем своей очереди на подъездной дорожке, я пытаюсь успокоиться. Не хватало ещё появиться на балу с покрасневшими глазами, давая лишний повод для сплетен.

Полагаю, о макияже можно забыть, но я всё равно промакиваю глаза очень аккуратно, заодно несколько раз протираю кончиком тёмного плаща под нижними ресницами, отчаянно надеясь, что на лице не осталось следов растёкшейся сажи.

Карета останавливается и лакей в парадной ливрее открывает дверцу, помогая мне выбраться наружу. Уже смеркается и громада дворца выглядит мистично и величественно на фоне зарождающихся звёзд. Из окон льётся мягкий, тёплый свет, откуда-то слышна музыка, перемешанная с шумом голосов, смеха и льющейся воды. Полагаю, где-то там в глубине сада расположены фонтаны.

В иной раз я бы восхитилась, но сейчас всё, о чём я мечтаю, это остаться одной. Вот только дворец не место для проявления слабости. Поэтому заставляю себя расправить плечи и смотреть прямо перед собой.

Граф следует за мной, привычно прожигая взглядом спину, немного ускоряю шаг, торопясь к открытым дверям, словно это как-то спасёт меня. Хотя знала бы, что меня ждёт в холле, осталась бы на дорожке и никуда не пошла. Потому что вместо одной пары глаз, теперь в меня впиваются десятки.

Да что ж это такое?! Смотреть больше не на что? Или тут принято бесцеремонно пялиться на каждого вновь прибывшего гостя? Нет, я всё понимаю, просто это ощущается очень некомфортно ведь я никого не помню.

Вдох. Выдох. Осторожно вынимаю удерживающие капюшон шпильки и развязываю ленту, которая держит на моих плечах длинную накидку.

В холле становится заметно тише или это у меня уже уши от волнения заложило?

Лакей ловко перехватывает накидку и дежурно уточняет, что отнесёт в нашу карету, а если понадобится, мне её тут же вернут. Благодарю лакея и понимаю, что не знаю куда дальше идти.

Растерянно оборачиваюсь, в надежде получить какую-то подсказку от "жениха", только вот граф сам выглядит озадаченно. Он слегка наклоняет голову вбок, смотрит на меня не моргая и даже не реагирует, когда лакей пытается забрать и его лёгкий укороченный плащ. В смятённых чувствах отворачиваюсь и натываюсь на взгляды других дэй и дио. Пристальные, недоумённые, замершие. Все они раздражают своим вниманием и мне становится душно.

Нужно скорее уйти отсюда. Неважно куда, просто затеряться среди других гостей.

Направляюсь в сторону звуков музыки и шума голосов, которые приводят меня к

распахнутым створками просто гигантских дверей.

— Её светлость, герцогиня Эммилина Эон Нидао! — раздаётся откуда-то сбоку при моём приближении. Вздрагиваю. Теперь в мою сторону направлены не менее сотни таких же любопытных пристальных взглядов...

Это здесь я собиралась затеряться?

Замираю в проходе, серьёзно обдумывая пути к отступлению и даже делаю маленький шаг назад. Но в это же мгновение рядом со мной оказываются сразу несколько незнакомых дио. Каждый улыбается и протягивает мне руку в приглашающем жесте.

И что мне делать?

Меня начинает некстати распирает истерический смех. Дио Хэмис, успокаивая меня, упоминает, что я могу спокойно отдыхать где-нибудь на террасе, дожидаясь завершения обязательного времени присутствия на балу: "Просто расположитесь на одном из мягких диванчиков, ваша светлость. Многие так делают." Вот только... мой наставник не упомянул, что до террас будет не так легко добраться.

Подаю руку симпатичному юноше, чья улыбка менее всего напоминает акулий оскал. Его лицо победно вспыхивает, заставляя оппонентов скиснуть.

Молодой человек горделиво проводит меня сквозь толпу к той части зала, где на паркете уже кружат под медленную музыку другие пары.

Мне немного страшно из-за внимания, из-за того, что не помню прошлые балы и боюсь ошибиться, выдать себя. К моему слабому облегчению мелодия сменяется на одну из тех, что дио Хэмис приносил мне в музыкальной шкатулке. Мысленно прокручиваю движения. Но они очень простые. Полагаю, в громоздких платьях, в коих разодеты другие дэи, более сложные танцы были бы просто невозможны.

— Вы сегодня, прекрасно выглядите, ваша светлость, — произносит мой кавалер, добавляя в голос томных ноток.

— Благодарю вас, это очень лестно слышать, — как же тяжело не знать тех, кто знает тебя.

Замечаю, что мы постепенно перемещаемся вглубь зала.

— Виконт Эмильен Льер Тиас, если вы запомнили моё имя.

— Ни в коем случае, виконт. Простите мою рассеянность. Я польщена вашим вниманием, — смущённо улыбаюсь и краснею, как школьница, застуканная за списыванием, но виконт воспринимает это на свой счёт.

— А, ну это понятно, — довольная улыбка Эмильена перерастает в тихий грудной смех, а широкая рука, лежащая на талии, притягивает меня чуть ближе к мужскому телу. Совсем немного, но я, не зная, как на это реагировать, краснею ещё сильнее. И, кажется, моя реакция не укрывается от молодого человека, потому что в его взгляде проскальзывает нечто хищное.

Какое облегчение, что моих ног никто не видит, потому что я уже немеренное количество раз сбилась со счёта и от волнения перепутала шаги. И как хорошо, что Эмильен увёл нас подальше, от любопытной гущи местной аристократии.

К слову, я уже успела рассмотреть достаточно, чтобы убедиться в правоте замечаний Малии. Дэи действительно, словно соревнуются в высоте причёсок, поражая необычностью конструкций, плетений и украшений. И как мне кажется, даже не подозревают, насколько всё это выглядит абсурдно и комично.

То же самое можно сказать и об их платьях. Яркие, пёстрые, откровенные до

вульгарности. Пару раз я засмотрелась на танцующие рядом пары и оба раза потому, что мне показалось, что груди дэй вот-вот выпрыгнут из тугого низкого декольте.

“Какое-то фрик шоу” мелькает в голове очередная забавная мысль.

— Герцогиня, могу я задать вам немного откровенный вопрос?

— Вы уже спрашиваете, так продолжайте. Просто не рассчитывайте, что я отвечу на него, — пытаюсь хоть как-то подстелить себе соломки, не зная, чего ожидать от маркиза, который то и дело, будто невзначай поглаживает мою руку большим пальцем.

— Я слышал, что ваша помолвка теперь под вопросом. Не смею спрашивать, по какой причине, но смею надеяться, что в случае окончательного её расторжения вы примите во внимание мою скромную кандидатуру, — его слова доходят до меня далеко не сразу, но когда доходят, я едва не спотыкаюсь. Молодой человек вовремя сжимает руку на талии, успевая поддержать и неловкий момент остаётся незамеченным для хищных взглядов окружающих.

— Кхм... довольно неожиданно, виконт. Я польщена. Но, вы же не ожидаете, что я дам ответ прямо сейчас? К тому же вопрос помолвки ещё не решён, — старательно ухажу от ответа, пока перевариваю самую главную мысль “помолвка под вопросом”.

Значит, я всё-таки могу избежать замужества?

Само слово “замужество” пугает меня до тёмных пятен в глазах, не знаю отчего, но мысль о браке вызывает бурю неприятных ощущений.

— Конечно, герцогиня, — его голос становится ещё более томным, — просто обещайте вспомнить обо мне, если всё-таки помолвка будет расторгнута. И зовите меня Эмильен.

— Хорошо... Эмильен. Но только в соответствующей обстановке.

Молодой мужчина не отпускает меня и на следующий танец, а я не сопротивляюсь, наслаждаясь его дружелюбием.

— Канцлер не спускает с вас глаз, герцогиня, бьюсь об заклад, он тоже сейчас делает ставки на ваше будущее.

Ставки... опять какие-то ставки...

— Что вы имеете в виду? — осторожно прослеживаю взгляд виконта. На небольшом пьедестале рядом с пустующим тронем, заложив руки за спину, стоит хищного вида мужчина. Это он канцлер? Чуть поодаль замечаю королевского поверенного дио Зейн-Малика, разговаривающего с каким-то пожилым лордом.

— Разве вы не знаете, что канцлер неоднократно просил у Его Величества дозволения на помолвку с вами?

— Ах это... — мило улыбаюсь, пока мозг лихорадочно переваривает новую информацию, — ну просить, не значит получить желаемое.

Так, я не поняла, если здесь такая очередь на мою руку, то, что я забыла в имении Фрэй Дау? Как бы так всё выяснить и не дать раскусить свою полную неосведомлённость о собственной жизни... "Простите, вы, часом, не в курсе, что происходит в моей личной жизни?" "Конечно, ваше сиятельство, что именно о себе вы бы хотели узнать?"...

— Значит, вы не рассматриваете канцлера в качестве будущего возможного супруга?

А? Ах, канцлер...

— Не слишком ли много вопросов, Эмильен? — прячу нервозность за лёгким смехом. Кажется, я быстро учусь скрывать истинные чувства за разными масками. — А что вы сами думаете о нём?

Настаёт его очередь смеяться.

— Дорогая, Эммилина, — виконт незаметно переходит на более фамильярное обращение, хотя я этого не позволяла, но поправлять не хочу, — к счастью, мне нет необходимости думать о канцлере, как о потенциальном женихе.

— О, вы же понимаете, что я не это имела в виду! — его лёгкий нрав подкупает, но я не спешу покупаться на эту лёгкость. Почти уверена, что у каждого здесь есть двойное дно и свои шкафы со скелетами.

— Канцлер богат и имеет большое влияние при дворе. Его боятся, ему завидуют, перед ним пресмыкаются. Никто не хочет переходить ему дорогу, поэтому, танцуя с вами сейчас, я очень рискую. Надеюсь, этот благородный риск зачтётся мне, ваша светлость? — Эмильен дурашливо поигрывает бровями, разряжая обстановку серьёзной загадочности, и я не могу удержаться от тихого смеха.

— Приму этот факт к сведению, — делаю наигранно серьёзное лицо, — а теперь, не могли бы вы увести меня поближе к свежему воздуху, здесь немного душно.

— Конечно, ваша светлость. Как насчёт западной террасы?

— Отличная мысль, спасибо вам, Эмильен.

— Рад, герцогиня. Сожалею, что раньше не решился пригласить вас, злые языки сильно ошибаются на ваш счёт. Не смею более смущать своим вниманием.

С этими словами он помогает мне присесть на свободный диванчик, целует руку, касаясь тёплыми губами тыльной стороны ладони, кланяется и удаляется в сторону шумной залы.

Какой деликатный. Ровно два танца и поцелуй руки на прощание. Ровно столько допустимо, чтобы выказать уважение, но не спровоцировать волну сплетен... жаль, не все благородные дио также благородны...

— А герцогиня, времени зря не теряет, — высокий женский голос с токсичными нотками и приглушённый смех нескольких дэй, заставляют обернуться.

На соседнем диванчике, в окружении таких же “милашек”, вальяжно расположилась вызывающе яркая брюнетка. Бьюсь об заклад, высотой своей причёски она сегодня нарушила все мыслимые законы гравитации и перещеголяла всех благородных дэй. Её бордовое платье усыпано крупными мерцающими камнями, а ширина юбки такова, что я не удивлюсь, узнав, что под ней она кого-нибудь прячет. Такое... такую... сложно не заметить, вот тут Маля была права...

И что мне ответить этой незнакомке, которая явно знает меня и уже наострила в мою сторону свои острые зубки?

И что мне ответить этой незнакомке, которая явно знает меня и уже наострила в мою сторону свои острые зубки?

— И вам доброго вечера, дорогая, — копирую её тон и скучающее выражение лица. Раз ей можно намекать непонятно на что, то и мне нет необходимости вести с ней светские беседы.

Брюнетку аж перекашивает. А что она вообще ожидала?

— Алессинья, не желаешь ли прогуляться в саду? — тихо предлагает блондинистая девица. При этом явно нервничает, кидая опасливые взгляды в мою сторону.

— Помнишь, Данира, — обращается стервочка к подружке, — мы с тобой делали ставки на то, что граф даст герцогине отставку. Мне кажется, ты проиграла мне, милая. Совершенно очевидно, что новоиспеченная герцогиня интересуется Алексиона не более, чем пыль на подошве ботинок.

Как было бы здорово, если бы эта Алессинья случайно зацепилась своей причёской за причёску Даниры и, занятая “делом”, отстала от меня со своими выпадами. Но мои мечты остаются мечтами, а Алессинья задирает нос, явно удовлетворённая моим молчанием.

— А ещё, милые дэи, — входит во вкус брюнетка, — ходят слухи, что от её светлости сбежали все горничные. Мне кажется, нам стоит помочь и отправить хоть одну толковую служанку в качестве жеста поддержки юной наследнице. Бедняга, вероятно, была вынуждена доверить себя рукам прачек, котрые не знают разницы между тем, как принято появляться во дворце и выходить к завтраку. Какое дурновкусие! Вот же ж...

— Чем это тут пахнет? — демонстративно принюхиваюсь. — Ах, кажется, кто-то завидует “юной наследнице”?

— Завидую? Аххааха! Чему?? — взвизгивает брюнетка, моментально сбрасывая маску невозмутимости. — Жалкому виду промотавшей состояние герцогини или тому, как весь двор обсуждает, что её светлость, словно ручная собачка бегаёт за лордом Фрэй Дау, в то время как сам граф ищет способы отвязаться от её назойливого внимания? Так чему завидовать, ваша светлость?

Едкое хихиканье и гадкие шепотки приятельниц с соседних диванчиков ощущаются, как ушат помоев, вылитых мне на голову прилюдно. Неужели это всё правда? Я преследовала мужчину, который меня демонстративно игнорировал? Да что со мной было не так?

— Позвольте пригласить вас на следующий танец, ваша светлость, — вкрадчивый голос заставляет вздрогнуть и обернуться.

Неприятный холодок пробегает вдоль позвоночника. За спиной обнаруживается тот самый канцлер. Совершенно не почувствовала, как он подошёл. Интересно, много ли успел услышать из нашего светского обмена любезностями?

— Добрый вечер... канцлер.

Нет, я не хочу танцевать. Но это шанс сохранить остатки достоинства, сбежав от неприятной компании. Слабость? Возможно. Но я просто не представляю, как иначе закончить паршивый разговор. Мне нечего ответить, этой Алессинье, ведь я ничего о ней не помню.

Встаю и подаю руку канцлеру, радуясь, что на мне перчатки:

— Не откажусь от танца с вами.

Хочется сбросить с себя этот липкий ощупывающий взгляд, выдернуть ладонь и по-детски спрятать её за спиной. Но вместо этого, привычно растягиваю губы в вежливой улыбке, пока канцлер возвращает меня в бальную залу на всеобщее обозрение.

К счастью, следующий танец предполагает наибольшую дистанцию и смену пар. Лёгкие касания рук, повороты, простые шаги. В таком танце очень сложно поддерживать беседу и всё, что успевает сказать канцлер, сводится к нескольким общим фразам и дежурному комплименту: “вы сегодня прекрасны, как никогда, герцогиня”. Вежливо улыбаюсь и благодарю. Канцлера сменяют: пожилой, немного грузный мужчина, затем сухощавый высокий блондин и молодой коренастый шатен, который за короткие несколько секунд успевает пригласить меня на следующий танец. Ох, как это кстати! Радуюсь тому, что теперь есть повод отказаться от второго танца с канцлером и с радостью принимаю приглашение, чем вызываю почти восторженное выражение у коренастого шатена.

Как я и предполагала, в конце танца канцлер предлагает продолжить танцевальный раунд. Ссылаюсь на то, что уже приглашена, мысленно возношу хвалу всем богам и вежливо улыбаюсь, отмечая, как хищная улыбка мужчины превращается в оскал.

Следующие два танца оказываются более сложными. Я неуверенно перебираю ногами, то и дело смущённо извиняясь перед юным коренастым баронеттом за свою неловкость. Замечаю своего “жениха”, грациозно кружащего по залу сначала с Дафной, а затем с неизвестной шатенкой. На их фоне, ощущаю себя совсем неуклюжей.

Когда музыка заканчивается, зал взрывают торжественные звуки фанфар, оглашающие появление Его Величества.

Пожилой мужчина с идеальной осанкой входит в зал со стороны тронного постамента. Его одежды лаконичны, но парадный сюртук украшен крупными сверкающими камнями. Его походка уверенная и спокойная. Он окружён свитой, которая бросает на присутствующих надменные взгляды.

Канцлер моментально оказывается рядом с монархом. Он расплывается в подобострастной улыбке и сгибается в низком поклоне. Как, собственно, и все, находящиеся в зале.

Его Величество занимает трон и подаёт рукой знак. Зала оглашается новыми звуками музыки. Пары снова заполняют паркет. Я же стараюсь затеряться между высоченных причёсок, ярких платьев и широких мужских спин, пока благородные дэи и дио ещё отвлечены созерцанием своего правителя.

Мой желудок неоднозначно напоминает, что сегодня получал лишь порцию каши плюс несколько орехов и сухофруктинок. Это всё издевательские правила графа и моё гордое нежелание выпрашивать у него еду. Но теперь, когда у меня от голода кружится голова, я жалею, что не попросила Малию тайком вынести для меня с кухни хотя бы кусок хлеба.

На сколько я помню из беседы с дио Хэмисом, здесь где-то должны подаваться лёгкие закуски. Но как их найти? Пока лавирую среди гостей, краем глаза замечаю, как кто-то направляется ко мне с явным намерением пригласить на танец или пообщаться, слегка меняю направление, избегая встречи. И так несколько раз.

Я уже отчаиваюсь, когда, наконец, замечаю проходящих с подносами лакеев. Следую за ними и попадаю на просторную крытую террасу. Здесь располагаются столики, на которые слуги то и дело составляют угощения. Маленькие миленькие затейливо украшенные розетки с салатиками, паштетами и кремами, огромный выбор канапе на один укус, миниатюрные десерты и что-то ещё, от чего повсюду разносится божественный аромат. От такого

разнообразия я едва не давлюсь слюной и уже обрадованно направляюсь к одному из столиков, как слышу взрыв хохота и знакомые голоса.

Алессинья, Дафна, Итеон, сам граф и ещё несколько человек наслаждаются весёлым времяпровождением. Вот же не везёт, везде на них нарываться и когда только успели оказаться здесь? Алессинья невзначай касается плеча графа ладонью и наклоняется что-то прошептать ему на ухо. Лица графа мне не видно, зато замечаю ревнивый взгляд Дафны, направленный на высокую брюнетку. К счастью, террасу украшают пышные растения в массивных кадках, они создают атмосферу уюта и уединения. И сейчас один такой высокий цветущий куст прикрывает меня, позволяя оставаться не обнаруженной.

Казалось бы, какие проблемы, ну заметят и заметят... но не всё так просто. Если я присоединюсь к компании моего официального “жениха”, как мне и надлежит по этикету, то придётся мило улыбаться, пока он улыбается и флиртует при мне с другими дэями. Более унижительной ситуации сложно представить. Если же я не подойду — это будет означать, что меня тем более задевает его поведение и опять же будет задета моя гордость, а у недругов появятся новые поводы посмеяться над моей нелестной ситуацией.

Выход один — незаметно уйти, пока меня не заметили.

— Дорогая, Эммилина, вот вы где! А я потерял вас из виду, — канцлер даже не пытается сбавить тон голоса, чем привлекает внимание.

Поворачиваюсь к нему лицом, чтобы хоть не быть позорно застуканной за подглядыванием. Но едва ли меня не раскусят.

Гадство! Я уже ощущаю знакомый прожигающий взгляд на своей спине.

— Дорогая, Эмилиана, вот вы где! А я потерял вас из виду, — канцлер даже не пытается сбавить тон голоса, чем привлекает внимание.

Поворачиваюсь к нему лицом, чтобы хоть не быть позорно застуканной за подглядыванием. Но едва ли меня не раскусят. Гадство! Я уже ощущаю знакомый прожигающий взгляд на своей спине.

— Ну что ж, теперь вы нашли и что дальше? — наверное, что-то такое отражается в моём взгляде и тоне голоса. Канцлер, не ожидавший такой дерзости, даже немного отшатывается, но быстро берёт себя в руки и перехватывает мою ладонь, растягивая на лице фальшивую приторную улыбку.

— Простите, что прервал вас, дорогая герцогиня, — подносит руку к своим губам и я снова радуюсь, что на мне перчатки, — но вы обещали мне ещё один танец.

— Обещала? Я? Не помню такого, — приподнимаю одну бровь и даже не пытаюсь мило улыбаться. Канцлер несколько теряется и, кажется, начинает злиться. Понижаю голос и немного наклоняюсь к нему: — Простите канцлер, я как раз направлялась в комнату для дэй. Разве что вы желаете составить мне компанию, проводив туда...

Аж побагровел от такого предложения. Да уж... грубовато вышло, но сам нарвался. Он, очевидно, получал удовольствие, привлекая внимание присутствующих к моей персоне. Наверняка догадался отчего я замерла в проходе. Так что пусть даже не рассчитывает на мою лояльность после такой подставы:

— Ну не желаете и ладно, сама прогуляюсь.

С гордым видом покидаю вожделенную террасу с закусками, оставляя канцлера глотать от возмущения воздух.

Знать бы ещё, где эти комнаты для дэй. Всё же я надеялась хоть на чью-то помощь здесь. Ладно, нужно подумать. Раз здесь есть еда и напитки, то туалеты тоже должны быть где-то неподалёку... но и не очень близко. Немного наблюдательности и вот я пристраиваюсь за парочкой аристократок, движущихся в сторону одного из арочных проёмов.

Бинго!

Туалетная зала просторна и роскошна. Но самое главное, здесь можно остаться в одиночестве в отдельной комнатке, в которой к тому же есть золочёный краник с водой. Конечно, тут есть служанки, готовые помочь дэям с платьями, но мне они ни к чему.

Наклоняюсь, чтобы попить. После нескольких глотков прохладной воды мне не становится, но от обиды хочется по-детски разреветься. Я здесь словно мишень: для едких словесных уколов, для чьих-то скрытых интересов, для интриг, для новых сплетен... Не знаю, как я справлялась раньше, но сейчас мне хочется забиться в угол, поджать ноги и просто сидеть в тишине и покое.

Трудно, когда все словно объединились против тебя. Ещё труднее, когда ты не понимаешь, как вести себя со всем этим. Опускаюсь на широкий пуфик возле высокого зеркала в золочёной раме, несколько минут смотрю в одну точку, а затем меня разбирает истерический смех, потому что осознаю — здесь самое приятное место во дворце. Тут же закрываю рот ладонью, чтобы меня не услышали и не сочли сумасшедшей.

Спряталась, как мышь в нору. Слабачка!

Если бы это не дало повода для новых сплетен и гадких комментариев, я бы осталась здесь до конца вечера, а так приходится привести себя в порядок, расправить плечи и вернуться в бальные залы...

Фальшивые улыбки. Танцы. Бесконечные лица, от которых никуда не деться. Подозрительные дио, которые задают одни и те же бесцеремонные вопросы: “будет ли ваша с графом помолвка расторгнута?”, “могу ли я рассчитывать на ваше внимание к своей скромной персоне?”. Им нужен титул, земли, больше власти, лояльность монарха.

От слабости и голода у меня кружится голова. Я хочу отдохнуть, но едва ли здесь можно найти уединённое место. Снова сбежать в комнаты для дэй? Этот трюк нельзя использовать часто. За мной следят. Меня обсуждают. Прожигают любопытными взглядами. Очередной танец подходит к концу, и я краем глаза выхватываю из толпы хищно приближающегося канцлера. Трижды гадство!

— Позвольте пригласить вас, ваша светлость? — дио Зейн-Малик опережает. Соглашаюсь, не скрывая радости и облегчения. Это первое лицо за целый вечер, которое я по-настоящему рада видеть.

— Благодарю, дио, вы очень вовремя, — искренне улыбаюсь, наблюдая его понимающую усмешку.

— Вы сегодня невероятно популярны, милая герцогиня.

— О чём уже не раз успела пожалеть, ваше благородие.

— Поверьте, многие ваши злопыхатели сейчас давятся слюной, наблюдая за таким триумфом.

— В таком случае вам сто́ит подготовить лекарей. В их слюне слишком много яда, как бы ни отравились поперхнувшись.

Низкий открытый смех королевского поверенного привлекает к нам лишнее внимание, и я немного тушуюсь.

— Кхм, простите, ваша светлость, — исправляется Зейн-Малик.

— Ничего страшного. Рада, что хоть кому-то весело.

Дружелюбная улыбка и несколько незамысловатых танцевальных па.

— Могу я попросить вас об одном одолжении? — болезненные ощущения в уставших ногах напоминают, что мои силы близки к нулю.

— Буду рад оказаться полезен.

— Не могли бы вы увести нас к диванчикам... подальше от не в меру наблюдательного канцлера?

— Конечно, герцогиня, — усмехается и бросает на меня понимающий взгляд.

Небольшой круг по залу, чтобы затеряться, и вот мы у дальней правой колоннады. Прямо перед моими глазами с дивана встаёт солидный дио, словно освобождая его специально для меня. Какая удача!

Опускаюсь, едва сдерживая стон облегчения. Осторожно осматриваюсь вокруг на предмет подставы в виде какой-нибудь очередной группы “доброжелательниц”.

Слева расположились пожилые матроны, увлечённые беседой. Справа — молодая парочка, не сводящая друг с друга глаз. Как мило... Интересно, если я прямо тут прикрою глаза... может, никто и не заметит? Ну подумают, дэя музыкой наслаждается с закрытыми глазками...

Как же я устала... Даже не знаю, морально больше или физически, но в голове пульсирует навязчивая идея найти тёмный угол и вздремнуть там хоть несколько минут... а

лучше пару часиков, пока это всё не закончится... сознание мягко уплывает и чтобы окончательно не уснуть, напеваю про себя танцевальные мелодии, которые сменяют друг друга...

— Позвольте пригласить, герцогиня, — бархат ледяного голоса разрушает хрупкие мечты о спасительном уединении.

Казалось бы, этот вечер было сложно сделать ещё более гадостным... но одно сиятельство и тут находит способ всё испортить.

— О, граф, безмерно благодарю за приглашение, но я больше не танцую.

Чувственные губы растягиваются в улыбке, которая не обещает мне ничего хорошего. Граф наклоняется к самому уху:

— Не стоит, ваша светлость. Что бы вы ни задумали, не советую вам этого делать, — в его голосе отчетливо слышна угроза, но когда он отстраняется, на губах снова играет вежливая улыбка, так что со стороны наш разговор выглядит вполне милым.

— Вы, полагаю, ошиблись, ваше сиятельство. Единственное, что я задумала, это остаться отдохнуть здесь, на этих диванчиках, — приподнимаю одну бровь, показывая, что даже с места не сдвинусь. — Я не понимаю, какую игру вы на этот раз затеяли, но раз уж вы это начали, то будьте любезны отвечать за свои действия, — цедит сквозь зубы. Да что с ним не так? Почему бы просто не оставить меня в покое? Краем глаза отмечаю заинтересованные взгляды влюблённой парочки с соседнего дивана и решаю смириться, чтобы наша перепалка не превратилась в развлекательный спектакль для благородной публики.

Холодный взгляд, жёсткая рука на моей талии и голос, которым граф умеет делать больно:

— В какой-то момент мне показалось, что вы изменились... но я ошибся, вы снова принялись за старое. Всё как всегда, да, Эммилина?

— О чём вы? — собственный голос звучит растерянно. Граф на мгновение меняется в лице, и я успеваю заметить неуверенность, которая, впрочем, тут же сменяется подозрительным прищуром:

— Вы послали Зейн-Малика, чтобы оторвать меня от общества моих друзей. Вам снова не достаёт внимания? Как и прежде, считаете, что можете использовать своё положение, чтобы дёргать за ниточки... не так ли?

— С чего вы взяли, граф?

— С того, что накануне поверенный танцевали с вами. А затем у нас с ним состоялся короткий разговор. Всё очевидно.

Он следил, с кем я танцую?

— И всё же вы ошибаетесь, это не моя инициатива.

— Ну конечно, конечно, не ваша, герцогиня... И никогда не была вашей, вы ни разу не подставляли меня своими интригами, никогда не устраивали фальшивых спектаклей, вы всегда были честны и чисты в своих помыслах, ди "невинная, малшка Эмми"?

— Я не стану больше спорить на эту тему, — не знаю о чём он, но пресекаю дальнейшие обвинения, злость перебарывает нездоровую растерянность. Вот только правую стопу охватывает судорога. Боги, только не сейчас!

— Действительно, вам лучше молчать...

Сжимаю зубы, стараясь контролировать дыхание и игнорировать зарождающийся спазм. Гордость и обида мешают мне попросить графа двигаться медленнее или вовсе

помочь незаметно покинуть танцевальную залу.

Мы делаем очередной круг, и спазм достигает голени. Но я молюсь лишь о том, чтобы продолжать чувствовать эту боль. Пока она есть, я хотя бы могу контролировать тело. Мне всего-то нужно продержаться до конца танца!

Музыка всё не кончается и мне кажется, что время растянулось густой патокой. Когда правая нога начинает заплетаться, я едва не оступаюсь. Брови графа сходятся на переносице:

— Что бы вы ни задумали, приберегите свои фокусы для других, на меня они давно не действуют.

— Это не фокусы, ваше сиятельство. Пожалуйста, отведите меня к диванам, — поднимаю на него глаза и чуть сильнее опираюсь на плечо, предчувствуя неизбежное.

— Танец почти закончен, — он хмурится, словно пытается просчитать, в чём может быть подвох. — Прошу вас... сейчас... — остатки гордости испаряются под натиском страха.

Почти не ощущаю стопу. Мозг лихорадочно просчитывает варианты. Если он поддержит меня за талию и позволит опереться на свою руку, мы сможем покинуть паркет, не привлекая особого внимания... и я не попаду в идиотскую ситуацию. Иначе, я просто не представляю, как быть. — Хорошо, идём, — останавливается, рассматривая меня с недоверием. — Ваше сиятельство... пожалуйста... придержите меня за талию...

— Серьёзно? Ты снова это делаешь? — цедит сквозь сжатые зубы, не замечая, как переходит на "ты". — Может мне снова носить тебя на руках? Или поцеловать прямо здесь? Для кого спектакль на этот раз? Алессинья? Дафна? Ниола?

Чувствительность окончательно покидает правую ступню. Паника вышибает холодный пот. В этот момент раздаётся последний аккорд и музыка стихает.

— Нет-нет, вы всё неправильно поняли, я не могу идти сама... мой шёпот с мольбой в голосе, — Алексин... — Вы позволите, пригласить вас на следующий танец? — какой-то юнец широко улыбается, ожидая, что я приму приглашение.

Не успеваю ответить, как граф дёргается, отстраняясь от меня, и шагает в сторону. Рука, которая только что сжимала ткань его парадного сюртука не успевает вовремя разжаться, и я начинаю заваливаться, неуклюже размахивая руками. Словно пытаюсь ухватить воздух. Судорога, погружающая в агонию и вторую ногу, лишает последней надежды на возвращение равновесия.

Мгновения растягиваются, давая мне выхватить из окружающего пространства ошарашенный взгляд пожилой дэи в трёх шагах от меня, округляющийся в растерянности рот того самого юнца, что намеревался предложить мне танец и разворачивающегося обратно графа.

Инстинктивно выставляю руки вперёд, но рукава настолько плотно обхватывают предплечья, что манёвр удаётся лишь наполовину. Это помогает смягчить падение, но не помогает уберечь голову от столкновения с натёртым до зеркального блеска паркетом.

За мгновения до того, как темнота забирает моё сознание, чувствую чьи-то руки на своих плечах и слышу взрыв старательно сдерживаемого хохота вокруг...

— Разумеется, я сразу сообщил Его Величеству! — восклицает знакомый голос, заставляя сознание постепенно выплывать из небытия. — Он приказал докладывать о любых изменениях состояния герцогини. И могу вас заверить, он крайне недоволен. Ваше счастье, что сейчас он принимает послов, но вам следует подумать, как вы объясните произошедшее. И мой вам совет — сделайте это прежде, чем сплетни дойдут до его ушей. У меня десяток свидетелей, которые утверждают, что герцогиня во время танца оступалась и выглядела побледневшей, но есть и те, кто "точно видел", как вы её толкнули. Последние, к слову, радостно убеждают в этом других.

Дио Зейн-Малик делает паузу, и я слышу чёткие уверенные шаги. Три в одну сторону. Три в другую.

— В любом случае, Его Величество разочарован. Он пошёл вам навстречу, рассчитывая, как минимум на то, что вы с её светлостью за отведённое время придёте к единому обдуманному решению. Но та информация, которая поступает нам из имени Фрэй Дау...

— Вы следите за мной? — наконец нарушает молчание граф, его голос звучит глухо и устало.

— Разумеется! Как вы могли подумать, что король оставит племянницу без присмотра?!

— Демоны...

— Ну что вы, ваше сиятельство, это делается и для вашей безопасности. Его Величество хорошо знает свою племянницу. Моя фантазия не настолько богата, как у юных дэй, но поверьте, обиженная женщина способна на многое.

— Это я и без вас знаю...

В воздухе повисает пауза. Немного выждав, приоткрываю глаза. Веки ощущаются очень тяжёлыми, и я радуюсь окружающей полутьме. На столике горит свеча. Напротив кушетки, на которой я лежу — неплотно закрытая дверь. Сквозь тонкую щель проёма в комнату падает полоска тёплого света. Оттуда же слышатся звуки шагов и наливаемой жидкости.

— Возьмите, граф.

— Что это?

— Настойка с лёгким успокаивающим действием. Берите, берите. На вас лица нет.

— Я в порядке.

— Оно и видно, — в голосе королевского поверенного отчётливо слышится ухмылка.

Они замолкают и я сосредотачиваюсь на собственных ощущениях. Мою голову что-то оплетает. Поднимаю руку и нащупываю подозрительный обруч, от которого исходит приятное тепло. Странно. Может, стоит дать знать, что я очнулась?... Медлю... здесь в полутьме я словно в безопасном коконе. А там мне придётся признать, что всё произошедшее не плод моего сонного разума, а унижительный факт, с которым мне как-то предстоит дальше жить.

— Ваше сиятельство, ваша милость. Время для очередного осмотра её светлости.

— Конечно, дио Лур Хаиш, проходите.

Это лекарь? Закрываю глаза, стараясь успокоить дыхание. Затем спохватываюсь и быстро провожу рукой по телу. Фуух. Я всё ещё в платье. Хоть это радует.

Дверь приоткрывается. И через несколько мгновений тёплые сухие пальцы прощупывают пульс на моём запястье, а затем тёплый оплетающий обруч снимают с моей

ГОЛОВЫ.

— Ваша светлость... Ваша светлость...

Мне становится стыдно перед этим незнакомым человеком и я приоткрываю глаза. Теперь из раскрытой двери в комнату льётся достаточно яркий свет, и это заставляет жмуриться.

— Вы меня слышите, ваша светлость?

— Ммм...

— Очень хорошо. Не волнуйтесь, это действие побегов лиловой сархани. Вы спали пока шло исцеление. Скоро вы совсем придёте в себя и будете, как новенькая.

— Ммм?? — У вас было небольшое сотрясение, — продолжает дио Лур Хаиш — могла бы остаться шишка, но я позаботился о том, чтобы к утру не осталось и её. Вам показаны отдых, хороший сон, полноценное питание и необременительные прогулки на свежем воздухе.

Снова разлепляю глаза. На этот раз в дверном проёме обнаруживаются две мутные фигуры, перекрывающие собой яркий свет.

— Пить... — собственный голос кажется чужим и почти не слышен, но лекарь тут же подскакивает к столику:

— Конечно, конечно. Вот, вода с несколькими каплями лекарственных настоев. Позвольте мне придержать вашу голову, чтобы было удобнее. Первые же глотки прохладной влаги с терпким привкусом придают сил, я жадно впиваюсь в поднесённую к губам пиалу, словно боюсь, что её могут отнять. — А теперь, снова закройте глазки и полежите так несколько минут. Хорошо? Меня не нужно уговаривать. Делаю, как он просит и ощущаю, как дио Лур Хаиш надавливает на несколько точек на руках и на голове. По телу разливается приятное тепло и лёгкость. — Вот и славненько, вот и хорошо. Ещё немного вот так полежите и вас можно будет отпускать.

— Вы уверены? — голос Зейн-Малика.

— Безусловно! Вы сомневаетесь в королевском лекаре? Шарлатнов здесь не держат, — слышу звук перебираемых склянок и бормотание: — Ах, корень лависсинии бы ещё, так-так, будет очень даже чудесно... — Ваша светлость, как вы себя чувствуете? — снова дио Зейн-Малик.

— Спасибо, сейчас намного лучше, — открываю глаза и нахожу силы улыбнуться поверенному. Не потому, что это тяжело, вовсе нет, я ощущаю себя вполне хорошо, вот только поводов улыбаться не особо много. Краем глаза замечаю высокую фигуру графа, замершего в арочном проёме. Старательно избегаю смотреть в ту сторону. — Вы помните, что произошло?

— Ммм... — помню ли я? Если бы можно было, я бы предпочла это забыть, стереть, как оказались стёрты мои воспоминания прошлого.

— Большинство свидетелей говорят, что вы оступились и ударились головой, но нам будет интересно услышать вашу версию. Мою версию... и что мне рассказать? Пожаловаться на нехорошего "жениха", который не готов поверить, что я изменилась? Или рассказать, что у меня частенько отнимаются ноги, аккуратно после инцидента с потерей памяти?

— Кхм... я неожиданно плохо себя почувствовала и... оступилась, потеряв равновесие. Из-за своих видений о другом мире и потери памяти о прошлом, я не рискую раскрываться перед этими людьми. На каком-то подсознательном уровне понимаю, что, чем меньше они знают, тем безопаснее для меня. Пока в этом вопросе я доверяю лишь дио Хэмису. Знаю, что

он ищет для меня информацию. К тому же он не раз осматривал меня и даже брал мою кровь, чтобы что-то проверить. Но всё указывает на то, что я... совершенно здорова. — Граф, могу я доверить вам вот эти капли для её светлости Эммилины? — всё это время дио Лур Хаиш что-то делал на столике рядом с постелью, шелестя, позвякивая и бормоча себе под нос.

— Конечно, — голос графа на удивление серьёзен. Впрочем, чему я удивляюсь, здесь же столько свидетелей.

— Её светлость должна выпивать по пять капель, растворённых в бокале воды. Утром и вечером. По крайней мере, следующие три дня.

— Я понял, дио Лур Хаиш. Благодарю вас. Что я слышу? Он знает вежливые слова? Да неужели! Не вижу больше смысла разлёживаться, поэтому начинаю подниматься.

Дио Зейн-Малик и граф шагают ко мне одновременно и наталкиваются друг на друга. Пока они извиняются, лекарь, придерживая меня под локоть, помогает сесть, а затем и встать на ноги.

— Не торопитесь, ваша светлость. Побольше отдыхайте в ближайшие дни и проводите время на свежем воздухе.

— Спасибо, — с искренней благодарностью улыбаюсь дио Лур Хаишу. Приятно ощутить заботу в такой поганой ситуации.

— Всего доброго, герцогиня. Берегите свою прелестную головку.

— Я провожу вас до экипажа, ваша светлость, — инициативу перехватывает дио Зейн-Малик, позволяя мне придерживать за его твёрдую, согнутую в локте руку.

На графа я так и не смотрю.

* * *

Ещё выходя из неприметной комнатки возле парадной бальной залы, заставляю себя распрямить плечи и держать голову выше. Не хочу, чтобы случайные свидетели видели меня подавленной.

Располагаюсь на мягком просторном сидении и тепло благодарю дио Зейн-Малика. Кучер трогает, и я с наслаждением откидываю голову на спинку диванчика.

Как хорошо, что у графа такая удобная и просторная карета. Было бы совсем отлично, если бы и его самого внутри не оказалось. Прикрываю глаза и представляю, что еду одна.

— Мне жаль...

Отвечать не хочется, хочется сделать вид, что меня здесь нет. Но кожей ощущаю его пристальный взгляд.

— Не стоит, граф. Нас всё равно никто не слышит, — отнимать голову от мягкой спинки сидения тоже не хочется. Я и не отнимаю, даже глазки оставляю закрытыми.

— **Ты** слышишь. Да неужели! С каких пор его это заботит? И с чего это, вдруг, мы перешли на "ты"? Не вижу смысла в пустой болтовне, поэтому решаю игнорировать странное замечание. — Почему ты сказала, что оступилась? — его голос звучит устало и задумчиво. — Это не ваше дело... граф. В карете повисает тишина, которой я радуюсь.

— Зачем отправила ко мне Зейн-Малика, если действительно плохо себя чувствовала?

— Мы уже обсуждали это, помните? Неужели так сложно принять, что мир не крутится вокруг вас? Мне всё равно, с кем вы общаетесь и с кем танцуете.

— Лгунья... — тихо и неуверенно.

Если бы мои глаза были открыты, то я непременно бы их закатила.

— Вы это уже говорили и до сих пор должны мне извинение. Впрочем, можете оставить извинение себе. Оно меня тоже не интересует.

— И снова ложь... — пауза, и почти шёпотом: — иначе бы ничего этого не было...

Делаю над собой усилие и отрываю голову от мягкой спинки сидения, чтобы таки посмотреть ему в глаза, но наблюдаю лишь его до безобразия безупречный профиль:

— Объясните, граф, чего вы добиваетесь?

— Чтобы ты сказала Его Величеству, что отказываешься от помолвки.

— Хорошо.

— Что? — он разворачивается ко мне всем телом и смотрит так, словно не доверяет ни своим глазам, ни своему слуху.

— Я скажу Его Величеству, что отказываюсь от помолвки, — смотрю в глаза и медленно произношу каждое слово, чтобы у него не возникло подозрений в слуховых галлюцинациях. — Это всё?

— Всё...

Его “всё” звучит совсем неуверенно. Поэтому я не тешу себя надеждой, что он успокоится и даст спокойно дожить в имении отведённый Его Величеством срок. Но я рассчитываю хотя бы на передышку. Мне всего-то осталось несколько дней.

Глава 27. День пятый

Просыпаюсь с рассветом, ощущая себя подозрительно бодрой. Вчера я всё же задремала в карете, а очнулась уже в своих комнатах, когда горничные стрались осторожно переодеть меня ко сну. Вероятно, это всё расслабляющее и целебное действие лекарственных штучек, коими меня одарил дио Лур Хаиш.

Как назло, хочется есть. Желудок, уже привыкший к тому, что его вот-вот должны начать кормить радостно сообщает, что готов принимать пищу. А после вчерашнего делает это с утроенным рвением. Организму нужны силы, а животу хочется чего-то тёплого, нормального... хочется... каши!

Поднимаюсь, чтобы начать собираться к завтраку. Малия уже чем-то занята в гостиной. Она всегда приходит заранее, чтобы подготовить утреннее платье и ванну, возможно, поэтому вчера ночью мне помогали другие горничные.

В уютной столовой появляюсь в тот момент, когда стрелка часов показывает ровно семь утра.

И как это понимать? Стол не накрыт. Графа нет. Слуга, протирающий пыль с каминной полки, бледнеет, бросает своё занятие и подскакивает ко мне, подобострастно склоняясь.

— Г-госпожа... прикажете накрыть к завтраку?

— Доброе утро, разве граф не отдавал распоряжение накрывать к семи?

— Так ведь... вчера его сиятельство в ночь вернулся и велел его не беспокоить по утру.

Госпожа, так и вас тоже было велено не беспокоить, а завтрак подать в комнаты...

Да неужели?? Как мило. Мне сказать забыли!! Так, спокойно. Потом спрошу Малию, что она об этом знает, хотя уже очевидно, что она не в курсе распоряжения.

Видимо, мысли отражаются на моём лице, потому что слуга бледнеет ещё больше.

Делаю глубокий вдох. Этот человек не виноват, что его светлость такой... такое... arrrr!! Дышать, нужно дышать. Раз, два, три, четыре... на семь пропадает желание пнуть напольную вазу. На пятнадцать отпускает навязчивая идея найти острую вилку и таки побеспокоить его сиятельство с самого утра.

— Будьте добры, раз уж я здесь, накройте для меня завтрак. Желая кашу и чай с чабрецом. Этого достаточно.

— Сию минуту, ваша светлость.

Распахиваю окна, впуская в комнату свежий утренний воздух. Становится легче. Прохожу к столу и усаживаюсь на привычное место. Не так элегантно, как с помощью слуг, но никто ж не видит.

Зато позавтракаю, наконец, в спокойной обстановке. Губы сами растягиваются в довольной улыбке.

Вчерашние разговоры не выходят из головы. Не понимаю, зачем графу мой отказ от помолвки? То, что он наслаждается моим унижением — совершенно очевидно, но разве он не хочет прибрать к рукам мои земли и титул? Разве не он получает все выгоды от этого брака? А что для меня? Сплошные потери! Я теряю свободу и получаю опекуна в лице мужа, который будет распоряжаться моим наследством, и который сразу дал понять, что от наших отношений мне не следует ждать ничего хорошего.

В памяти всплывает вчерашние подслушанные слова королевского поверенного. К какому “единому обдуманному решению” должны были прийти мы с графом? О чём мы

вообще можем договориться?

Ну почему всё так сложно и непонятно?

— Почему ты здесь? — бархатистый голос с непривычно обеспокоенными нотками разрезает тишину комнаты и я непроизвольно передёргиваю плечами.

— О, доброго утра, граф, — растягиваю губы в фальшивой вежливой улыбке. — Разве вы не должны сейчас наслаждаться сладким утренним сном после столь успешно проведённого времени во дворце?

Молчит. Хмурится и молчит.

— Как ты себя чувствуешь? — игнорирует мой выпад и на удивление спокойно продолжает: — Тебе стоило сегодня остаться в постели.

— Чтобы доставить вам удовольствие лишить меня положенного завтрака?

— Я отдал распоряжение подать завтрак в твои комнаты.

С каких это пор мы вообще перешли на ты? Его спокойствие и лживая озабоченность раздражают. Лучше бы вернулся к своему надменному тону. Так было бы привычнее и честнее.

Ничего не отвечаю.

— Я как раз шёл к твоим комнатам, чтобы передать горничной вот это, — достаёт капли, которые, вчера для меня приготовил королевский лекарь.

— Благодарю, можете отдать капли мне, — протягиваю руку.

Граф подходит ближе и вкладывает пузырёк в мою ладонь, касаясь кончиками пальцев. Быстро сжимаю и отдёргиваю руку. Капли прячу карман.

Его сиятельство продолжает стоять надо мной. От ощущения его взгляда на себе хочется поёжиться. К счастью, в этот момент двери открываются и в столовую спешно входят слуги, неся приборы и поднос, накрытый серебряной крышкой.

— Ваша светлость, позвольте... — передо мной ловко накрывают завтрак.

— Господин, прикажете накрыть и для вас?

— Да, я буду завтракать с её светлостью.

Вот же... рано радовалась.

Губы непроизвольно поджимаются, выдавая моё недовольство. Тут же спохватываюсь, расслабляя их, и стараюсь незаметно дышать глубже. Граф продолжает стоять рядом, безмерно раздражая.

Снимаю серебряную крышку и вдыхаю аромат каши. Горячая, в меру подсолена и сдобрена кусочком свежего сливочного масла.

Граф резко отстраняется и быстрыми шагами удаляется вслед за исчезающим в проёме двери слугой. Окликает его, что-то говорит и возвращается обратно. Но на этот раз, хотя бы присаживается на своё место. И на том спасибо.

Итак. Задача проста. Быстро поесть и удалиться.

К моменту, когда слуги возвращаются, я почти заканчиваю трапезу, но передо мной начинают расставлять тарелки с разнообразными блюдами.

И что это значит?

Доедаю последние ложки своей каши и запиваю чаем с чабрецом. К этому моменту мы с графом снова остаёмся одни. Откладываю столовые приборы слева от тарелки.

— Вам нужны силы, герцогиня.

— Благодарю, ваше сиятельство, я вполне сыта.

— Эммилина. Сейчас это ни к чему. Пожалуйста, поешь нормально.

Не знаю, что на меня находит, но вместо очередного спокойного ответа, я резко поднимаюсь. Ножки тяжёлого стула издают короткий неприятный скрип по паркету. Плевать.

— Мне не нужны ваши подачки, ваше сиятельство, — фраза вырывается сквозь сжатые зубы, но я в шаге от того, чтобы надеть одно из горячих блюд на голову этому индюку с завышенным самомнением.

Говоря, я уже шагаю в сторону выхода.

Граф подскакивает и в два шага, преграждает мне путь. Пытаюсь обойти, но он перехватывает мои предплечья своими раздражающе горячими руками.

— Подожди, Эммилина... да послушай! Я виноват, прости, что не захотел услышать тебя вчера. Я был раздражён, зол, уверерный, что ты снова пытаешься дергать за свои ниточки и подстраивать все эти гадкие вещи из-за которых я не раз оказывался в идиотском положении, но... клянусь, я не хотел, чтобы так вышло.

— Отпусти, — почти удаётся успокоить голос, стараюсь смотреть куда угодно, только не на него.

— Ты меня не слушаешь!

— Это всё ни к чему.

— Нет... это важно. Я сожалею. Очень. Прости.

— Хорошо.

— Что?

— Всё хорошо, вам не за что извиняться. Это было досадное недоразумение.

— Эммилина! — полустон-полувыдох, на секунду он откидывает голову, возводя глаза к потолку, словно просит небеса послать ему терпения.

Вырываюсь и спешно покидаю малую трапезную.

Конечно, он не рад случившемуся, но только потому, что король, судя по всему, недоволен его поведением. Значит, решил реабилитироваться перед монархом, узнав, что в особняке есть шпионы Его Величества. А я не хочу быть частью этого спектакля. Не хочу чувствовать себя душой и улыбаться, подыгрывая очередному фарсу.

Боги, когда уже истекут эти злосчастные десять дней?

От злости не замечаю, как оказываюсь на конюшне. Ноги сами несут меня к Ночи.

Глупо? Да! Но демоны внутри уже начали свой пир.

В самой конюшне никого нет, голоса слуг раздаются лишь снаружи. Конечно, меня заметили, но не решаются беспокоить без надобности. И это хорошо. Никто не будет мешать.

Подхватываю седло, уздечку и привычными ловкими движениями седлаю тёмную красавицу. Так, словно делала это сотни раз. Проверяю крепость подпруги, настраиваю стремяна.

Лёгкое утреннее платье, перешитое Малией, почти не сковывает движений. Мягкие ботиночки на низком каблуке надевались для комфортной прогулки по парку. Но сейчас они оказались как нельзя более подходящими для небольшой прогулки верхом.

Мне нужно вырваться отсюда. Я задыхаюсь в *его* имени. Хочется бежать, бежать и не оглядываться.

Отворяю стойло и вывожу из него Ночь. Снаружи неожиданно раздаётся голос графа.

— Где её светлость? Мне сказали, что прошла в направлении конюшен...

Быстро прикрываю ворота денника. К счастью, у конюшни два выхода в противоположных концах. И как обычно, оба открыты, чтобы позволить помещению проветриваться.

— Так, внутри, ваше сиятельство, на лошадок поди опять, госпожа любитесь.

Ночь чувствует мою нервозность и перебирает копытами.

— Тише, тише, девочка. Всё хорошо, — глажу её по шее, чтобы кобылка успокоилась.

Подбираю широкую юбку повыше, оголяя икры, и ставлю ногу в стремя. Хорошо, что меня никто не видит. Отталкиваюсь, одновременно подтягиваю тело и перекидываю вторую ногу через круп лошади. Поправляю юбку так, чтобы было удобнее. Сжимаю бока коленями.

— Всё хорошо милая, пойдём, — снова ободряюще хлопаю по холке умное животное.

— Эммилина?? Что?... Как ты?... Ночь, стой! — размашистые шаги приближаются, а Ночь неуверенно косит глазом в сторону знакомого голоса. — Только не дёргайся, я сам тебя сниму!

Вот же не вовремя и что ему за завтраком не сиделось?

— Ну же, Ночь! Не отдавай меня этому демону! — наклоняюсь и шепчу лошадке на ухо, понукая её двинуться к выходу. Графу остаётся всего пара шагов, когда я резко ударяю кобылку по бокам. Уверенное движение заставляет животное слушаться седока. Ночь дёргается и спешит к выходу.

— Эммилина! Нет! Остановись.

На мгновение оглядываюсь назад, граф бежит следом. Поворачиваюсь обратно, помня, что лучше пригнуться, проходя ворота конюшни.

Ещё удар пятками по бокам, "давай же, милая, быстрее!"

— Закройте ворота! — выкрикивает хозяин имения и я вижу, как стоящий рядом с воротами работник, спохватывается и бежит закрывать ближайший путь к свободе. Ну нет! Так мы не договаривались.

Резко разворачиваю Ночь в сторону другого выезда, но и туда уже бежит один из мужчин. Да что же это такое?! Меня разбирает злость.

Кручу головой и замечаю, что одна из секций ограждения примыкающей левады имеет только одну нижнюю доску, вместо трёх. Рядом лежит инструмент и рабочий как раз в этот момент шкурит новые доски для замены старых. Если перескочить эту секцию, то я окажусь в пустом загоне, дальние ворота которого не закрыты.

Всё это мой мозг выхватывает в считанные мгновения. И уже в следующую секунду я резко хлопаю Ночь по бокам, направляя в сторону недоделанной секции. Работник растерянно вскидывается, но я не обращаю внимания, чуть подгоняя Ночь, которая уже понимает, что ей предстоит прыгать.

— Эммилина! Стой! Нет! Остановись!..

Голоса растворяются, есть только я, животное и наше одно на двоих сосредоточенное дыхание. Я не знаю возможности Ночи, но уверена, что препятствие для неё достаточно низкое. Слежу за размером галопа, крепче сжимаю бока коленями и переношу вес на пятки.

Подаюсь корпусом чуть вперёд и вытягиваю руки, приотпуская поводья, когда Ночь вытягивается над препятствием в прыжке.

Мгновение полёта и мы набираем скорость уже по другую сторону ограды. Спешим к открытым воротам. От головокружительного ощущения у меня начинается эйфория. Вырываемся за ограду и я почти плачу от счастья, подставляя лицо ветру.

Такое родное. Моё. Я знаю это. Я вспоминаю это. Лошади, трибуны, соревнования, кубки. Адреналин растекается в крови.

Это было словно не со мной и в то же время именно это и была я. Настоящая я.

Перехожу на карьер и Ночь превращается в дикую чёрную молнию, рассекающую пространство широкого луга. Не позволю, чтобы нас догнали. Не отдам это ощущение свободы.

Направляю тёмную красавицу в сторону подлеска. Нужно дать ей восстановить дыхание после быстрого бега. Когда мы ныряем в густую тень деревьев, довольная Ночь уже бежит рысцей. Я чувствую, она любит ветер не меньше, чем я.

* * *

Хочется скакать куда глаза глядят, но я отмечаю всё, что попадается мне на пути. Глупо будет заблудиться, возвращаясь обратно. Глупо и унижительно.

Спустя довольно долгое время, когда мои бёдра и спина уже начинают ныть от непривычной нагрузки, замечаю отблеск воды между деревьев. Нахожу место, где можно свернуть с тропинки. Осторожно пробираемся вглубь, избегая острых веток, пока не выходим к берегу небольшого лесного озера. Спускаюсь на землю и ещё какое-то время даю дрожащим ногам отойти от верховой езды.

Как же хорошо! Раскидываю руки в стороны и кружусь, чувствуя себя птицей.

Ночь направляется к пологому берегу озера, чтобы напиться. Я разубаюсь и иду за ней, внимательно всматриваясь в молодую поросль травы. Удивительно, но берег и дно покрыты очень мелкой белой галькой, а вода настолько прозрачная, что чуть дальше, в глубине, можно разглядеть короткие стебли водорослей.

Зачерпываю ладонью воду и наслаждаюсь освежающим сладким вкусом. Почти уверена, что здесь бьют ключи, иначе бы вода не была настолько чистой.

Побродив босиком по гальке, возвращаюсь на берег. Довольная Ночь щиплет молодую

траву.

Ложусь под деревом, раскинув руки и ноги. Сквозь ветви с весенней листвой видны редкие облака, горделиво плывущие по высокому небу.

Расслабляюсь и прикрываю глаза. Мирон, конюх, рассказывал, что здесь нет хищников. Охотники отогнали зверьё довольно далеко вглубь чащи. К тому же лес изобилует тропинками, значит, люди здесь — частые гости...

Подскакиваю от тихого ржания. Я что задремала? Наверное, сказывается стресс последних дней. Солнышко давно перевалило за зенит, и я порадовалась, что лицо было прикрыто тенью раскидистых веток. Даром, что ещё только середина весны, с такой бледной кожей лучше избегать высокого солнца.

Ночь тычется мордой в моё плечо и заглядывает в глаза.

— Думаешь, пора возвращаться домой? — глажу её по носу.

— Хрррр...

— Не хочется... здесь хорошо, — впервые с тех пор, как я очнулась, мне так спокойно. — Может, мне уволиться из герцогинь и переехать жить в какой-нибудь лесной домик? Буду держать свой огород, а по ночам купаться в озере голой.

— Хрр...

— А вот тут ты права... кто ж отпустит породистую кобылу на волю.

На умной мордочке отражается понимание.

Мы ещё какое-то время проводим у озера, после чего не спеша направляемся обратно. Конечно, стоило бы себя сегодня побережь и остаться в комнатах... но ощущение полёта и свободы стоили этого риска. Я боялась, что ноги снова перестанут слушаться, тогда у меня были бы секунды, чтобы что-то предпринять и оказаться на земле прежде, чем я перестану контролировать тело и лошадь. Но я ощутила такой прилив энергии от осознания седла под собой, что была уверена — всё будет хорошо. И, к тому же, в лесу я отлично вздремнула. Отдых и свежий воздух, прямо как и рекомендовал королевский лекарь.

К конюшням подъезжаю, когда солнце уже начинает клониться к горизонту. Интересно, пропустила ли я обед? Назойливо сосущее чувство под ложечкой подсказывает, что да. А как я вообще себе это представляю после всего случившегося? Присоединиться к вечернему пиршеству, видеть самодовольный блеск в глазах Дафны, смотреть на их с графом воркование, отвечать на фальшиво-заботливые вопросы Итеона... и? Делать вид, что меня это не заботит?

Как бы я ни старалась держать лицо, но я не бездушная кукла. И не желаю терпеть завуалированные оскорбления, делать вид, что не замечаю ухмылки и их загадочные перемигивания, смысла которых я не понимаю и явно не должна понимать.

Устроить, что ли, второй разгрузочный день на ключевой воде и фруктах? Хоть какая-то от всего этого будет польза. С каждым днём тело ощущается всё легче, а с лица пропадает одутловатость, которая смущала меня в первые дни.

Возле конюшен отмечаю нездоровую суету, кто-то из работников, завидев меня, бежит в сторону особняка, кто-то вскакивает в седло и мчится в сторону леса. Меня встречают сразу несколько слуг, мнутя, хотят что-то сказать, но явно не решаются. Даже толкают друг друга локтями в бока.

— Говорите, что хотите сказать.

— Да мы это... мы помочь вам, госпожа.

— Мне не нужна помощь, можете идти, заниматься своими делами. Сама справлюсь.

— Так не велено...

— Тогда кто-то один пусть идёт за мной. Остальные свободны, — специально добавляю строгости в голос.

Спорить не решаются. И правильно. Не стоит. От горстки слуг отделяется высоченный худощавый молодой мужчина и быстрым шагом направляется за мной.

Свидетели моей задранной юбки мне, конечно, не нужны, поэтому решаю не спускаться сама и позволяю снять меня с лошади. Работник делает это очень осторожно и даже легко. Хм, надо же, какая сила, а выглядит щуплым.

Благодарю его, пока он смущённо опускает глаза и краснеет до самых кончиков ушей.

Поворачиваюсь, чтобы расседлать лошадь, но мужчина дёргается и забирает у меня инициативу:

— Что вы госпожа, я сам это сделаю.

— Ладно. Спасибо большое за помощь, — не спорю, потому что понимаю бессмысленность. Но тут мне в голову закрадывается тревожная мысль:

— Надеюсь, у работников конюшен не было проблем из-за меня?

Мужчина окончательно тушуетя и растерянно озирается. Помощь ждёт? Но остальные работники уже занялись своими делами.

— Расскажите, пожалуйста.

— Его сиятельство очень негодовал, выяснял, кто помог оседлать, и кто посадил вас на лошадь.

— Кого-то наказали? — ужасаюсь запоздалой мысли.

— Нет, нет, — отшатывается работник, — господин очень редко наказывает, только когда действительно заслужили. Ну жалованье только грозился на этот месяц урезать, если не выяснится, кто вам помог.

— А если я сама себе помогла? Такое его сиятельству в голову не приходило?

— Да... как же это вы сами бы лошадь оседлали? — широко улыбается, молодой человек, явно посчитав это шуткой. — Да, чтобы благородная дэя? Да ещё и целая герцогиня?

— Ясно... не продолжай. И сколько граф пообещал урезать? Только не вздумай обманывать.

— Что вы, ваша светлость, никогда б не посмел. По четвертушке салера и снимут.

— С каждого, кто работает на конюшне?

— Нет, только с тех, кто утром сегодня работал, я да ещё четыре человека всего.

— Я улажу это, пусть не тревожатся.

Уверенные быстрые шаги заставляют встрепенуться, повернувшись в сторону выхода.

Даже на таком расстоянии успеваю разглядеть вздувшуюся и пульсирующую жилку на напряжённой шее. Обычно ледяные глаза сейчас обращены в чёрные омуты. Это так свет падает?

Внезапно ощущаю себя совсем маленькой и беспомощной. Подаюсь назад и пачусь, пугаясь в соломе, устилающей пол. Едва не теряю равновесие. Граф напряжённо замирает, меняясь в лице. А я успеваю взять себя в руки, резко разворачиваюсь и пускаюсь к противоположному выходу.

Он же не может?... Нет, он бы не стал!.. Я племянница короля и меня нельзя наказывать за такую ерунду...

Он же не может?... Нет, он бы не стал!.. Я племянница короля и меня нельзя наказывать за такую ерунду...

Шаги становятся всё ближе, и тело перестаёт слушать разум. Какой-то животный ужас гонит меня вперёд, очень знакомый ужас. Это уже было. Это уже было со мной. В голове происходит путаница из образов, и я начинаю задыхаться, словно на шею снова набросили невидимую удавку. Но тело не чувствует усталости и ноги несут в сторону особняка так, словно от этого действительно зависит моя жизнь. Какая-то маленькая часть разума пытается объяснить, что это неразумно и нелепо. Но голос разума теряется в потоке мыслей, образов и ощущений. Тёмные глаза, наполненные безумием, грубые руки, сжимающие тонкую шею, боль, растекающаяся по телу после падения, требование подчиниться и не перечить...

Это было со мной. Это не воображение. Это было.

Взлетаю по лестнице, напугав какую-то служанку.

Шаги так близко. Но я уже проскальзываю в свои комнаты и захлопываю дверь, едва не ударив ею по носу своего преследователя. Быстро защёлкиваю золочёный замок и наваливаюсь на дверь спиной, пытаюсь перевести дух. Дверь дёргается, но остаётся закрытой.

— Эммилина...

Приходится приложить усилие, чтобы протолкнуть в лёгкие воздух. Что со мной только что было? Что за образы?

— Эммилина... нам нужно поговорить. Открой... пожалуйста, — ожидаю услышать в голосе раздражение и ярость, но он звучит глухо...

От пробежки у меня начинает сводить обе ноги. Чтобы не вскрикнуть закусываю собственную ладонь. А уже в следующее мгновение начинаю терять чувствительность. Вот, гадство.

— Послушай, это уже несерьёзно, давай поговорим, как взрослые люди! Открой, не заставляй меня волноваться ещё больше.

Волноваться? Ему? Ах, ну конечно... за нами же присматривают. Не обольщайся, Эммилина, это всего лишь фальшивый спектакль...

— Уходите, граф, у меня нет настроения для разговоров, — изо всех сил пытаюсь контролировать себя, но удаётся с трудом. Голос звучит сипло, тогда как я очень хочу казаться уверенной и спокойной. Абсурдное, конечно, желание, после того, что я сейчас сделала.

— Эммилина... я могу выломать эту дверь... — не угрожает, просто тихо ставит перед фактом.

— Не посмеете, граф.

За дверью раздаётся хриплый и какой-то обречённый смех.

— Хорошо, Эммилина, хорошо... Жду тебя за обедом... как будешь готова... Я пришлю к тебе служанку. И кстати, ты бы не убежала, если бы я действительно пытался поймать тебя.

Как мило, а то я уж подумала, что неплохо бегаю. Поднимаю взгляд. Часы показывают пятнадцать минут седьмого. Обед уже должен был закончиться. Демон, решил поступиться

принципами и режимом, позволив мне обедать вне установленного правилами времени? Какой широкий жест...

За дверью слышатся удаляющиеся шаги. А я не теряя времени, тихо отпираю затвор и ползу к ближайшему дивану. Не хочу, чтобы меня снова видели в таком состоянии.

И где вся та сила, что бурлила во мне во время бега? Сейчас я ощущаю лишь слабость нетренированных мышц и тяжесть чуть полноватого тела.

“Адреналин” — подсказывает сознание.

“Допустим” — соглашается разум, смутно припоминая что это такое.

В дверь робко стучат:

— Позвольте войти, госпожа?

— Входи, Малия, дверь открыта.

— Могу я что-то сделать для вас?

— Буду благодарна, если накроешь здесь чай.

— Я мигом.

Возвращается с привычным набором на одну персону.

— Госпожа, его светлость интересуется, ко сколько вас ждать на обед.

— Передай, его светлости мою благодарность за приглашение, но скажи, что я утомилась и желаю отдыхать в своих комнатах. Если он будет настаивать, то напомни, что королевский лекарь рекомендовал мне больше отдыхать.

Понимаю, что последняя фраза звучит издевательски после того, что я сегодня делала, но мне всё равно.

* * *

Алексион-Кэссим

— Вы нашли её, Алекс?

— Нет, она вернулась сама и, хвала богам, цела и невредима. Каким-то образом стража разминувшись с герцогиней.

Итеон появился здесь накануне, как обычно, пройдя через точку искажения между нашими именами. И теперь пытается уловить суть происходящего, отказываясь верить в то, что я ему рассказал.

— Ты выяснил, как она оказалась верхом?

— Мне не удалось с ней поговорить.

— Что? Почему?

— Знаешь, в последнее время, её светлость весьма успешно избегает меня.

— Мы точно говорим об Эммилине Эон Нидао?

— Более того, Итеон: вчера она спросила, чего я добиваюсь. Я удивился вопросу и напомнил "забывчивой" герцогине, что не желаю этого брака...

— И?

— Она пообещала отказаться от помолвки.

— Вот так просто? Без условий, без угроз?

— Да. Просто... Слишком просто.

— Она точно что-то задумала. Или... Алекс, у неё есть кто-то другой! С самого начала кто-то был! Этим и объясняются её поведение и те изменения, которые с ней произошли!

— Тогда, зачем она приехала во Фрэй Дау? Монарх ждёт только её решения! — мои кулаки непроизвольно сжимаются, как и каждый раз, когда я вспоминаю, что моё мнение в вопросах моей же судьбы мало кого интересует. — Об этом я не подумал. Возможно, она предпочитает тебя, в качестве управляющего своим герцогством, ну и заодно, как трофей в копилку своих капризов. — Это было бы резонно, но здесь что-то другое. Я чувствую какую-то неправильность во всём происходящем... чувствую, но никак не могу уловить суть. — Тогда что? Приворотный ритуал? Спор? Мечь?...

Итеон продолжает перечислять, а я понимаю, что впервые за многие годы не могу просчитать её. Это меня злит, раздражает... интригует. Её внезапно проснувшаяся гордость, её сдержанность, её тайны. Когда она научилась так ездить верхом? Кто помог ей оседлать лошадь? Что с ней случилось на балу? Почему она с первого дня появления во Фрэй Дау избегает меня?... А она очевидно это делает...

— Кстати, эта её афера с тем, чтобы заставить тебя танцевать с ней... Алекс, может, это часть её плана мести? Имею в виду: подставить тебя, чтобы ты попал в немилость к монарху.

Я и сам много раз прокручивал в голове все возможные версии. И каждый раз в памяти всплывал её умоляющий взгляд и голос, от которого внутри всё переворачивалось, её сжавшиеся на моём предплечье пальцы... касание, на которое тело отреагировало самым неподобающим и постыдным образом... Чем больше я о ней думаю, тем больше мне кажется, что она не играла... нет, Эммилина слишком горда, чтобы позволить смеяться над собой... даже ради мести.

Я вконец запутался. Меня сбивают с толку её ответы, движения, незнакомые интонации голоса, даже её внешность... Её более чем скромный, но соблазнительный облик на балу, перешёптываясь и затаив дыхание, успели обсудить все молодые дио. “Порочная скромность” так окрестили герцогиню. Когда она скинула накидку и развернулась, мне показалось, что передо мной стоит незнакомка...

Я снова думаю о ней в непривычном ключе, и это безмерно раздражает.

— Уверен, она всё же что-то задумала.

— Или просто солгала тебе, а на самом деле вовсе не намерена отказываться от помолвки, — продолжает строить версии Итеон.

— Демоны, как же с ней сложно. Я обязан придумать что-то. Но ничего не приходит в голову. По её поведению я не могу судить о решении, которое она в итоге примет. Она слишком сдержана. Впервые в жизни мне хочется узнать, что у неё в голове.

— Алекс... возможно, у меня есть решение! Кое-что... одно средство... точнее, один эликсир, который можно дать Эммилине.

— Незаконный?

— Ну... не совсем... его применяют в отделе дознания... когда преступник отказывается говорить.

— Ты в своём уме, Итеон?

— Думаю, если дать небольшую порцию её светлости, то сможем узнать всё, что тебя интересует...

— Нет!

— Ой, да брось, на границе эта штука незаменима. Знаешь, сколько секретов мы таким образом раскрыли? Это спасло сотни, а то и тысячи жизней. Я лично проводил с её помощью допросы. И не раз.

— И кое-что припрятал для себя?

— Да так... осталось случайно, — отводит в сторону глаза, делая вид, что заинтересовался видом за окном. — Но сейчас не об этом. Сам эликсир не опасен, небольшое недомогание на пару дней, и всё. Допрашиваемые не помнят о том, что с ними было в момент допроса. Так что никто ничего не узнает.

— Я. Сказал. Нет! Итеон, я отвечаю за неё головой. Понимаешь? Отвечаю перед монархом! За всё, что происходит, пока она гостит в моём имении. То, что ты предлагаешь, уже нельзя списать на шалости и "скверный характер будущего супруга". И дело не только в этом. Я не хочу так поступать с ней...

Поворачивается и резко подходит ко мне, обеспокоенно заглядывая в глаза:

— Алекс, да что с тобой?? Я не узнаю тебя! Что, если Эммилина задумала нечто опасное? Мечь, которая сломает твою жизнь? Ты об этом подумал? Мы не знаем, какую игру она ведёт, но сейчас ты ещё сможешь остановить её! Потом будет поздно!

— Мы закрыли это вопрос, Итеон. Ты сам понимаешь...

Осторожный стук заставляет прерваться. После моего дозволения дверь приоткрывается и в проём просовывается голова горничной.

— Ваше сиятельство? Вы сказали подойти, если... — замечает Итеона и бросает неуверенный взгляд в его сторону. — Добрый вечер, господин барон.

— Можешь говорить.

— Её светлость снова отправилась на прогулку в дальнюю часть сада. Только что.

— Благодарю Харита. Ты свободна. Можешь идти.

Служанка подобострастно склоняется и исчезает.

— Дальняя часть сада? Думаешь, у неё там свидания или некий "подельник" по интригам?

— Харита пока не видела, с кем она встречается. Оба раза герцогине удавалось буквально исчезнуть с тропинки. Её горничная наверняка в курсе, но отказывается говорить, утверждает, что дала клятву молчания.

— Если у неё свидания, ты должен быть рад. Да? — Я рад, — запускаю руку в волосы, вороша их. Дурацкая привычка, когда я нервничаю. Итеон подозрительно щурится, замечая этот жест:

— Неужели не хочешь выяснить, что она скрывает? — вкрадчивый тон его голоса мне не нравится.

— Хочу. Но не таким способом... Не вздумай в это лезть, Итеон.

Глава 30. День шестой

Утром, едва я поднимаюсь, в спальню заглядывает Малия.

— Доброе утро, госпожа. Мне велено проследить, чтобы вы отдыхали. Завтрак будет доставлен в ваши комнаты.

Какая забота. А всего-то стоило узнать, что кто-то здесь шпионит для Его Величества. При мыслях о демоне и без того гадостное настроение падает ещё ниже.

На завтрак накрывают целый стол разнообразных блюд. Но каши среди них не наблюдаю.

— Малия, попросите приготовить для меня кашу, которую я ем по утрам.

Девушка не спорит и уже, похоже, ничему не удивляется. Быстро удаляется и возвращается с подносом.

На этот раз каша подана в изящном фарфоровом горшочке с золочёными ручками. Горячая, сдобренная кусочком сливочного масла и, похоже, с добавлением ванили и корицы. Посыпанная свежими ягодами и дроблёными орехами. Мне хватает половины порции, чтобы наесться и ощутить приятную сытость.

— Разве вы не хотите попробовать всё остальное, госпожа? — задумчиво спрашивает горничная, когда понимает, что я не притронулась ни к одному из принесённых ранее блюд.

— Нет, не хочу. Спасибо за заботу, Малия. Оставь фрукты для Ночи и если есть что-то подходящее для Лиса. Остальное пусть заберут.

— Конечно, госпожа, как скажете.

— А ещё предупреди дио Хэмиса, о том, что я собираюсь прогуляться в саду и буду ждать его возле малого фонтана.

* * *

— В поместье все только и обсуждают ваш вчерашний заезд верхом, ваша светлость, — сразу после приветствия сообщает лекарь.

Да уж... а во дворце все обсуждают позавчерашнее фиаско неуклюжей герцогини.

— У меня было плохое настроение, виконт. Лошади меня успокаивают.

— Неужели? Помнится, раньше вы на дух их не переносили.

— Разве?

Он берёт мою руку и поднимает:

— Вот, видите, — указывает пальцем на едва заметные тонкие белые полоски шрамов. — В детстве вас укусила лошадь, и с тех пор вы старались держаться от них подальше.

Что?

— И что же... я не пыталась преодолеть свой страх и покататься верхом?

— Верхом? Ваша светлость, о том, чтобы дэ кататься верхом и речи не идёт. Я говорил лишь о том, что вы и близко к лошадям не подходили.

Ээээмм... ну вот, ещё и это. Слишком много странного происходит со мной. Все эти видения, которые я ощущаю частью своего прошлого, навыки, которых не могло быть у прежней меня... словно часть своей жизни я провела в совершенно другом мире. Не знаю,

как такое возможно, но... или это так... или я схожу с ума... но уверена, что об этом не стоит знать даже моему наставнику.

— Значит, дэи совсем-совсем не катаются верхом? — слабо надеюсь, что всё не так категорично и бывают исключения.

— Это слишком опасно! Женщины, в отличие от мужчин, не приспособлены к таким нагрузкам.

Это я и сама сегодня ощутила в полной мере. Мышцы буквально горят, даже тёплая ванна вчера не особо помогла.

— А как же служанки? Вы вообще знаете, как натренированы руки у прачек? — вспоминаю тех, что помогали нам с Малией красить моавин.

— Так, то слуги. А мы говорим о благородных дэях.

— Глупость какая. Любая женщина может тренироваться, если захочет.

— И как вы себе это представляете? Может, вы ещё и штаны дэям надеть предложите?

— А это мысль! В штанах было бы гораздо удобнее. Если честно, все эти громоздкие наряды — ужасная пытка, дио Хэмис. Кстати, давайте пройдем мимо конюшен. У меня с собой угощение для Ночи.

При нашем приближении работники конюшен напрягаются и провожают меня очень долгим, внимательным взглядом. Тут же, как из-под земли, появляется Мирон.

— Доброе утро, госпожа. Могу я быть вам чем-то полезен?

— Доброе утро, Мирон. Будете следить за мной?

— Простите, госпожа, буду помогать и отвечать за вашу безопасность.

— Я так и подумала, — улыбаюсь ему широко и наблюдаю, как парень немного расслабляется. — Не беспокойтесь, не буду я сегодня покушаться на ваших лошадок. Только угощу их вкусеньким. Кстати, попросите подойти тех, кому его сиятельство обещал урезать жалованье в этом месяце.

— Конечно, госпожа, — Мирон отбегает к одному из рабочих и что-то говорит ему, не забывая одним глазом косить в мою сторону. Тоже мне нянька.

Прохожу к денникам и сначала направляюсь к Ночи. Мирон догоняет и не отстаёт ни на шаг, чем вызывает у дио Хэмиса весёлую ухмылку.

Угостив и погладив Ночь, подхожу к паре жеребят и протягиваю и им по сочному аникану. Мирон кивает лошадам, словно подтверждает, что это не опасно и она могут взять. Надо же, какие умницы.

Возле выхода уже собрались работники, которым вчера влетело от графа из-за меня.

Достаю из кармана мешочек монет и протягиваю каждому по две четвертушки салера. Это вдвое перекроет сумму, которую граф пригрозил вычесть из их оплаты.

Не ожидавшие такого работники, радостно кланяются, переглядываются и возносят хвалу богам. Только этого мне здесь не хватало. Останавливаю их и прошу вернуться к своим делам.

— Мирон, а это для вас, — протягиваю целый салер. — В благодарность за чудесный ужин в вашем гостеприимном доме и на подарки для вашей семьи.

— Что вы, госпожа, — краснеет юноша, — для нас было честью разделить с вами трапезу.

— Не скромничайте, берите.

— Благодарю, госпожа!

Решаю больше не отвлекать людей от работы и направляюсь с дио Хэмисом в сторону

сада.

— У меня два важных вопроса к вам, дио Хэмис. Сначала расскажите, удалось ли что-то выяснить по моему здоровью? Я понимаю, что вы не раз осматривали меня, и всё указывает на то, что я здорова, но проблема-то осталась. Вы упоминали, что отправили запросы в Лекарские Академии, может усмели прийти какие-то ответы?

— Те ответы, что уже получены, совершенно бесполезны. Ни одного нового совета или хотя бы зацепки. Всё, что они рекомендуют, мы с вами опробовали ещё до приезда во Фрэй Дау. Я также выписал несколько редких книг по лекарскому делу из столичного королевского архива. Изучаю их последние дни, но, к сожалению, ни одного случая, похожего на ваш, там не описано.

— Хорошо, будем надеяться, что среди остальных ответов будет хоть что-то полезное. А теперь расскажите мне, пожалуйста, о состоянии герцогства.

— О, с этим вам сто́ит обратиться к управляющим.

— Вы же наверняка можете описать примерную ситуацию?

— Хорошо, я попробую. Территория герцогства довольно обширная. Самый большой город — Ла Дэрвиль. Это портовый город, через который проходит практически вся торговля со странами большого юга. А, как вы знаете, они наши союзники, в отличие от некоторых северных соседей...

— Сейчас меня больше интересует моё герцогство, дио Хэмис.

— Ну да, конечно. Помимо Ла Дэрвиль, есть ещё пять городков поменьше и деревушки.

— Основные источники дохода?

Лекарь подозрительно косится в мою сторону, но продолжает:

— Должно быть, налоги, собираемые с населения. Ну и отдельный налог с торговли в порту.

— Наверняка же есть какие-то мануфактуры? У графа их несколько и как я успела узнать, они довольно прибыльны, — поясняю вопрос.

— Так, давайте подумать. Кажется, ткацкая, сыродельни, что-то связанное с переработкой рыбы, песка, кузницы, разумеется, есть мельницы. Хмм...

— Эээм... всего лишь? — насколько я понимаю, для обширного герцогства это ничтожно мало. Например, в графстве процветает добыча и переработка железной руды, так что я надеялась услышать о чём-то не менее масштабном в Эон Нидао.

— Ох, ваша светлость, лучше всё-таки спросить у управляющих. Уверен, это не всё, но я никогда не интересовался данным вопросом.

— Ладно. А какие у нас проблемы?

— Проблемы?

— У любого предприятия есть свои проблемы.

— Какого предприятия?

— Я, наверное, хотела сказать земель.

— Ах это... Видите ли, я проживаю в имении и получаю жалованье, а посему не особо интересовался положением дел. Разве что... — он задумывается, словно решает, стоит ли продолжать, — ходят слухи, что казна Эон Нидао поиздержалась. Вы весьма потратились на платья, ткани и украшения, очень хотели удивить всех своим роскошным появлением после длительного траура...

Так и знала, что и здесь “постаралась”...

— ...управляющие пытались объяснить вам, что нужно быть аккуратнее с расходами, но

это ваше наследство и вам по статусу никто не имеет права перечить... точнее, перечить-то могут, но вы власть и закон в своём герцогстве. Вдруг оскорбитесь и назначите суровое наказание. А своя шкура каждому дороже всего.

— Ясно. Можете не продолжать.

— Собственно, это и подталкивает Его Величество ускорить вашу помолвку.

Вот же ж...

— Виконт, я хочу попросить вас привезти для меня бумаги о состоянии казны герцогства, обязательных налогах и доходах. А ещё мне нужны отчёты по мануфактурам и численности населения. И пусть каждый управляющий напишет заметку: меня интересуют основные проблемы и их видение того, что нужно делать, чтобы эти проблемы решить. Убедите их, пожалуйста, что меня не интересуют льстивые данные. За честность награжу. За ложь — ммм... просто скажите: пусть не пытаются меня обмануть.

С каждым словом лицо наставника всё больше вытягивается, а правый глаз начинает едва заметно подёргиваться:

— Простите, ваша светлость, но для чего вам это всё нужно?

— Я герцогиня. Разве нет? Я должна знать, что происходит с землями, за которые я отвечаю перед короной! Ну и ещё мне неприятно слышать гадкие шуточки про "герцогиню на грани разорения".

Вообще-то, слова Алессиньи меня не только задела, но и заставили нервничать. До этого я не задумывалась о казне Эон Нидао. Вокруг меня были роскошь, платья, драгоценности, королевский экипаж, огромные и роскошные особняки со слугами... А всё это может оказаться лишь вишенкой на протухшем тортике...

— Такие вопросы обычно решают мужчины, ваша светлость.

— Только мужчины?

— Нет, ну бывает, что и вдовы управляют землями, но так то редкость большая.

— А я хочу сама управлять своим наследством. Я должна убедить Его Величество, что справлюсь без опекунов и мужей. Понимаете?

— Значит, вы действительно намерены расторгнуть помолвку? Простите, ваша светлость, понимаю, что это не моё дело, но вы столько лет этого ждали, да и ваш покойный батюшка ратовал за помолвку с Алексием-Кэссимом Фрэй Дау...

— Хватит. Этот вопрос больше не обсуждается.

Ещё раз услышу, что сколько-то там лет ждала этого... этого... arrr! Хочется пойти и стукнуться головой о стену!

— Хорошо, да, конечно, простите меня. Тогда мне потребуется письмо, заверенное вашей личной печатью, иначе управляющие не имеют права передать мне бумаги такой важности.

— Как вы помните, мне ещё тяжело даётся письменность на родном языке...

— Я могу составить письмо за вас, вам останется лишь заверить его личной гербовой печатью.

— Спасибо, так и сделаем. Сколько времени потребуется на сборы?

— Дилижанс проезжает каждый день, если сейчас всё подготовим, то сегодня же отправлюсь в имение...

Я собиралась ещё навестить Лиса, но теперь решаю оставить прогулку к нему на вечер. Сейчас важнее завершить дела. Нужно понять, как мне построить разговор с Его Величеством. А для этого я должна показать владение ситуацией и хотя бы примерный план

самостоятельных действий.

Есть ли у меня шанс добиться хоть временной свободы?

Бал дал мне очень хорошее представление, о том, что я превратилась в добычу. Конечно, не я сама, а титул, земли и власть. Поэтому, даже если мне удастся разорвать помолвку с графом, меня не оставят в покое.

Наоборот. Кажется, некоторые дио только и ждут, когда начнётся сезон охоты на герцогиню.

Глава 31. День седьмой

Вчера, когда составляли доверенность, поняла, что пора навёрстывать и письменность. Иностраный язык в моём блокнотике — это хорошо. Но кроме меня его, похоже, никто не понимает. Почти весь предыдущий вечер провела в библиотеке особняка. Искала книги на этом языке, но ничего не нашла.

Обращаться за помощью к самому графу, конечно, не стала. Даже посмеялась, когда представила, как подхожу к нему и прошу помочь найти мне книгу. Скорее всего, на такой случай у него заготовлена для меня какая-нибудь гадость. Что-то в духе: “герцогиня придумала новый способ привлечь моё внимание”. Ненавижу! Мысленно беру тяжёлую книгу и бью графа по голове. Становится немного легче, но горло ещё долго сжимает спазм от обиды за всё, чем меня “наградил” голубоглазый деспот.

— Госпожа, не желаете попробовать десерт?

Малия заботливо ставит передо мной тарелку с очаровательными пироженками, украшенными ягодами и кусочками фруктов. Почти как во дворце... Значит, мне не показалось, что меня тогда раскусили. Наверняка посмеялись над моим побегом с террасы, полной столиков с угощениями.

Мозг автоматом выдаёт возможную реплику графа или Алессиньи: “похоже, мы помешали герцогине поохотиться на вожделенные сладости”... ну вот, опять... мысленно беру поднос со сладостями и ссыпаю их на голову графа и этим же подносом даю подзатыльник брюнетистой стерве.

Не хочу об этом думать, но все события последних дней кипят внутри раскалённой лавой. Мне то хочется забиться в какой-нибудь угол, то найти своих обидчиков и высказать всё, что я о них думаю... но зная себя... скорее найду тихий угол.

Слабачка...

Отодвигаю тарелку с пирожными. Их очарование покрыто пеплом гадких воспоминаний.

Малия удивлённо приоткрывает рот, но молчит, держит своё мнение при себе. Вот и умница.

Как и завтрак, обед подают в мои комнаты. Разнообразие блюд впечатляет, а от богато сервированного стола исходят изумительные ароматы. Но аппетита это не вызывает. Скорее наоборот — отторжение и желание послать всё куда подальше.

Мне не нужно его снисхождение, я не готова проглотить предыдущие выходки и мило улыбаясь, радоваться тому, что меня, наконец, соизволили хотя бы кормить в соответствии с правилами приличий и моим статусом... Мне вообще от него ничего не нужно, и потому еда на столе только раздражает.

— Малия, ты ведь хотела сегодня вечером навестить родных в селении? Возьми пирожные, будет им угощение.

— Что вы госпожа, как можно?

— Я не в настроение есть сладкое. Чего добру пропадать?

Девушка забирает тарелочку с горящими от восторга глазами и улыбкой, полной благодарности. Улыбаюсь в ответ. Похоже, на этом мой обед закончен.

Хочется выйти в сад, найти Лиса и обнять его, в надежде, что удастся переключиться на более приятные мысли.

Обуваю удобные ботиночки и спешу наружу, мне снова становится душно и это при том, что окна в комнатах почти всё время распахнуты.

* * *

Малия теперь прячет миску с едой в дальней, более дикой части сада, в дупле огромного дерева с какими-то мелкими плодами. Здесь уже нет замысловатых цветочных клумб, деревья и густые кустарники не выстригаются, а белая гладкая каменная крошка не покрывает идеально ровные дорожки.

Забираю миску и предвкушающе топаю к кустам.

Вчера пришлось ждать пушистую мелочь, он пришёл не сразу, и я даже заволновалась. Надеюсь, сегодня он будет где-то неподалёку и услышит, когда я позову.

Алексион-Кэссим

Осторожный стук заставляет прерваться от работы с бумагами. Дверь приоткрывается и в проём просовывается голова служанки.

— Ваше сиятельство, её светлость снова направилась в дальнюю часть сада.

— Благодарю Харита. Можешь быть свободна.

* * *

Из-за кустов раздаётся звонкий смех и я подкрадываюсь ближе, ощущая, как кровь внутри начинает закипать.

— Если бы могла, то провела бы здесь с тобой весь вечер... и все последующие дни... Может, мне вообще не стоит возвращаться в особняк? Как думаешь?... Иди ко мне... — от нежности в её голосе грудь неприятно сжимается изнутри. Итеон был прав... все изменения Эммилины из-за её любовника. Как и та лёгкость, с которой она пообещала расторгнуть помолвку.

Я должен испытывать облегчение, но внутри поднимается острая волна досады. Нужно уйти. Уйти и оставить всё как есть. Для меня это хорошо, это то, о чём я уже и не мечтал.

Отступаю... но сделав несколько шагов, разворачиваюсь. Ноги сами несут меня к скрытой от посторонних взглядов крошечной полянке между кустами цветущей сахении.

Что я сделаю, когда окажусь там? Что я могу предъявить после того, как сам пытался убедить Эммилину в наличии любовниц?

Я не думаю об этом. Возможно, увидев всё своими глазами, я перестану думать о ней. Смогу выкинуть из головы, как застрявшую болезненную занозу...

То, что открывается моему взору, заставляет замереть и затаить дыхание.

Эммилина лежит на свежей весенней траве, прижимая к себе... дикого цайра? Она улыбается и что-то шепчет животному, которое урчит и порывается, явно наслаждаясь её ласковыми руками в своей густой шерсти. Роскошные волосы Эммилины разметались по траве, а щёки покраснелись. Подол платья немного задрался, обнажив босые розовые ступни по самую щиколотку и заставляя меня тихо сглотнуть.

Дыхание перехватывает и тело вновь предаёт меня. По позвоночнику пробегает горячая волна, отдаваясь внизу и одновременно кружа голову. Делаю резкий шаг назад, готовый

сбежать, но наступаю на ветку. Цайр взвизгивается, вырываясь из рук девушки. Эммилина ахает и садится, выпуская животное из рук. Теперь я вижу, что это совсем малыш. Его шерсть дыбится, а оскал обнажает ряды маленьких острых зубов. Делаю шаг вперёд, смотря ему прямо в глаза. Цайр поджимает уши и скуля пятится от меня. А потом и вовсе ныряет в кусты.

Тоже мне защитничек.

— Дикие цайры опасны, ваша светлость, — собственный голос раздражает хрипотцой, и я стараюсь привычно придать ему холодности.

— И вы решили позаботиться обо мне, спугнув моего питомца? — её взглядом можно поджигать костры. Но я не могу удержаться от того, чтобы приблизиться ещё немного.

Нужно уходить. Сейчас же. Пока не натворил глупостей. Но замечаю, как девушка пытается незаметно потереть запястье. В один шаг оказываюсь рядом, опускаюсь на колени и перехватываю руку. Запястье рассекают две тонкие царапины, из которых уже сочится кровь.

— Вот видите, герцогиня. Нужно срочно обработать рану.

— Эти царапины не ваше дело, граф. Если бы вы не напугали его... — она вырывает руку и по-детски прячет её себе за спину. — Идите куда шли, ваше сиятельство.

Эммилина хмурится и избегает встречаться со мной взглядом, явно расстроенная моим вторжением в своё маленькое тайное убежище. Но уже через мгновение она гордо расправляет плечи и одной рукой пытается незаметно нащупать в траве небрежно отброшенные туфельки.

Такая трогательная, с растрёпанными волосами и недовольно опущенными уголками чувственных губ.

Знаю, что потом пожалею, но это выше меня...

Одной рукой перехватываю и прижимаю к телу её локти, второй придерживаю затылок, практически обездвиживая Эммилину. Всё, что она успевает — короткий вдох, после чего накрываю её губы своими, теряясь в ощущениях.

По телу вихрем проносятся горячие волны, заполняя сознание эйфорией. Прижимаю сильнее, пытаюсь ощутить каждый изгиб сквозь слои плотных тканей. В голове взрываются мириады звёзд, но я не могу насытить свой голод. Нежные руки отталкивают меня, но всё, о чём я думаю, это как она касается меня... хочу ещё. Хочу, чтобы она разжала эти белые зубки и впустила меня. Хочу, чтобы запустила свои ласковые пальцы в мои волосы, чтобы прижималась сама... Резкая боль отрезвляет, вырывая из эйфории, заставляет замереть и перевести взгляд на испуганные, полные слёз серые глаза.

Эммилина дрожит всем телом и явно не от удовольствия. Она прижимает руки к груди, словно пытается закрыться от меня. На её губах следы алой крови. Моей крови. Она прокусила мою губу.

Боги, что я наделал...

— Эммилина... прости... прости, не знаю, что со мной...

Лгу. Прекрасно знаю. Хочу её до дури. До помутнения рассудка. И ненавижу себя за эту слабость.

Помогаю ей подняться и опускаюсь, чтобы отыскать её обувь. Нужно найти слова, чтобы объяснить с ней. Но *как* мне объяснить то, что сейчас произошло? Нащупав первую туфельку, оборачиваюсь, чтобы отдать ей, но успеваю заметить лишь край подола платья, скрывающегося за кустами.

Демоны! Выбегаю следом, но Эммилина словно ветер несётся в сторону особняка. Убегает. От меня. Снова. На этот раз я не бегу за ней, не хочу напугать ещё больше. Нужно разобраться и для начала объяснить хотя бы самому себе, что происходит.

Я хочу вернуть её? Я готов поверить в то, что она изменилась? Может ли всё это быть частью какого-то изощрённого плана мести? Вспоминаю испуганный растерянный взгляд серых глаз, дрожащее тело и неосознанные попытки закрыться от меня руками.

Она боится меня?

Бежать. Бежать быстрее.

Мысли путаются, качая меня на качелях переполняющих эмоций. Страх. Волнение. Растерянность. Обида. Ощущение его горячих губ. Ненависть. Непонимание.

Кусаю собственную губу, пытаюсь стереть это ощущение, заменить его другим: болезненным, острым.

Это просто новый, какой-то изощрённый способ поиздеваться надо мной.

Ступени. Удивлённо обернувшийся стражник. Коридор. Дверь. Вбегаю в свои комнаты. Резко хлопаю. Запираю изнутри. Пытаюсь отдышаться. Лёгкие словно горят. Замечаю, что обеденный столик уже накрыт, блюда прикрыты серебряными крышками, но даже так в комнате витает приятный аромат. Малия перед уходом обещала позаботиться об этом. Вот и славно. Обслужить я себя и сама могу, значит, моё общение с окружающими на сегодня закончено...

Прохожу в большую ванную комнату и стаскиваю с себя одежду, переодеваясь в домашнее платье. Нужно перестать думать. Просто перестать думать.

Лёгкий ужин. Вспоминаю, что Малия придёт ранним утром, и отпираю затвор двери. Коридоры имения, как и вся территория, патрулируется стражниками, которые стараются оставаться незаметными, но всё же незримо охраняют покой и безопасность обитателей Фрэй Дау. Уверена, граф не посмеет заявиться поздним вечером.

Делаю шаг обратно и меня немного ведёт. Что-то странное происходит с комнатой... наваливаюсь на спинку дивана, но руки слабеют, не выдерживая вес тела... колени подгибаются... что...

* * *

Громкий вскрик врывается в сознание и разрывает тьму. Приоткрываю глаза, с трудом осознавая себя. Холод тут же приветствует моё пробуждение. Я лежу на мраморном полу и комната, погружённая во полутьму, водит вокруг меня хороводы.

Топот ног, мужские голоса, плач. Отблески свечей на потолке. Снова топот. На этот раз, удаляющийся.

Пытаюсь пошевелиться, но тело затекло от неудобной позы и не слушается. Голова кажется и вовсе неподъёмной. Меня мутит и что-то стягивает кожу над глазами. С трудом поднимаю руку, провожу по лбу. Под пальцами ощущается странная шершавая корочка. Путешествую по ней до слипшихся волос.

Нужно подняться и рассмотреть себя в зеркало. Новая попытка привстать и... ничего. Я не могу оторвать голову от пола. Словно привязана к нему за волосы. От такой беспомощности становится страшно. Страшно и обидно.

Слёзы чертят влажные дорожки по вискам. Твёрдый мрамор впивается в тело, он уже давно пропитал своим холодом каждую клеточку, проник в каждый внутренний орган. Вспоминаю, что ковры в моей гостиной, так и не появились.

Нужно собраться и думать, как быть, но нет сил. Тихая истерика держит за горло своими цепкими пальцами, мешая прийти в себя.

Да чем же я так провинилась? Это мои наказания за прошлое?

Звук торопливых шагов по коридору и дверь осторожно приоткрывается. Полутьма помещения смешивается с тёплым светом свечей в руках моего инквизитора. За ним выглядывает бледное, испуганное личико Малии, которая прикрывает рот руками, словно боится закричать. Обессиленно прикрываю глаза в попытке избавиться от накатывающей тошноты. Нужно перевести дыхание, успокоиться. Не хочу, чтобы он видел слёзы, не хочу быть перед ним слабой.

— Эммилина... — граф тут же опускается на колени перед моим телом, — боги, что произошло?

Малия всё же не выдерживает и начинает подвывать.

— Успокойся, Малия. Хвала Богам, она жива.

— П-простите, мой господин! Это моя вина! Если бы я вчера не отпросилась навестить семью, то этого бы не случилось...

— Значит, вечером тебя не было в имении?

— Да, господин. Её светлость сказала, что воспользуется услугами других горничных, если ей что-то понадобится, — всхлипывает через каждое слово.

Нужно сказать ей что-то ободряющее, чтобы перестала так переживать...

Приоткрываю глаза и пытаюсь хоть на чём-то сфокусироваться. Комната продолжает кружить вальс. Перевожу взгляд на своего персонального демона. Граф сосредоточенно ощупывает меня. Идеальные брови нахмурены. Вместо ожидаемой усмешки — сжатые в напряжении губы. Рубашка небрежно застёгнута, будто на ходу или в спешке. Влажные волосы падают на лоб и он то и дело небрежно откидывает их рукой. Значит, был в ванной. Так рано встал или ещё не ложился?

Наконец, нахожу взглядом Малию, которая делает робкий шаг ближе и немного наклоняется ко мне. В глазах вина и тревога.

Пытаюсь разлепить губы и заговорить. В этот момент граф поднимает подсвечник выше. Глаза Малии округляются, и она резко отшатывается, издавая невнятный сдавленный возглас.

— Молчи! — резко бросает служанке мой инквизитор, тут же поднимается и оттягивает ошарашенную служанку в сторону. — Принеси мне ножницы. Быстро!

Малия выбегает за дверь, а граф уходит, но тут же возвращается с толстым пледом, который осторожно подсовывает под меня.

Всё это время смотрю на него, от всей души желая прожечь взглядом дыру.

— Какая забота... — наконец, удаётся выдавить хоть что-то. Получается сипло, но это уже мелочи. Хочется усмехнуться, но это пока выше моих сил.

— Эмми... послушай, я не знаю, кто это сделал, но обязательно выясню. Как это произошло?

— Малия ушла, к чему спектакль, ваше сиятельство? Думаю, вы лучше меня осведомлены о том, *что* именно здесь произошло. Давайте не будем делать из меня дуру.

Хочется узнать, что с моими волосами и зачем демону ножницы, но какая-то внутренняя вредность и гордость мешают задать такие важные и нужные вопросы.

— Клянусь, я не причастен к этому.

Мой взгляд выражает всё, что я по этому поводу думаю. Даже скептически приподнимаю бровь, чтобы у графа не осталось сомнений. О чём тут же жалею, потому что это маленькое движение отражается болезненным ощущением в области лба.

Демон наклоняется, обхватывая тёплыми ладонями моё лицо. Нежно. Слишком нежно для того, кто обещал превратить мою жизнь в ад.

Пытаюсь отвернуться, но сделать это не получается и я отмахиваюсь от его рук, продолжая прожигать его взглядом. Его большие пальцы едва успевают коснуться висков, стирая ещё влажные дорожки слёз, и исчезают, оставляя на коже ощущение пустоты.

— Как это произошло? — хмурится.

— Хотите знать, много ли я помню? — хоть и произношу сквозь сжатые зубы, но выходит сипло и жалко.

— Эммилина... я отвечаю за твою безопасность перед Его Величеством... как бы абсурдно сейчас это ни звучало. И ты знаешь об этом.

Дио Хэмис упоминал, что пока я нахожусь в имении Фрэй Дау, граф несёт ответственность за моё здоровье. Но только за здоровье. Идиотские выходки и оскорбления к ним действительно не относятся. А то, что произошло, судя по всему, где-то на грани между жестоким розыгрышем и покушением. Я могла бы подумать, что сейчас граф умело пытается ввести меня в заблуждение, но правда в том... что отвечать за это всё равно придётся ему.

— Представь хоть на мгновение, что это сделал кто-то посторонний. Я обязан провести расследование...

Логично.

— Хорошо, ладно, — пытаюсь собраться с мыслями: — Вчера... после ужина я подошла к дверям, чтобы отпереть их для Малии, которая каждое утро приходит очень рано... чтобы подготовить утреннее платье. А когда разворачивалась, чтобы направиться в спальню... мне показалось, что комната поплыла, в следующую минуту я, вероятно, уже отключилась. Очнулась, когда услышала крик. Демон задумчиво хмурится, оглядываясь на столик, за которым я ужинала, затем подносит свечу к тумбе, что находится прямо над моей головой и внимательно её осматривает.

— Предполагаю, что тебе добавили что-то в еду или напитки, а угол этой мозаичной тумбы рассёк кожу на голове, когда ты падала. Демоны... трижды демоны...

Закрывает глаза и трёт лицо ладонями, затем пятернёй нервно откидывает назад упавшие на лоб волосы.

— Я всё принесла, господин, — Малия отчего-то старается обойти меня стороной, передавая графу свою ношу.

— Пусть откроют лекарскую комнату, найди там синий сундук с медикаментами, он мне нужен. И, Малия... я не люблю болтливых слуг.

— Конечно, господин, — она кланяется, бросает на меня жалостливый взгляд и, как мне кажется, облегчённо покидает комнату.

Интересно, а как граф относится к болтливым герцогиням? Ещё не до конца понимаю, что со мной произошло, но отчего-то, мне кажется, дядюшка-король таким приключениям не обрадуется.

Вид хмурого графа, замершего рядом со мной с острыми ножницами в руках, заставляет подобраться и напрячься. Мой испуганный взгляд встречается с ледяной бездной, и он вздрагивает:

— Эммилина... — мне совсем не нравится эта пауза и хрипотца в его голосе, словно ему нужно собраться, прежде чем вынести мне окончательный приговор.

Начинаю тихо паниковать и делаю очередную попытку освободиться, дёргая головой.

Резкая боль и тёмные пятна перед глазами сообщают мне, что шансы выбраться самостоятельно стремятся к нулю.

— Тшщ, не нужно. Тихо. Тихо, не дёргайся, — наклоняется ниже и проводит свободной рукой по скуле, едва ощутимо поглаживая при этом большим пальцем.

А затем поднимает ножницы над моей головой.

— Тшиш, не нужно. Тихо. Тихо, не дёргайся, — наклоняется ниже и проводит свободной рукой по скуле, едва ощутимо поглаживая при этом большим пальцем.

А затем поднимает ножницы над моей головой.

— Мне придётся обрезать часть твоих волос... прости... — нервно выдыхает и перемещается чуть назад.

Ножницы щёлкают, а я пытаюсь осознать происходящее.

— Это сок мовянки. Его невозможно смыть сейчас, когда он уже застыл.

Мовянки? Попытка порыться в собственной памяти привела к... ничему. Не помню никакой мовянку.

Он хмурится, продолжая сосредоточенно работать ножницами.

По мере того как голова освобождается от оков, пытаюсь осторожно повернуть её. Малейшее движение отдаётся неприятными ощущениями в затёкшей шее. Зато теперь мне видно сосредоточенное и напряжённое лицо графа. Наблюдаю, как он осторожно прядь за прядью обрезает что-то с моих волос. Пытаюсь повернуться чуть больше, чтобы рассмотреть что там, но вздрагиваю от неприятных ощущений.

Граф переводит на меня обеспокоенный взгляд.

— Не нужно... потерпи ещё немного, пожалуйста, — от чего-то переходит на шёпот.

Прекращаю попытки добить себя и смотрю на огромное, почти от самого пола, приоткрытое окно. Сквозь слабо колышущуюся прозрачную занавеску проникают первые робкие отсветы восходящего солнца.

Мой инквизитор перемещается, останавливаясь сбоку, наклоняется и подсовывает руки, пытаюсь поднять меня.

— Не нужно! Я сама.

Замирает. Смотрит на меня с сожалением, чем только больше злит. Пытаясь доказать собственную самостоятельность, поднимаюсь без его помощи. Получается слишком резко, отчего меня слегка ведёт. Его руки пытаются подхватить, но я уворачиваюсь и пытаюсь обернуться, чтобы рассмотреть то, что держало меня на мраморном полу.

Демон резко разворачивает обратно за плечи, мешая это сделать.

— Нет. Не смотри...

Вырываюсь, отталкивая его, но тут же замираю, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота. Резко поднимаю ладони, закрывая собственный рот.

— Мм!

Граф тут же становится передо мной, закрывая обзор, подхватывает, прижимая голову к своей груди, но картинка уже стоит перед глазами.

Там на полу, между мозаичной тумбой и диваном, лужей застыла прозрачная жижа, внутри которой, вперемешку с прядями моих каштановых волос, увязли пауки, крупные сороконожки и ещё какая-то неизвестная мне, но не менее отвратительная гадость.

“Арахнофобия” — умничает память, словно пытается добить меня сомнительной и бесполезной информацией.

Вдох. Ещё один вдох. Ещё. Дышать. Обязательно нужно дышать.

Оцепенение отпускает, и я делаю вторую попытку оттолкнуть демона. Выskalзываю из его рук. Он дёргается ко мне, но я делаю ещё один шаг в сторону, не позволяя снова

перехватить себя.

Растерянно замирает, опустив руки с напряжённо сжатыми кулаками.

— Это всё лишнее. Я вполне способна позаботиться о себе дальше сама, — стараюсь говорить спокойно, изо всех сил скрывая дрожь в голосе.

Колени ещё подрагивают, но я распрямляю плечи и иду в сторону ванной, невзначай придерживаясь за всё, что попадает под руку. Слышу за спиной шаги и ускоряюсь, захлопываю и запираю дверь ванной комнаты.

— Эммилина...

— Благодарю за помощь, ваше сиятельство, более не нуждаюсь в ваших услугах.

Отхожу от двери и разворачиваюсь к зеркалу.

Бледное лицо в обрамлении растрёпанных прядей волос разной длины. Часть прядей сохранили свою длину, часть достигают лишь ключиц, какие-то ниспадают до груди, а часть волос не достаёт и до подбородка. словно малолетний ребёнок, впервые взял в руки ножницы и подстриг куклу.

Делаю шаг назад и сползаю по стенке на пол. Подтягиваю колени и утыкаюсь в них лицом, обхватив себя руками. Что это вообще было? Какая-то изощрённая месть? Я уже ничего не понимаю. Кажется, чем дальше, тем больше я запутываюсь, совершенно теряя нить логики происходящего.

— Эмми...

Он ещё не ушёл?

— Поговори со мной...

— Ваше сиятельство, со мной всё в порядке. И у меня, так уж сложилось, нет настроения для разговора по душам.

Не хочу его жалости, даже если он искренен... в чём я очень сомневаюсь. Тем более, не хочу фальшивой “заботы”.

— Хорошо, ладно, я позову Малию, чтобы помогла тебе.

Заставляю себя встать, придерживаясь за стену. Освобождаюсь от платья, стараюсь не думать, что в складках ткани может оставаться членистоногая дрянь...

Тёплая вода расслабляет скованные холодом мрамора мышцы.

Не думать не получается, перед глазами вновь и вновь встаёт застывшая жижа, полная тошнотворных тварей. Меня передёргивает от гадостного ощущения. словно всё это до сих пор ползает по мне, на мне, вокруг меня...

Чтобы не трогать ранку, опускаю голову в воду и жду, когда кровь смоется сама. Кожу немножко пощипывает под волосами. Терплю некоторое время, а затем осторожно прополаскиваю волосы. Намыливаю мягкую тряпицу и протираю тело.

Собираюсь с силами и, придерживаясь за бортик, выбираюсь из огромной медной чаши. Брезгливо смотрю на платье, всё ещё ожидая, что из его складок выползет одна из тех тварей, хотя прекрасно помню, что все они застыли в странной прозрачной массе. Достую длинную мягкую холстину и оборачиваю вокруг себя.

В спальне меня встречает Малия. Её лицо выражает целую бурю эмоций, от обеспокоенности, до растерянности, сожаления и даже вины. Пытаюсь ободряюще ей улыбнуться.

Замечаю на кушетке уже разложенную свежую одежду.

Тянусь к ночному платью, предвкушая, как доберусь до кровати, накроюсь с головой и позволю телу отключиться. Ощущаю себя полностью вымотанной.

— Простите, ваша светлость, но господин ждёт вас в гостиной, — мнётся Малия, поглядывая в сторону арочного проёма, отделяющего спальню от других комнат. — Позвольте, я помогу с платьем... и соберусь.

— Это срочно?

— Я узнаю — и она покидает спальню.

Нет никакого желания надевать платье, пусть и перешитое Малией для комфортного нахождения в своих комнатах. Тем более нет сил и желания приводить себя в порядок, в соответствии с этикетом, у меня даже нет сил ждать, когда высохнут волосы.

— Говорит, что срочно, госпожа.

Ну что ж... срочно так срочно. Выбираю ночное платье и поверх него белый парчовый халат, расшитый мелкими драгоценными камнями. Нет смысла ждать, когда высохнут волосы. Я просто поговорю и отправляюсь спать.

— У вас ещё остались ко мне какие-то вопросы, ваше сиятельство?

Он несколько раз моргает, осматривая меня с ног до макушки.

— Твоя рана. Нужно осмотреть её и обработать, — хриплый бархатный голос проникает глубоко под кожу, вызывая раздражение.

— Для этого есть лекари, не так ли? — бросаю с вызовом и немного задираю подбородок.

— Твой лекарь в отъезде, а своего я отпустил в столицу на ярмарку, пополнить некоторые запасы. Я мог бы пригласить деревенского целителя, но... как ты, наверное, знаешь, я служил в северном пограничье. Мне не раз приходилось иметь дело с ранами, так что я и сам прекрасно справлюсь.

— Бойтесь слухов, граф? — демон дёргается и сжимает зубы так, что я вижу, как выпирают желваки.

— Я вполне готов нести ответственность за то, что происходит в особняке и в имении. Вне зависимости от того причастен ли я к этому лично, либо же допустил происшествие по собственному недосмотру. В данном случае я также не снимаю с себя ответственности. Но я посчитал, что лишние слухи и вам ни к чему. А Его Величество и так узнает обо всём... лично из ваших уст.

Стою и прожигаю его взглядом.

Граф поднимается из кресла и подходит ко мне. Мягко берёт под локоть и усаживает туда, где только что сидел сам.

— Будет немного больно, прости.

— Перестаньте извиняться и сделайте то, что обещали, раз уж мне не повезло с нормальным лекарем.

Поджимает губы, и на несколько мгновений прикрывает глаза. Тоже до пяти считает?

Когда граф возвращается к осмотру, отворачиваюсь и упираюсь взглядом в окно, за которым колышутся ветви цветущего дерева... пытаюсь сосредоточиться на них, но меня очень сбивает то, как нежно его пальцы перебирают влажные пряди волос. От головы до самых кончиков ступней пробегает подлая волна мурашек. Прикрываю глаза, но тут же одёргиваю себя и снова упираюсь взглядом в цветущее дерево.

Болезненная вспышка заставляет дёрнуться. Прикусываю щеку изнутри, стараясь отрешиться от сильного жжения на макушке.

— Умничка. Знаю, что больно, — шепчет и гладит по голове, как маленькую. — Сейчас всё пройдёт. Теперь я сведу края ранки и нанесу сок ратазии. Он склеит порез и поможет

ему быстрее зажить.

Ощущаю осторожные прикосновения там, где только что жгло кожу.

— Вот и всё, — ещё раз осторожно проводит по волосам, словно не замечая того, что делает. — Все разговоры потом.

Наклоняется, обдавая висок тёплым дыханием, проводит по нему кончиком носа, незаметно втягивает в лёгкие воздух. Резко отстраняется, разворачивается и выходит из комнаты.

И что это было? Приступ сожаления или очередной ход хитрой игры?

Возвращаюсь в спальню и забираюсь на постель, как и мечтала. Прошу меня не беспокоить, накрываюсь с головой и закрываю глаза. Позволяю царству снов забрать меня к себе.

Глава 34. День восьмой

Просыпаюсь с ощущением чужого взгляда на себе. Открываю глаза и сталкиваюсь с внимательным прищуром цвета голубого льда. Моргаю, чтобы сбросить видение, но оно лишь слегка наклоняет голову к плечу, продолжая сидеть возле моей постели.

Недобрый знак.

Осматриваюсь на всякий случай, убеждаясь, что я всё ещё в своей комнате.

— Доброе утро, — шепчет демон.

— Что вы здесь делаете? — зачем-то отвечаю тоже шёпотом, натягивая пухлое одеяло до самого подбородка.

Судя по залитой светом комнате, солнце уже довольно высоко. Интересно, сколько я проспала?

— Ждал, когда проснёшься, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь.

— Это вообще нормально, что вы находитесь в моей спальне?

— Что? — немного хмурится, затем удивлённо моргает. — Конечно. Мы же всё ещё официально помолвлены.

— Бред какой-то. В любом случае я очень надеюсь исправить это досадное недоразумение.

Произношу тихо, при этом отворачиваюсь, накрываясь с головой. Нужно досчитать до пяти и возможно это странное явление под названием “жених в спальне” рассосётся само собой. Под демонским взглядом невозможно сосредоточиться, а мне нужно хотя бы несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями и убедиться, что я не сплю. Кстати, нужно будет уточнить у дио Хэмиса, что это за правила, которые позволяют недоженихам спокойно разгуливать по спальням девушек?

Прислушиваюсь. В комнате тишина. Может, всё это мне привиделось? Улавливаю лишь звуки, доносящиеся из гостиной. Судя по лёгкости шагов, там Маля. Это меня немного успокаивает.

— Так как ты себя чувствуешь? — граф вторгается в моё маленькое убежище, слегка потянув одеяло над головой и наклонившись очень близко к уху.

Резко разворачиваюсь к нему лицом, возмущённая такой наглостью и взглядом пытаюсь передать всё, что я по этому поводу думаю.

— Замечательно, ваше сиятельство, — получается очень натянуто, видимо, оттого, что слова просачиваются сквозь сжатые зубы. — Будет совсем хорошо, когда вы соизволите покинуть мои комнаты.

Протягивает руку к остриженной пряди волос, упавшей на лицо и заправляет её мне за ухо. На мгновенье зависаю, затем вздрагиваю и отстраняюсь, ощущая, как тёплые пальцы соскальзывают, едва коснувшись скулы.

— Это пока ещё мои комнаты, — немного нервно улыбается, запуская пальцы в и без того взъерошенные волосы и отчего-то продолжая говорить шёпотом. — Отдыхай, Маля. Она подаст тебе завтрак в постель.

Поднимается и выходит из спальни.

Какой-то он странный. И нервный. И бледный.

Оборачиваюсь на окно — судя по солнцу, сейчас ближе к полудню. Завтрак? Серьёзно?

Весь столик рядом с окном заставлен блюдами с едой. От них исходит приятный

аромат, но аппетита нет. Еле впихиваю в себя бульон и какой-то нарезанный овощ, который, по словам Малии: “очень полезен при выздоровлении”.

Прошу принести чай.

Одновременно с чаем в комнате появился дио Хэмис с папкой документов из моего поместья. Отмечает в дверях стражу и подозрительную, прикрытую платком “инсталляцию”, на полу. Приходится коротко пересказать ему историю прошедшей ночи. Уважаемый дио грязно ругается себе под нос, тут же извиняется и тяжело вздыхает. Затем осматривает ссадину под волосами и скрепя сердце, признаёт, что граф сделал всё как положено.

Прошу Малию сегодня покормить Лиса самостоятельно. Сил одеваться и выходить из комнат просто нет. Наверное, у меня всё же что-то вроде простуды на фоне стресса, так как слабость и сонливость не отпускают даже после долгого сна. Может, сказывается длительное лежание на мраморном полу?

Спустя ещё некоторое время в имение прибывает королевский поверенный дио Зейн-Малик. Он смотрит на меня с тревогой и просит рассказать все детали прошедшей ночи, а также вечера накануне.

Хмурится, качает головой, уходит куда-то, возвращается в гостиную вместе с графом и ещё одним незнакомым солидным дио. Они снова и снова что-то обсуждают, проверяют и даже измеряют.

Дио Хэмис протягивает мне вкусный отвар с травами и мёдом и нажимает какие-то точки на стопах, а затем предлагает переговорить с дио Зейн-Маликом на предмет того, чтобы покинуть имение этим же вечером. Я смотрю на усиленную охрану, на Малию, которая уже вернулась от Лиса, вспоминаю, что сам дио Зейн-Малик пока остаётся здесь, чтобы контролировать расследование и допросы, осознаю, что завтра последний день в имении и мне ещё нужно подготовиться к разговору с монархом, а я не имею даже примерного представления о делах в собственном герцогстве... широко зеваю и сообщаю, что не готова пока никуда ехать. Как бы мне ни хотелось скорее покинуть это демонское логово.

Отвар действует волшебным образом. Спустя минут пятнадцать, ощущаю себя гораздо лучше и с азартом погружаюсь в изучение документов, которые привёз мой наставник. Всё отчётливее понимаю, что разговор с Его Величеством предстоит важный и, судя по всему, определит мою дальнейшую жизнь.

К обеду меня переселяют в соседние комнаты. К слову, гораздо более уютные и обставленные со вкусом. С мягкими коврами и милыми удобными диванчиками.

Значит, был и такой вариант... хотя, чему я удивляюсь?

В итоге до позднего вечера сижу на кровати в новой спальне с пухлой чёрной кожаной папкой, тиснённой гербом герцогства Эон Нидао. Читаю я очень медленно и потому перечитываю по нескольку раз, боясь пропустить что-то важное. Вникаю в проблемы земель и предложенные управляющими варианты решений. На отдельном листе делаю пометки.

Управляющих землями герцогства оказывается целых четыре. Знакомлюсь с ними по отчётам.

Помимо них, в Эон Нидао есть ещё целый ряд административных должностей: от губернаторов и старост, ответственных за сёла и деревушки до титулярных секретарей, следящих за состоянием дорог и более мелких управляющих, которые отвечают за порт, мануфактуры, рынки и многое другое.

И маленькая я на вершине этой пирамиды из должностей и титулов.

Вот только моя пирамида совсем не устойчива. По всему выходит, что дела в герцогстве совсем не так хороши, как я наивно надеялась. Казна ничтожно мала и судя по выпискам, действительно истрачена на мои хотелки. А точнее: на ткани, платья, украшения, какие-то немыслимые предметы интерьера и непонятную ерунду, названия которой мне вообще ни о чём не говорят... А ещё на пиршества: на свои именины, судя по записям, я истратила годовой бюджет одного маленьких маленьких прибрежных городков...

А в конце года нужно платить налог... и сумма там какая-то совсем не гуманная. Выходит, прошлый налог я ещё выплачивала из остатков в казне герцогства, а все сборы, точнее, дань за последние полтора года, благополучно “спускала”.

И на что я надеялась? Влезть в казну графа? Или я вообще об этом не думала?

— Малия, объясни мне, пожалуйста, как платье может стоить больше, чем собрано дани за целый год с целой деревни?

— Так, большинство простых граждан живут на один салер целый месяц. А что такое один салер для благородных дэй?

— Не понимаю. То есть платье столько стоило лишь потому, что его приобрела я? В смысле, для благородной дэй одни расценки, а для остальных и за салер бы могли сделать?

Малия по-доброму смеётся, но быстро осекается, прикрыв рот ладонью.

— Нет, госпожа. Кто ж это будет редкие ткани простолюдинам продавать, да за такое и высечь могут! То, что предназначено для господ, не может быть у простых людей. Оттого и цена такая. Да там и ткани дорогие очень, что правда, заморские, редчайшие. У нас такие не делают.

— Да? То есть всё дело в эксклюзивности? — по напряжённому лицу девушки понимаю, что слово “экслюзив” прозвучало для неё как название тайного алхимического элемента. — Я хотела сказать, что дело в уникальности и необычности, верно?

— Непросто в уникальности... а в недоступности.

Какое интересное ценообразование у нас оказывается. И что мне даёт эта информация?

Если я хочу быстро пополнить казну, нужно думать, чего бы такого продать благородным дэям или дио. Рядовые граждане довольствуются малым и экономят: еда, да самая простая одежда “лишь бы прикрыться”.

— А как же средний класс? Я имею в виду тех, кто между простыми гражданами и аристократией? Купцы, мастера и мастерицы, лекари, те кто держат лавки... да хоть те же алхимики?

— О... ну они что-то покупают, конечно... где-то. Но мне кажется, всё больше заказывают разные вещи под свои нужды у мастеров из простых.

— А ты, как швея, хорошо зарабатывала?

— Конечно, госпожа, по три, а то и четыре салера в месяц. Это очень хорошая оплата!

— И это притом, что платье стоит до нескольких сотен оксалеров^[2]...

— Ну там же ткани, камня драгоценные...

— Ладно. Это ещё нужно осмыслить.

— Ваша светлость, — в комнаты возвращается дио Хэмис с очередной пиалой чего-то полезно-травяного. — Как вы себя чувствуете?

— Если вы имеете в виду моё здоровье, то отлично, если не считать сонливости. А в остальном... как бы так сказать помягче... — мысленно морщусь, думая о предстоящей встрече с монархом и понимая, что мне срочно требуется хоть какой-то план.

— Ах, вы о том, что прочли в письмах управляющих? — с ходу догадывается наставник.

Киваю и жестом предлагаю дио присесть в кресло:

— Присоединяйтесь к чаепитию, виконт. И ты Малия. Мне нужен совет.

Сегодня во Фрэй Дау меня снова “балуют” разнообразием угощений к чаю. С радостью бы надела эту прелесть на голову одному сиятельству, но он, как чувствует и не появляется в радиусе полёта золочёного подноса. Ну не пропадать же добру? Дио не приходится уговаривать, он с удовольствием перекладывает щипчиками закуски на свою тарелку и делает большой поток чая. Малия робко, но с предвкушением берёт с хрустальной подставки милое маленькое пирожное.

— Итак, мне нужен ваш совет. Я бы хотела распродать часть своего гардероба. Как мне лучше поступить и с чего начать?

Виконт резко закашливается, поперхнувшись чаем, а Малия так и замирает с открытым ртом, не донеся до него нечто, украшенное взбитым кремом.

— Таак... чувствую, и здесь просто не будет.

— О, это будет... несколько скандально. Злые языки не преминут превратить это в насмешки! — постукивая себя в грудь и едва прокашлявшись, отвечает дио Хэмис. — Заранее простите мне эти слова, но: “герцогиня, промотавшая состояние целого герцогства, вынуждена предлагать к продаже благородным дэям личные вещи, чтобы не разориться окончательно”. Вот то, что вас ждёт!

Глава 35. День девятый

Новый день начался прекрасно.

Во-первых, я проснулась в постели, а не очнулась непонятно где.

Во-вторых, меня никто не беспокоил. Малия принесла на завтрак мою кашу и чай. К каше теперь подавалась пиала со свежими сочными ягодами и отдельные миниатюрные милые пиалы с разными орешками.

В-третьих, я осознала, что завтра распрощаюсь с этим местом и вернусь домой, в свой роскошный особняк, где меня ждёт Миа и... ну ладно, больше никто не ждёт. Главное, что уже завтра меня здесь не будет.

Даю указание Малии начинать готовить мои вещи. После завтрака ко мне заходит дио Зейн-Малик и уточняет некоторые детали вчерашней ночи, а также задаёт отдельные вопросы про разные, казалось бы, незначительные события. На свежую голову думается и вспоминается легче.

В прекрасном расположении духа сижу с бумагами, пытаюсь накидать примерный план разговора с Его Величеством. А заодно тренируюсь более-менее сносно писать неудобной тонкой пишущей палочкой. Вот только, прочитав написанное, осознаю, что снова использовала странный... иностранный... язык. Нет, мне-то всё понятно, но вот почему на нём писать легче, чем на родном... загадка. Хотя, почему загадка? Я уверена, что всё это связано с моими видениями о другой жизни. Нужно посмотреть этому факту в глаза и проанализировать, а не продолжать прятать голову в песок, убеждая себя, что со мной всё нормально... обязательно так и сделаю... потом.

Снова прокручиваю в голове вчерашний разговор с Малией и дио Хэмисом. На его замечание про сплетни о “герцогине, промотавшей состояние целого герцогства” я ответила, что моё имя и без того склоняют, как только это возможно и продолжила настаивать на том, что продавать платья придётся. Это ж целое состояние! В итоге узнала от Малии, что швейные салоны могут взять платья только по цене камней и тканей, причём по заниженной цене. Потому как сами закупают всё на весьма выгодных условиях и напрямую у купцов, мануфактур или алхимиков... Мысленно неблагородно выругалась.

Но это оказалось ещё полбеды. Оказывается, капризные дэи ни за что не наденут в свет чьи-то “обноски”... пусть даже с плеча герцогини, пусть даже те, что она ни разу не надевала. Салоны дорожат репутацией и не посмеют предложить платье, не предупредив, для кого оно изначально шилось.

Тоже мне фифы.

— *Кстати, дэи могут быть весьма мстительны и салону, посмевавшему обмануть, или умолчать о подобном несдобровать... Не так ли?* — добавляет наставник и как-то странно на меня смотрит. — *Вы, ваша светлость, лучше нас понимаете, что с такими вещами не шутят.*

Я что и швейным салонам насолить успела? Жаль... очень надеялась решить таким очевидным способом самые насущные вопросы.

— *Поняла вас, виконт, это весьма прискорбно.*

— *Единственное... госпожа, — робко вклинивается Малия, — я могу поехать туда, где работала прежде и потолковать с хозяйкой. Возможно, она поможет или даст совет. Она совсем неболтливая, хоть и вредная до безобразия.*

— Это хоть что-то. Спасибо, Малия.

На этом мы вчера и остановили нашу беседу, после чего меня окончательно сморило и я отправилась спать.

Кстати, самой “жирной” статьёй дохода герцогства всё же оказался порт. Он один приносит больше, чем вся остальная дань со всех жителей, мануфактур и селений.

Тянусь, чтобы немного размять мышцы и понимаю, что сегодня снова засиделась. Солнце уже начинает клониться к закату и если я хочу забрать Лиса, то сто́ит поторопиться. Не знаю, в котором часу мы будем выезжать, но предпочла бы здесь не задерживаться, а Лис по утрам вечно где-то бегают. Зато вечерами голодный цайр крутится неподалёку от "места кормления".

Раз за столько времени малыш не убежал, значит, и дальше не намерен этого делать. А что его здесь ждёт без меня? Боюсь даже предположить. Вдруг собак натравят?

Чтобы безопасно перевести Лиса во дворец и затем в Эон Нидао, дио Хэмис дал мне пучок сонной травы соллем. Нужно подержать его рядом с Лисом, дождавшись, когда маленький зверёныш заснёт. Лекарь заверил, что это не только не опасно, но и весьма полезно. Вспомнила, что похожий букет стоял возле моей постели в Эон Нидо, когда я приходила в себя после "недуга". Уже заканчиваю переодеваться для прогулки, как в дверь стучат и кто-то из слуг передаёт Малии записку для меня.

На белой плотной бумаге идеальными буквами выведено приглашение на ужин на верхней малой террасе особняка.

Ого, а раньше мог просто пригрозить лишением обеда и не заморачиваться. Не знаю, что это за верхняя малая терраса, но мне она заранее не нравится.

Тем более, что меня ждёт Лис.

Малия сказала, что вчера малыш вёл себя беспокойно и даже есть при ней отказался. А ещё девушке показалось, что он тоскует. Хотя, как она могла это распознать, мне непонятно. Может, ему обрезки вчера не понравились или каша надоела?

Так, в раздумьях, углубляюсь в сад, предвкушая встречу с пушистой мелочью. Пара стражников следует за мной “на расстоянии слышимости разговора”. То есть видят меня, но не имеют права подслушивать. По идее, если я сделаю им знак, ждать меня, то они останутся на тропе, а я смогу спокойно пообщаться с питомцем и придержать его, пока он не заснёт. Ослушаться моего прямого приказа стражники не посмеют.

Я уже близка к тому, чтобы свернуть на боковую тропинку, но из-за высокого стриженного кипариса на меня неожиданно выворачивает Итеон, под руку с Дафной.

— Дорогая герцогиня, приятного вечера. Вы гуляете?

— Мм... — хочется ответить, что червей копаю, но ограничиваюсь коротким: — Как видите, барон. И вам приятного вечера... господа.

Киваю обоим в вежливом приветствии, хотя Дафна по этикету должна сделать это первой. Но мне некогда учить её манерам.

Замечаю, что баронесса впивается в меня острым внимательным взглядом. Что она надеется увидеть? Тихо радуюсь, что Малия помогла собрать волосы таким образом, что и не разберёшь, что с ними теперь что-то не так.

Неужели демон успел поделиться с ними историей “о приклеенной к полу голове ненавистной герцогини Эон Нидао”? Полагаю, они от души посмеялись...

Все эти мысли пролетают в голове в считанные мгновения. В то время как я сама, ни

секунды не задерживаясь, стараюсь проشمыгнуть мимо и раствориться в вечернем тумане.

— Ваша светлость, не желаете ли составить нам компанию? — доносится уже в спину.

— Благодарю, не смею мешать вам, баронесса.

— Ну что вы, мы будем только рады, если вы согласитесь провести с нами немного времени, — перехватывает инициативу Итеон, ловко оказываясь рядом. — Вы уже видели ночную беседку?

По моему замешкавшемуся ответу барон делает вывод, что ни о каких ночных беседках герцогиня даже не слышала.

— О, вы обязательно должны взглянуть на это! Здесь совсем рядом, я просто жажду наблюдать ваше лицо, когда вы впервые увидите эту красоту! — он широко и открыто улыбается и если бы не прищур Дафны, прожигающий во мне сотни дыр одновременно, то я бы даже улыбнулась ему в ответ.

— Благодарю за приглашение, но, пожалуй, не сегодня, барон... — делаю ещё одну попытку отвертеться.

— Неужели у вас какие-то неотложные дела в дальней части сада? — шутливо ведёт бровями блондин, а меня посещает чувство, словно мы с ним думаем совсем о разных вещах.

— Разве что очень хотела послушать вечерние трели местных птишек. Но раз вы настаиваете, то с радостью составлю вам компанию.

Вот же настырный! Хотя, с другой стороны, барон Дэль Гро здесь единственный, кто с самого начала вёл себя дружелюбно и уважительно, а единственный его явный недостаток — неумение выбирать друзей. Может, глянуть одним глазком на их беседку, а потом сослаться на усталость, чтобы ускользнуть от этой парочки? Что-то мешает мне обсуждать цайра при Дафне, лишние сплетни про странности герцогини Эон Нидао мне сейчас ни к чему.

— Своим присутствием, ваша всетлость, вы делаете это вечер ещё более прекрасным, — Итеон деликатно берёт задумчивую меня под руку, и мы продолжаем путь втроём, сворачивая в другую сторону.

Хорошо хоть графа с ними нет.

За беседой о погоде и обсуждением какой-то молодой дэи, чьё имя мне ни о чём не говорит, мы подходим к живописному пруду, на берегу которого расположилась беседка из белого мрамора.

Тонкие резные колонны густо увиты растением со множеством закрытых крупных бутонов, отчего сама беседка напоминает огромный цветущий куст. Внутри три широких мраморных скамьи, на которых разложены мягкие подушки светлого бархата с роскошной вышивкой. В центре — столик, покрытый мозаикой из перламутра и мрамора. При нашем появлении, к беседке тут же направляется слуга с подносом закусок и напитками.

Интересно, это всегда так или нужно заранее предупреждать о своём желании посетить это место?

— Присаживайтесь, дорогая герцогиня. Кажется, мы успели к самому интересному моменту.

— И что же это за момент?

— Увидите... — понижает голос до загадочного шёпота барон и мне начинает казаться, что он пытается флиртовать. Да ну, глупость какая.

Выбираю для себя место сбоку. Отсюда, как мне кажется, открывается лучший вид на пруд.

Место действительно чудесное, особенно сейчас, когда вокруг начинает опускаться густой туман, а последние лучи закатного солнца золотят воду и, будто парящие над его поверхностью, огромные водяные лилии... “а может, и не лилии”, проносится в голове.

— Попробуйте эти угощения, ваша светлость. Уверен, вы оцените их по достоинству.

— Благодарю, но я только пообедала, — обманываю с самым честным видом.

— Всего лишь маленький кусочек, герцогиня, — очаровательно улыбается блондин и протягивает мне нечто очень симпатичное на отдельной миниатюрной тарелочке.

Вот же настойчивый. Такому проще уступить, чем что-то объяснять. Беру то, что он предлагает и аккуратно кладу в рот. Отмечаю, как барон подхватывает пару таких же шпучек и по очереди закидывает в себя, расслабленно откидывается на подушки и наслаждается видом золотого озера. Его губы расплываются в озорной улыбке.

Действительно, вкусно. Что-то вроде малюсенькой корзиночки из песочного теста с нежным сливочным кремом и кисло-сладкими освежающими ягодками. Угощение, как обычно, на один укус, что очень удобно. Соглашаюсь попробовать ещё пару миленьких несладких канапешек. Потрясающе вкусно!

Пока оцениваю еду, последние солнечные лучи покидают озеро и теперь цепляются лишь за самые верхушки деревьев, словно прощаются до следующего дня.

Когда исчезают и эти последние отголоски дня, Итеон касается моего плеча, призывая повернуть голову. Оборачиваюсь и едва не ахаю от восхищения: все бутоны, оплетающего беседку растения прямо на глазах распускаются, подсвечиваясь мистическим голубоватым сиянием. Цветы пахнут невероятно. Вдыхаю сладкий аромат полной грудью.

— Боги, как красиво!

Итеон нагибается ближе и старается говорить тихо, словно боится спугнуть эту красоту:

— Это ночная фалантия, её привезли из северной Слесты в прошлом году и мы ждали начала её цветения. Очень редкое и капризное растение. Цветки весь день впитывают свет, а после захода солнца распускаются и отдают его. Самое интересное начнётся, когда они полностью раскроются.

Спустя минуту, маленькие мерцающие мотыльки начинают слетаться к сияющим цветам. Они, как крошечные звёздочки, танцуют свои хороводы вокруг маленьких лун. Это похоже на сказку и я зависаю, не в состоянии оторвать глаз от такого зрелища.

— Я же говорил, вам понравится, — барон шепчет, почти касаясь губами уха, и протягивает бокал с голубоватым напитком. — Попробуйте, это ягодная вода с нектаром айлы.

Принимаю бокал с благодарностью. Чувствую себя так хорошо. Мне нравится этот вечер, нравятся эти люди, нравится этот сад, зарождающиеся в небе звёзды, туман над озером... замечаю белых и сиреневых мотыльков над водяными лилиями... завораживающе...

— Пейте, герцогиня, это очень вкусно.

Счастливо улыбаюсь и подношу напиток к губам. Успеваю сделать несколько глотков, когда прямо передо мной возникает граф, резко вырывая бокал из рук.

Алексион-Кэссим

Мне даже не нужно ни о чём спрашивать. По предвкушающей ухмылке Итеона, нетерпеливому выражению лица Дафны и наивно распахнутым глазам Эммилины понимаю всё сам.

— Что ты наделал?! Ты в своём уме?? Разве я не сказал, что этот вопрос закрыт? — с трудом сдерживаю себя, чтобы не врезать хорошенько дорогому другу и привести его таким способом в чувство. Идиот...

— Успокойся, Алекс! Я делаю это ради тебя. Если ты не хочешь спасти себя, то позволь мне помочь. Ты мой друг, и я беспокоюсь о тебе.

— Ты не имел права! — слова слышатся тихим рычанием, вырываясь сквозь сжатые зубы.

— Что сделано, то сделано, наш милый Алекс! Уже поздно, — тянет слова Дафна фальшиво-сладким голоском, затем встаёт и подходит ближе, опуская руку мне на плечо и игриво пробегая по нему пальчиками, усыпанными мерцающими в полутьме беседки кольцами. — К тому же наутро она ничего не вспомнит. А значит, никто ничего не узнает.

Дафны здесь вообще не должно быть. Я сказал ей не показываться в имении без приглашения. Но она здесь. Явилась вместе с Итеоном через сокрытую точку искажения между его и моим особняками.

Сейчас нужно увести Эммилину и надеяться, что она не станет задаваться вопросом, что с ней произошло накануне... бред... конечно, она станет выяснять... Нужно обсудить это с Итеоном. После ночного инцидента с соком мовянки у меня ещё не было возможности пообщаться с ним, и я планировал сделать это сегодня вечером.

Подхватываю Эммилину под руку и вовремя — её уже ведёт в сторону, а взгляд теряет признаки присутствия.

Порыв ветра вырывает из причёски короткий, обрезанный мною, локон и он падает на лицо. Эммилина никак не реагирует, зрачки расширены, глаза широко открыты, даже не моргает.

Тяну руку и осторожно убираю волосы, заправляя прядь за маленькое ушко.

— Эммилина, ты проводила приворотный ритуал над графом Алексионом Фрэй Дау? — перед нами встаёт Итеон, перехватывает герцогиню за плечи, разворачивает её к себе и внимательно вглядывается в лицо.

— Нет, — безжизненный тон её голоса вызывает неприятные мурашки.

— Итеон, отойди от неё, — перехватываю за плечи его самого и оттягиваю в сторону.

— Почему, Алекс? Я не слепой и меня беспокоит то, что я вижу в последние дни. Что, если это и есть её тайный план?

— Маленькая мерзавка! — шипит сбоку Дафна. — Так и знала, что с Алексом что-то не так.

Что-то не так... Мысль кажется абсурдной, но я внутренне напрягаюсь. Почему я с самого первого дня во Фрэй Дау ощущаю её иначе? Почему так остро реагирую на неё? Где этот извечный хищный прищур хозяйки положения, которой позволено всё, в том числе крутить судьбами окружающих? Где весь тот яд, что она годами выливала на меня? В какой момент мы поменялись с ней местами?

Или мне всё это лишь кажется?...

— Нужно попробовать спросить иначе: Эммилина, использовала ли ты амулеты, зелья, эликсиры, ритуалы, что-либо другое и в любых сочетаниях для того, чтобы каким-либо способом повлиять на графа Алексииона Фрэй Дау?

— Нет.

— Герцогиня Эон Нидао, вы как-то воздействовали на графа Алексииона-Кэссим Фрэй Дау? — практически выплёвывает Дафна.

Только сейчас осознаю, что замер, в ожидании ответов маленькой герцогини.

— Нет.

— Всё! Довольны? Хватит! Она никак не воздействовала на меня. Значит, я сам в полной мере отвечаю за свои мысли и действия.

— У тебя кто-то есть, Эммилина? — снова Итеон. И снова внутри меня волной разливается холод.

— Я не понимаю вопроса.

— Эммилина, кто этот мужчина, ради которого ты пообещала расторгнуть помолвку с графом Фрэй Дау?

— Я пообещала расторгнуть помолвку, потому что этого хочет сам граф.

Вот так просто? Потому что я этого хочу? Мысль никак не хочет укладываться в моей голове.

— Эммилина, какие планы ты строишь в отношении графа Алексииона-Кэссим Фрэй Дау? — Итеон.

— Я хочу уехать из его поместья.

— Эммилина, какие интриги ты проводишь в отношении графа Алексииона-Кэссим Фрэй Дау?

— Никаких. Тогда зачем всё это было нужно? Или я своими действиями заставил её принять такое решение? Но Эммилина бы не оставила меня просто так, не отомстив, не попытавшись лишить меня чего-то или смешать моё имя с грязью... я был готов заплатить эту цену.

— У тебя есть тайны, Эмми? — голос Дафны звучит вкрадчиво, как шелест ядовитой чёрной найги.

— Да.

— Не нужно, Дафна! Это уже слишком! — оборачиваюсь, чтобы закрыть ей рот. Но сзади меня перехватывает за плечи Итеон. Сбрасываю, его руки, но Дафна успевает отступить и прошипеть:

— Расскажи нам свой самый-самый страшный секрет, Эмми!

Ощущаю, как растягивается время и набирают скорость удары сердца. Эммилина смотрит в пустоту, бледнеет, беззвучно открывая рот, словно не может выговорить то, что заполняет теперь её мысли.

Я мечтал раскрыть её тайны... Но таким ли способом?

Нет.

Шагаю к ней и подхватываю на руки. Нужно сейчас же унести её отсюда. Баронесса подскакивает следом и пытается остановить, цепляясь за мой локоть.

— Самый гадкий секрет, о котором ты бы хотела забыть, Эмми! Отвечай! — злобно выкрикивает Дафна.

— Меня убили.

— Что? Как это? — Дафна отшатывается, отдёргивая от меня руки.

— Я ослышался? — Итеон.

Но Эммилина уже хватается за горло, словно что-то не даёт ей вздохнуть. Ноготки впиваются в собственную шею, царапая кожу.

— Эмми! Остановись... нет... не делай так... — разворачиваюсь и делаю поспешный шаг обратно, присаживаясь на скамью. Одной рукой продолжаю прижимать к себе, второй перехватываю запястья. Она продолжает судорожно втягивать в лёгкие воздух, но её глаза закрываются, и она расслабленно повисает на моих руках.

В который раз за последние несколько дней по телу прокатывается волна жгучего страха. Холодный пот прошибает всё тело. От вида бледного личика и тонких следов от ногтей на шее всё внутри переворачивается.

Проверяю пульс. Хвала богам, он есть, но едва прощупывается. Убираю с виска тёмную прядь волос, прилипшую к влажной дорожке, оставленной слезой.

— Итеон!!! — скорее рык сквозь сжатые зубы, чем возглас. — Ты говорил, что это безопасно!!

Оборачиваюсь и натываюсь на острый ревнивый прищур блондинки и ошарашенное лицо своего друга.

— Я... я... Алекс... это не должно было произойти так, я не знаю в чём дело, но во время моих допросов такого не случилось... Дафна, сколько ты добавила?

— По несколько капель на закуски и половину пузырька в бокал, — невинно хлопает глазками.

— Что? Нет, Дафна, я же сказал: по одной капле в закуски и не больше пяти капель на бокал!!

— Я сбилась со счёта и боялась, что эта штука не подействует! Ты же сам говорил, что это безопасно! — Дафна нервничает, дёргая рукав пышного платья, но при этом обиженно дует губы.

— Зачем ты вообще доверил ей это, Итеон?

— Я отвлекал Эммилину, она добавляла. Мне нужна была чья-то помощь. Ты же отказался мне помочь.

— Я вообще запретил поить её этой дрянью! Я отвечаю за неё, вы это понимаете?

— Так ничего не должно было случиться! Десятки допросов! Слышишь? Я провёл десятки допросов с помощью эликсира и всё, что было с допрашиваемыми, лишь слабость и головная боль в течение пары дней. Всего лишь лёгкое недомогание, Алекс! Она бы и не заметила! Тем более, если бы Дафна не... — замолкает, кидая на блондинку гневный взгляд.

— Какая доза положена взрослому мужчине?

— Примерно десять капель при среднем телосложении.

— Дай мне эликсир!

— Дафна, отдай Алексу флакон.

Баронесса достаёт из потайного кармана изящную бутылочку и протягивает мне. На глаз прикидываю, сколько там могло быть.

— Ты сказала, что добавила примерно половину флакона, Дафна? Ты хоть представляешь сколько здесь? А если бы она выпила больше пары глотков?

Снова это фальшиво-невинное личико, которое сейчас меня безмерно раздражает. Всё, что её волнует, это, чтобы последствия не всплыли наружу и не стали лично для неё проблемой.

— Жаль, что ничего интересного не узнали, — выдыхает блондинка, вызывая у меня очередное неконтролируемое желание, как следуют встряхнуть её.

— Итеон, найди дио Хэмиса. Это личный лекарь герцогини. Он разместился в хозяйственном крыле. Передай ему, чтобы срочно пришёл в её комнаты.

— Вы что собираетесь посвятить в это постороннего?? — тут же взвизгивает Дафна.

— А ты хоть на мгновение подумай своей головой! Что случится, если Эммилине станет хуже?!

— Эта хитрая змея слишком живучая, чтобы с ней вообще что-то могло случиться! Я даже не уверена, что это всё не очередной её спектакль, чтобы заставить тебя, Алекс, волноваться и суетиться перед ней!

— Замолчи, Дафна! Закрой свой рот и не смей больше так говорить!

— Ты сам так постоянно говорил! Посмотри, на себя, Алекс, носишься с ней, как с хрустальной чашей! Да ты весь вечер на балу не спускал с неё глаз! Думаешь, никто этого не заметил? Ещё немного и начнёшь пылинки с неё сдувать! Ау! Приди в себя! Это Эммилина Эон Нидао!!

Не слушаю Дафну, подхватываю Эммилину и широкими шагами направляюсь в сторону особняка, прижимая тело девушки к груди. С дорожки в нашу сторону тут же шагают оба стражника, которых я лично приставил охранять её. Их лица встревожены и напряжены, но всё, что они сейчас могут — это молча следовать за мной. Я не могу их винить... только себя.

Стража не имела права без повода или приказа вторгаться в личное пространство лордов. И они не могли видеть того, что происходило в беседке. Уже сумерки, а густая фалангия перекрывает обзор со стороны, оставляя открытым лишь вид на озеро. К тому же растение поглощает звук... эта беседка предназначалась для романтических ужинов и уединённых разговоров.

Итеон хорошо это знал.

— Мне нужно будет переговорить с тобой, вызови лекаря и будь у себя в имении, я сам приду, — бросаю другу, следующему за мной, и получаю от него понимающий кивок головой.

— Конечно. Буду ждать от тебя новостей... и... прости, я не думал, что так получится... — его голос звучит безжизненно, а лицо выглядит бледным даже в сгустившихся сумерках. Мы оба понимаем, к чему это приведёт.

Алексион-Кэссим

В комнатах Эммилины царит полутьма. Укладываю девушку на постель поверх покрывала и зажигаю свечи. Снимаю мягкие ботиночки, открывая своему взору тонкие ступни. Чтобы не пялиться, прикрываю их пледом.

Присаживаюсь на край кровати и беру её руку. Проверяю пульс. Всё ещё слабый. Может у неё особенная реакция на этот эликсир? А может, Итеон что-то не договаривает, и не для всех допросы заканчивались “всего лишь лёгким недомоганием”?

Её пальцы холодны и я поднимаю их ближе к губам, ещё не понимая, что хочу сделать: согреть руку или коснуться бледной кожи на аккуратных пальчиках.

— Ваше сиятельство, — лекарь появляется в комнате и тут же торопливо проходит к постели, начиная суетиться и что-то доставать из своего саквояжа.

Киваю ему и зачем-то продолжаю держать её руку.

Выходит, она действительно собирается расторгнуть помолвку... Вот так просто? Готова отказаться от стольких лет, в течение которых считала меня своей собственностью? Почему-то теперь меня это задевает. Абсурд. Я должен радоваться, но вместо этого испытываю беспокойство и ощущение потери.

Возможно, я всего лишь хочу разгадать её? Понять, что с ней произошло. Почему я ощущаю её совершенно другой? Откуда в ней появились эта мягкость и нежность? Ничего подобного я раньше не замечал... Возможно потому, что ничего этого в ней прежде не было... Не было этой трогательности во взгляде, не было плавности в каждом повороте головы. Не было опущенных уголков губ... И что значит эта фраза “меня убили”? Может ли быть, что на её жизнь покушались? Почему никто об этом не знает? А об этом, очевидно, никто не знает... Если бы Его Величество был в курсе, Эммилина бы гуляла исключительно по закрытой части дворца...

— Ваше сиятельство, расскажите мне, пожалуйста, что произошло?

Вопрос, на который я бы предпочёл не отвечать, но я не могу себе позволить такую слабость.

— Мы... я дал герцогине один эликсир... который, скажем так, немного развязывает язык. И это подействовало на её светлость... неожиданным образом... — произнесённые вслух, эти слова ощущаются особенно погано. Поднимаю глаза и заставляю себя выдержать долгий осуждающий взгляд.

— Вы же понимаете, что это может значить лично для вас, ваше сиятельство?

— Более чем. Я не отрекаюсь от ответственности, просто прошу вас помочь ей.

Нет смысла пытаться смягчить действительность. Я допустил это. Мне за это отвечать и, уверен, в этом случае Его Величество не будет снисходителен.

— Дио Хэмис, скажите, что с её светлостью?

— Пульс слабый, но стабильный, хотя это вы и сами могли заметить. Она без сознания. Температура тела понижена. Я дал ей лекарства. Точнее, по нескольку капель трёх видов лекарственных настоев. И это не обычный обморок. Весьма странное состояние. Не могу дать гарантии, что ей не станет хуже.

— Я могу что-то сделать?

— Вы? — кажется, он хотел сказать что-то неллицеприятное, но вовремя спохватился и

заставил себя придержать язык. Если бы он высказался, я бы не мог осудить его. — Простите, ваше сиятельство, но вы можете идти, я буду находиться рядом с её светлостью на случай, если ей станет хуже.

— Я останусь. А для вас подготовят соседние гостевые комнаты и я позову, если что-то понадобится.

— Как личный лекарь герцогини, я не могу уйти, вы ведь понимаете?

— Хорошо, тогда останемся вместе. Но я всё равно отдам распоряжение подготовить соседние комнаты для вас, — что-то внутри меня сопротивляется мысли оставить бессознательную Эммилину. Пусть даже рядом с её личным лекарем. Абсурдно? Да, я и сам это понимаю. Но в последнее время абсурдность буквально преследует меня.

Прошу Малию переодеть герцогиню, и мы с лекарем ненадолго выходим из спальни.

— Скажите, дио Хэмис, что на самом деле случилось с её светлостью несколько недель назад? Из-за чего она отложила свой визит сюда, во Фрэй Дау?

— Её светлость простудилась, и я порекомендовал ей отложить поездку.

Схлёстываемся взглядами. Лжёт. Говорит так, словно неоднократно прокручивал в голове эту фразу. Слишком быстро, слишком заученно. И это ещё больше убеждает меня в том, что с Эммилиной что-то происходит.

— А с чем связана потеря герцогиней равновесия на балу?

Недовольно поджимает губы и хмурится.

— Полагаю, госпожа устала.

Звучит логично. Целый вечер ей буквально не давали покоя. Я даже слышал спор двух дио, которые выясняли, кто пригласит её следующей. Правда, в итоге ни одному из них не повезло. Следующим кавалером Эммилины оказался я сам.

Вот только... и в этом случае — откровенная ложь. Эммилина не отступалась, как сама подтвердила Зейн-Малику. И дио Хэмис знает гораздо больше, чем говорит.

До глубокой ночи лекарь то и дело проверяет пульс, температуру тела, хмурится и тихо бормочет себе что-то под нос. Он приоткрывает рот Эммилины и длинной пипеткой по каплям вливает резко пахнущие настои, а затем по очереди массирует несколько точек на голове, плечах и руках.

— Её пульс больше не вызывает опасений, я дал ей лекарство для глубокого сна, — решает поставить меня в известность лекарь. — Теперь важно помочь ей восстановиться.

Спустя ещё какое-то время, когда густая ночь начинает сменяться предрассветными сумерками, дио Хэмис сообщает, что опасность миновала и её состояние приближается к нормальному.

Я и сам вижу, что мертвенная бледность отступила, а дыхание стало глубже. Но под глазами всё ещё пролегают тени, а губы сливаются цветом с тоном кожи.

— Ваше сиятельство, не желает отдохнуть? Вам бы тоже не помешало восстановить силы.

— Нет, не желаю, а вот вы можете вздремнуть. Мне придётся отлучиться через пару часов, кому-то из нас стоит оставаться здесь.

— Разумно. Тогда я позволю себе немного сна, а потом сменю вас.

— Я безмерно благодарен вам, дио Хэмис.

— Ну что вы, не стоит. Я делаю это не для вас.

С этими словами он покидает комнаты.

Кажется, я всё-таки задремал в кресле, потому что странный звук заставил распахнуть

глаза и вынырнуть из муторно-тревожной хмари. Мгновение, чтобы осознать, где я, и что происходит. От резкого пробуждения и беспокойства сердце гулко бьётся в груди.

Эммилина мечется на постели, беззвучно открывая рот, словно пытается закричать во сне. Её руки пытаются смахнуть невидимую удавку с шеи.

Перехватываю тонкие ладони, пока она снова не расцарапала себя.

— Эмми... Эмми, тише девочка, просыпайся, это просто сон... тшш... — отпускаю ладони, глажу по голове, путаясь пальцами в каскаде тёмных шёлковых волос, разметавшихся по подушке.

Она не просыпается. Сжимается, подтягивает к себе колени и едва заметно вздрагивает. Двигаю кресло вплотную к её постели, сажусь в него. Переплетаю наши пальцы.

Эммилина ещё пару раз вздрагивает и, наконец, расслабляется.

Откидывая голову на жёсткую спинку и прикрываю глаза... снова и снова прокручиваю в голове сегодняшний вечер и ответы маленькой герцогини.

В происходящем последние дни нет логики. Именно поэтому я до последнего момента был уверен, что это лишь часть продуманного спектакля... ряд ходов, которые должны привести к тому, что мне однозначно не понравится. Эммилина обожает такие игры... обожала.

Чуть мягче перехватываю прохладные пальцы и опускаю голову на край постели, рядом с её рукой. Прикрываю глаза.

Выходит, она с самого первого дня была искренна со мной?

Трижды демоны...

Глава 38. День десятый

— Объясните ещё раз, дио Хэмис. Я ничего не поняла, — собственный голос звучит немного сипло и приходится напрягать горло.

Всю ночь мне снились сны о другом мире, такие же, как те видения, что преследуют меня наяву. А потом я от кого-то убегала... разумеется, об этом я не рассказываю. Всё отчётливее понимаю, что эта тайна может оказаться опаснее, чем "потеря памяти". Со мной явно что-то не то и меня пугает, что до сих пор я не вспомнила ничего из своей прошлой жизни в этом мире... словно меня здесь раньше и не было. Зато всё больше осознаю, что мои видения, вовсе не видения, а вполне значительная часть моей собственной жизни, просто нужно перестать прятать голову в песок и принять этот как факт. Пугающий факт...

— Вчера вечером вам дали эликсир, который, к слову, запрещён. Вы отреагировали на это неожиданным образом — лишились сознания.

— Меня... хотели отравить?

— Нет, нет что вы. Это вовсе не яд. Я сам помогал в исследовании подобных... хмм... средств, когда ещё стажировался в академии. И смею заверить, такой реакции быть не должно. Но "лёгкое сознание" создавалось для военных целей и для раскрытия тяжких преступлений. Применять его без высшего разрешения, да ещё и на благородной дэе... Это очень серьёзный проступок, за который граф получит самое строгое наказание.

— Дио Хэмис, объясните нормально, для чего тогда всё это?

— Вас хотели допросить, ваша светлость. Этот эликсир заставляет человека искренне отвечать на любые вопросы.

— Вроде как "сыворотка правды"?

— "Лёгкое сознание", госпожа, но ваша версия названия вполне уместна.

И что же они хотели узнать? А главное, что я успела рассказать?

Я, в общем-то, и не рассчитывала на дружеское отношение здесь, но от мысли, что кто-то пытался выпотрошить мои мысли, на душе становится очень гадко...

— Помню, что вчера барон Дэль Гро уговорил меня прогуляться до беседки на берегу небольшого пруда, он был не один, вместе с Дафной... которая баронесса... — только сейчас понимаю, что даже фамилии её не знаю.

— Я прекрасно понимаю о ком речь, ваша светлость.

— Хорошо... — киваю и пытаюсь собраться с мыслями: — Там было очень красиво. Барон настоял, что я должна попробовать маленькое пирожное... оно оказалось вкусным, и я попробовала другие угощения... мне было очень хорошо... легко... пожалуй, даже слишком легко... Потом барон протянул какой-то напиток, он тоже оказался вкусным, но я не успела много выпить. Появился граф и выхватил бокал из моих рук. Дальше всё как в тумане.

— Даже так? Значит, барон и баронесса тоже причастны... если не сказать больше. Но граф взял всю вину на себя.

Да он прямо само благородство... любовницу выгораживает?

— И чем это им грозит?

— О, поверьте, ничем хорошим. За нанесение вреда здоровью среднему кругу членов королевской семьи да ещё и таким незаконным способом... от лишения титула и тюрьмы до смертной казни... но казнь — это уж край и лордам такое вряд ли грозит. А вот попасть в немилость к монарху и лишиться всего, как лишили моего отца — вполне. А ещё нужно

будет вынести допросы в казематах и унижительную судебную тяжбу. С Его Величества станется устроить показательную порку, чтоб другие думали, прежде чем совершать глупости.

Дио хмурится, прохаживаясь из одного угла комнаты в другой.

— Обычно степень монаршей кары для подобных преступлений зависит от обстоятельств и от того, какими оказались последствия. А в вашем случае, герцогиня, последствия просто возмутительные! Полагаю, господа задавали вам слишком личные вопросы... что-то спровоцировало ваш организм на приступ. И вот, смотрите сами, — дио Хэмис протягивает мне небольшое зеркальце, — ваша шея... вы поцарапали себя.

Задавали вопросы... шея... вопросы... Что-то крутится на краю сознания. Словно обрывки сна. Вспоминаю, как испугалась, когда увидела в конюшнях графа. Мне показалось, он был зол на меня. Что-то тогда крутилось в моей голове, видения того, как другой, смутно знакомый, опасный мужчина гнался за мной. Как я всей душой мечтала оказаться от него как можно дальше, бежала, но не могла убежать. Его безумный тёмный взгляд, наслаждение моей беспомощностью, жёсткие руки на моей шее... провожу кончиками пальцев по коже, ощущая следы подсохших царапин...

Голову простреливает боль, меня бросает в пот и дио Хэмис бросается ко мне, чтобы уверенно и мягко надавить на какие-то точки на плечах и голове. А затем капает в пиалу тёмную резко пахнущую жидкость.

— Спасибо... Хриплю, не узнавая свой голос, и откидываюсь на большие мягкие подушки, постепенно приходя в себя. Мне нужно подумать. — Дио Хэмис, вы упомянули, что взяли образец моей крови для проверки в алхимической лаборатории королевского отдела дознания.

— Всё верно, ваша светлость.

— Так вот, вы можете не указывать, чья это кровь? Можете сослаться на продолжение изучения свойств сыворотки?

— Только если я отнесу кровь не в отдел королевского дознания, а алхимикам лекарской академии.

— А после, мы сможем это использовать, чтобы доказать, что данное происшествие не плод моего “мстительного” воображения?

— Безусловно. Чтобы подтвердить, что эта кровь ваша, вам всего лишь потребуется дать при свидетелях ещё каплю своей крови. Алхимические артефакты позволяют сличать, скажем так, хозяина крови. Только, ваша светлость, я не понимаю. В особняке сейчас находится дио Зейн-Малик и...

— Вы уже сообщили ему?

— Нет, но я как раз собирался. Просто не хотел оставлять вас, пока вы не пришли полностью в себя.

— Сейчас вы ничего не скажете дио Зейн-Малику. Это прямой приказ. И вы отнесёте мою кровь в лабораторию лекарской академии.

Долгий осуждающий взгляд в мою сторону и тяжёлый вздох:

— Конечно, ваша светлость. Так и сделаю. Просто не понимаю почему.

— Я не знаю, что успела рассказать этим людям. И мне нужны гарантии, что они будут молчать.

По крайней мере до тех пор, пока не разберусь со своими подозрениями и не буду уверена, что мои странности не выйдут боком мне самой. Если же эту троицу начнут

допрашивать... то все мои ответы станут достоинством королевских дознавателей. А я даже не представляю, о чём они могли меня спрашивать.

* * *

— Давай ещё немного поправим здесь, — указываю на прядь волос, которую Малия тут же ловко скрепляет шпилькой, украшенной маленьким сверкающим самоцветом.

— Какая вы красавица, госпожа, — по-доброму и как-то искренне замечает Малия, любуясь проделанной работой.

Волосы собраны в низкую изящную причёску, украшенную парой десятков шпилек с голубоватыми самоцветами. Отдельные локоны на всякий случай смочены сладкой водой, чтобы ненароком не выпали из идеальной укладки.

На щеках разлился нежный “здоровый” румянец, спасибо капле сока какой-то розовой ягоды. Синяки под глазами, под тонким слоем пудры уже не так заметны и даже придают шарма взгляду.

Подвожу глаза тонкой кистью, немного растушевав тёмную линию. Ресницы снова подкручиваю ложечкой. Окидываю придирчивым взглядом свой вид и остаюсь довольной.

На встречу с Его Величеством приходится надеть одно из самых своих “богатых” платьев, но Малия заранее убрала с него множество лишних деталей. “Пышность” юбки тоже была уменьшена, благодаря чему платье стало гораздо более удобным. На неприличную роскошь теперь намекает лишь мерцающая россыпь крупных драгоценных камней. Бьюсь об заклад, каждый такой камушек стоит как пара домиков в любой из деревень графа. Но таков дворцовый этикет. Сейчас скромность будет неуместна и неверно истолкована. Остаётся небольшой нюанс: чтобы скрыть царапины, декольте и шею драпирую сине-серым моавином, подколол брошью с крупным сапфиром в центре.

— Госпожа... для меня было честью служить вам... — голос сдавлен, а сама Малия низко кланяется.

— Благодарю тебя, — достаю два салера и вкладываю в ладошку Малии. — Если надоест работать у графа, с радостью приму тебя в своём имении.

Малия поднимает глаза, в которых стоят слёзы и улыбается.

— Я хоть сейчас!

— Готова ехать со мной?

— Да, ваша светлость! Если примете меня, даже не буду ждать расчёт от его сиятельства, готова сразу сопровождать вас и в столицу.

— А ты бы хотела?

— Никогда не была во дворце, — смущённо раскрывает карты Малия.

— Что ж... экипаж скоро отправится, если быстро соберёшься, то у меня будет к тебе очень важная просьба.

— Что угодно, госпожа?

— Лис... Я хочу, чтобы ты помогла мне перевезти его.

Сегодня после завтрака мы с Малией ходили в дальнюю часть сада. Разумеется, со стражниками, которых я теперь попросила держаться от меня не далее чем на расстоянии четырёх шагов.

На этот раз цайр нашёлся прямо на полянке. Он крутился вокруг перевёрнутой миски и

бросился ко мне, едва завидев на дорожке. Сделала жест стражником, чтобы не подходили ближе и не напугали мне ненароком питомца. Следующие пятнадцать минут пришлось держать Лиса на ручках рядом с пучком сонной травы, поглаживая и успокаивая, пока он не уснул. Другого способа безопасно убаюкать малыша на какое-то время просто не было. Как сказал дио Хэмис, цайр бы не стал есть ничего подозрительного, и на ручках у Малии он бы тоже сидеть не стал.

— Видишь эту корзину? Я уложила Лиса а неё, — указываю на огромную корзину, стоящую возле дверей. Внутри для удобства постелена мягкая ткань. Сверху накинута тонкий тёмный платок: воздух проходит, но что внутри — не видно. — Там букетик сонной травы, его действия хватит до завтрашнего утра и, надеюсь, к тому моменту мы уже вернёмся в Эон Нидао.

Я бы и Ночь с собой забрала, точнее, предложила бы её выкупить, да пока совершенно не готова к разговору с его сиятельством... при мысли о том, чтобы его просить о чём-то, меня передёргивает.

— Раз едешь со мной, то поможешь мне за ним присмотреть. Забрёшь корзину с Лисом в багажную карету.

— Конечно, ваша светлость! Благодарю за доверие!

Улыбаюсь Малии и радуюсь, что не придётся расставаться.

— Иди собирайся. Без тебя не тронемся, но поторопись, если что-то ещё нужно будет забрать, сможешь потом вернуться.

Теперь можно не думать, как незаметно протащить цайра во дворец, не вызвав при этом новый взрыв сплетен. А то бы потом случайно узнала, что у меня уже и ребёнок новорожденный имеется, которого я ношу в корзине и, разумеется, ото всех скрываю, потому что... даже думать не хочу дальше.

Подхожу к корзине и поправляю тёмную ткань.

Цайр, как выяснилось, редкое животное. Очень редкое. Поймать его невероятно сложно, потому что цайры умны, хитры и обладают потрясающим обонянием. То, что малыш оказался в силке, подтверждает, что в его лесной семье случилась какая-то трагедия.

А благородной дэе, как выяснилось, не только верхом не положено кататься, но и не пристало возиться с диким, хоть и редким зверьём. Новые скандалы и подозрения в собственной неадекватности мне сейчас не нужны. Решается моя судьба и Его Величество должен увидеть во мне разумную и серьёзную особу. Так что лучше мне пока помалкивать о питомце.

Мои вещи начинают выносить, чтобы погрузить в королевский экипаж. И к моей радости, дио Зейн-Малик снова сопровождает меня в поездке... точнее сопровождает нас...

Его сиятельство появляется на ступенях особняка в тот момент, когда Дио Зейн-Малик помогает мне подняться в экипаж. Граф явно спешил, чтобы оказаться здесь вовремя. Губы плотно сжаты, шея напряжена, брови нахмурены. На мгновение встречаюсь с ним взглядом и тут же отворачиваюсь. Располагаюсь на широком мягком сиденье просторной кареты. Королевский поверенный занимает место и пододвигается к окошку, из-за чего граф садится напротив меня. Карета трогается. Очень заинтересованно рассматриваю складки на юбке и даже придирчиво поправляю несколько неидеальных, на мой взгляд, изгибов ткани, а потом перевожу внимание на виды за окном. Всё это время ощущаю его взгляд на себе, отчего сильно нервничаю. Стараюсь дышать ровно и считать каждый вдох. Пейзажи за окном сливаются во что-то смазанное, потому что я, кажется, смотрю в одну точку. Пару раз моргаю и пытаюсь незаметно расслабить пальцы, которые, затекли, напряжённо сжимая ткань юбки.

Тёплая рука накрывает мою холодную. Коротко выдыхаю и бросаю короткий взгляд в сторону королевского поверенного. Он дремлет, откинувшись на спинку сидения. Последние дни его сильно вымотали.

Чтобы дотянуться до меня, демону достаточно было всего лишь наклониться вперёд. Пытаюсь вытянуть руку, но он не пускает, перехватывает чуть сильнее и осторожно поглаживает слишком чувствительную кожу. Поднимает руку, и я ощущаю его мягкие губы на моих пальцах. Долго... слишком долго.

Набираюсь смелости и поднимаю глаза.

— Прости... — единственное слово шёпотом и взгляд, который заставляет ощущать себя оголённым нервом.

Не выдерживаю, забираю руку, пряча пальцы в складках платья. Он замирает, прикрывает глаза и делает несколько выдохов. Как и я, старается контролировать дыхание, но его выдохи немного судорожные, а каждый вдох глубже, чем следовало бы, чтобы я поверила, что он спокоен.

* * *

— И кто же он?

В роскошном кабинете Его Величества мы одни, если не считать лакея, замершего у дальней стены и стражу в дверях. Разговор длится уже некоторое время, а я нервничаю, пытаюсь повернуть его в нужное мне русло.

— Кто, простите?

— Тот, из-за кого ты готова отказаться от юного графа Фрэй Дау. Кто он?

— У меня никого нет.

— Полноте, милая. Я вижу, как ты расцвела и, очевидно, в этом нет заслуги Алексиона, — Его Величество на мгновение мрачнеет, но тут же снова меняется в лице, одаривая меня лёгкой улыбкой. — После бала мне поступило немало прошений от благородных дио, все они надеются на расторжение вашей помолвки и на то, что я включу их в список претендентов на твою руку. Так к кому из них мне стоит отнестись более

благосклонно?

Что??

— Простите, Ваше Величество... — поднимаю встревоженный взгляд, потому как это совсем не то, о чём я хотела поговорить. Вот, сильно-сильно “не то”. — Сегодня я шла к вам в надежде на вашу благосклонность...

— К кому?

— К... моей просьбе... — монарх приподнимает одну бровь, всем видом показывая, что внимательно слушает. — Могу ли я просить у вас отсрочку... немного времени?... Я... не готова обсуждать новую помолвку прямо сейчас.

Слова даются мне нелегко, но я изо всех сил стараюсь держать себя в руках и не показывать той бури волнения, что заставляет слабеть колени. От этого разговора зависит слишком многое.

— Что ж, после тех слухов, что доходили до меня, я не могу тебя осуждать за это желание. Но земли Эон Нидао нуждаются в хорошем хозяине.

Стараюсь заглушить нервозность и сосредоточиться на своей задаче. Вдох, выдох, лёгкая улыбка:

— Гостя у графа я немного изучила то, как устроено его поместье и хозяйство, старалась перенять некоторый опыт.

Монарх меняет взгляд со снисходительного на заинтересованный, и это придаёт мне смелости:

— Я также пересмотрела информацию по герцогству. Понимаю трудности, которые нынче испытывает... мм... казна, — немного тушуюсь, понимая, что Его Величество весьма осведомлен о моей прошлой беспечности. — Осознаю, что сама довела до этого, но сама же готова всё исправить. С уплатой королевского налога проблем и просрочек не возникнет. Я выполню свой долг перед короной.

Чтобы сейчас уверенно об этом заявлять, мне пришлось немало покорпеть над цифрами, которые прислали управляющие. Я понимаю, какой доход могу получить с порта, с простых жителей, с мануфактур... и я также понимаю, сколько мне не хватает, чтобы выполнить обязательства и не остаться при этом с пустой казной. Пусть у меня пока нет чёткого плана, но уже есть некоторое представление о том, что можно сделать, чтобы улучшить положение.

— А если нет? Если не справишься? Готова принять в супруги того, на кого укажу я?

Как-то мне не нравится такая постановка вопроса.

— Мм... Сейчас я прошу лишь дать мне время. Я надеялась, что в случае... если что-то пойдёт не так, мы просто вернёмся к выбору кандидатуры нового хозяина Эон Нидао.

В суровом взгляде правителя появляются едва заметные смешинки и меня посещает подозрение, что он ловко испытывает меня.

— Я почти уверен, что так оно и случится в итоге, — монарх задумчиво откидывается на спинку высокого богато отделанного кресла. — Но ты пробудила во мне любопытство. Возможно, в тебе говорит древняя кровь правителей... Вижу, ты повзрослела, девочка, я рад этому. Жаль, мой брат уже не узнает этого.

В его глазах монарха смешались тепло и грусть.

— Будет занятно посмотреть, как именно ты будешь решать проблемы герцогства. Этот опыт станет хорошим подспорьем для будущего Эон Нидао. Я опасался, что даже Алексион не сможет совладать с тобой. Но сегодня, милое дитя, моё старческое сердце радуется.

Поэтому я дам тебе время, которого ты так желаешь.

— Благодарю, Ваше Величество! — незаметно выдыхаю, в голове крутятся сотни слов, чтобы описать моё облегчение и радость, но всё, что я могу себе позволить — полный благодарности взгляд.

Почти ласковая ответная улыбка растекается в груди приятным теплом.

— Больше ничего не хочешь мне рассказать?

— Рассказать?

— Например, про то, как умудрилась оказаться верхом на лошади? Помнится, покойный брат говорил, что ты и близко не подходила к лошадям с тех пор, как одна из них тебя укусила, — монарх приподнимает одну бровь и кажется серьёзным, я уже готова начать нервничать, но глубоко внутри серых глаз снова замечаю смешинки. Это помогает мне расслабиться и почти беззаботно улыбнуться:

— Да... раньше не подходила. Но разве мы не должны учиться преодолевать свои страхи, Ваше Величество?

— Побороть свои страхи — очень благородная цель, — удовлетворённо кивает монарх. — Но в будущем постарайся беречь себя. Не хочу, чтобы ты пострадала.

— Значит ли это, что отныне мне запрещено подходить к лошадям?

— Нет, Эммилина, это не запрет. Просто будь осторожна и продумана во всём, что делаешь. Я уважаю твоё желание стать сильнее, — он поднимается из массивного кресла, закладывает руки за спину и делает пару шагов к высокому окну. — Знаешь... когда Алексион попросил меня дать вам эти десять дней, я сначала рассердился. Но потом понял, что он прав. Я хочу для тебя благополучного брака, такой брак стал бы основой процветания вверенных тебе земель. Ненависть и безразличие не сделают нас сильнее. Поверь, я знаю, о чём говорю. Я согласился с мальчиком, посчитав, что для тебя это также станет важным уроком. Как единственная наследница, ты получила власть, к которой не была готова. Пожалуй, слишком много власти. Но ты должна помнить, что властью можно подчинить тела и даже слова людей, но невозможно подчинить их сердца и души. Я знал, что Алексион станет этому наглядным примером, но в то же время надеялся, что вы оба будете достаточно мудры, чтобы найти компромисс и договориться.

Об этом говорил дио Зейн-Малик? Кажется, я начинаю хоть что-то понимать.

Монарх делает два шага обратно и возвращается в кресло, смотря мне прямо в глаза:

— Эмми, на будущее: хочешь настоящей преданности, ищи подход к сердцам, но не забывай кто ты. Ты герцогиня и в тебе течёт кровь древних королей. Никто не имеет права оскорбить тебя. И не позволяй им видеть свои слабости. Сейчас ты глава рода, ты обязана быть сильной.

— Благодарю, Ваше Величество, я стараюсь.

— Я заметил. Ты превзошла даже мои самые смелые надежды, я рад, что ты готова взрослеть. Очевидно, эти десять дней были прекрасной идеей. Не понимаю, куда смотрит Алексион.

— Вы сердитесь на его сиятельство?

— Сержусь? Он просил дать время, чтобы вы определились, сможете ли мирно сосуществовать в этом браке и попытались преодолеть прежние разногласия. Но мальчик заигрался и забыл своё место.

— И что это значит для самого графа?

— Всё ещё переживаешь за него?

— Скажем, благодарна ему за приобретённый опыт.

Старческое лицо расплывается в улыбке и по кабинету разносится хрипловатый тихий смех.

— Так стоит наградить Алексиона за вклад в твоё скорое взросление?

— Я бы просто хотела узнать, что ему... что его ждёт...

— А ты бы хотела, чтобы я его наказал?

Алексион-Кэссим

Это какая-то пытка. Нужно было попросить у лекаря настой для сна, но организм настолько измотан, что я был уверен — отключусь, как только закрою глаза, даже если не успею при этом добраться до постели.

Предрасветные сумерки намекают на то, что время, отведённое на отдых, подходит к концу, потому что позволить себе утренний сон я не могу.

Что, если Эммилина не станет задерживаться, а отправиться из дворца сразу после завтрака? Сколько это будет? Девять? Десять утра?

Мне нужно с ней поговорить.

Вчерашний разговор с Его Величеством дался тяжело. Как в целом и весь прошлый день...

* * *

За день до этого

Приходится заставить себя подняться до рассвета. После жалкого часа сна... возле её постели.

Я мечтал, чтобы утро никогда не наступило, хотелось просто остаться там, в полутьме спальни. Вслушиваться в тихое дыхание, представляя, что события последних дней лишь плод моего воспалённого разума. Раз за разом прокручивал варианты того, как всё могло произойти, если бы я действовал более осмотрительно. Хотя в те моменты решения выглядели единственно верными ...

Бессмысленно сейчас об этом думать.

Реальность уже распахнула свои когтистые объятия. Слишком отчётливо я осознаю, что может последовать за сегодняшним визитом во дворец. Полагаю, при следующем восходе солнца у меня уже не будет ни этого имения, ни земель, ни титула... ни свободы.

Как такое могло произойти со мной? Всё это напоминает дурной сон. То, чего невозможно было представить. Нелепое стечение обстоятельств, несколько неверных решений, несколько неосторожных разговоров.

Бесполезно перекладывать вину на Итеона, это приведёт лишь к тому, что пострадаем мы оба. Но если сумею оградить его, то у меня хотя бы останется тот, к кому я смогу попроситься на службу... хочется верить, что он не откажет опальному другу, даже после тюрьмы... Хотя о чём это я? Уверен, Эммилина подробно расскажет обо всём, что предшествовало её забвению.

Отчаянно тру ладонями лицо и заставляю себя подняться. Нужно успеть слишком многое. Написать десятки писем и отдать их управляющему, сопроводив инструкцией: кому, когда и в каких случаях эти бумаги доставить. Требуется завершить несколько самых важных дел, с которыми я бы не справился из дворца, а тем более из тюремных казематов.

Разумеется, времени не хватает, но я делаю всё, что могу за этот жалкий отрезок времени. Едва успеваю к ожидающему королевскому экипажу. Было бы непростительно опоздать в таких обстоятельствах...

— Я помню заслуги твоего отца и умею ценить хорошее, но ты заигрался мальчик мой. Я доверил тебе ту, что находится под моей опекой. Я верил в тебя... даже больше: был уверен в твоём благородстве и воспитании.

Это были первые слова монарха. Сведённые к переносице брови и выражение полного разочарования во взгляде.

— Я...

— Молчать! — звук удара королевской ладони о стол звучит как пощёчина. Мне не доводилось видеть монарха в гневе. Прежде он всегда был доброжелателен в разговорах со мной. — Я знаю про все твои выходки! Даже о пище простолюдинов для той, что принадлежит к монаршей семье. Думал, я не узнаю? Так-то ты собирался преодолеть ваши прежние разногласия? А попустительское отношение к её здоровью? Я сейчас даже не говорю о том, что ты допустил появление постороннего в её комнатах! Зейн-Малик передал мне предварительные выводы по расследованию, с этим отдельно разберёмся.

Он делает многозначительную паузу, останавливая на мне тяжёлый пронизательный взгляд.

Я видел, что Эмилиана прикрыла следы от осколков волосами, а царапины на шее изящным платком. Спрятала от посторонних глаз... но не от короля. Вспоминаю алую ссадину от удара об угол мозаичного столика. Внутренне холодею и сжимаю зубы, готовясь принять неизбежное.

— Ты допустил благородную дэю к скачкам на лошади! В одиночку! Хоть представляешь, насколько это опасно??

Скачки? Да, конечно, представляю. В тот день я готов был рвать на себе волосы. Мы бросились прочёсывать окрестности, но не находили её. Я молился богам, чтобы Эмилиана не пострадала. Но сейчас я ожидал упоминания иного инцидента...

— А демонстративное увлечение любовницами в её присутствии и при посторонних? Унижая мою родную кровь, ты унизил и меня, — монарх замолкает и переводит взгляд на распахнутое окно.

Вечерняя прохлада проникает в кабинет, насыщая воздух ароматами ночных цветов, но я не ощущаю этого. Моё тело, как натянутая тетива, напряжено в ожидании.

— Династический брак, Алексион, обязывает к уважительному отношению и исполнению супружеского долга. Ты не девку для развлечений выбираешь. Ты принимаешь обязательства, возложенные титулом: забота о безопасности и процветании земель и семьи, продолжение рода. Мальчик, ты хоть понимаешь, как это важно для стабильности государства? Ты один из тех, кому по долгу крови выпала честь охранять устойчивость короны. Осознай это.

Тяжёлый долгий взгляд из-под густых бровей. Замираю, когда до моего сознания доходит, что он ни словом не обмолвился о “лёгком сознании”...

Как это понимать? Он не знает? Эмилиана не рассказала? А лекарь? Я же видел, как он брал её кровь, он должен был передать сведения в отдел королевского дознания...

— Ты разочаровал меня Алексион. Оскорбил меня лично своим пренебрежением к монаршей воле. Такое не прощается, мальчик мой.

Его Величество берёт со стола бумагу и протягивает мне. Вчитываюсь, принимая неизбежное. Я знал, что так будет, но всё внутри меня обмирает, а голова кажется звеняще пустой. Привычная жизнь не будет прежней. Отныне я изгой для своего общества. Лишён королевской милости, всего, чем дорожил и над чем усердно работал последние годы. Я

подвёл память отца. Подвёл свой род.

— Сегодня утром я подписал указ о лишении тебя титула...

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Дио — обращение к благородным мужчинам.

Дэя — обращение к благородным женщинам.

1 оксалер = 100 салеров.